

ALBUQUE

GAZCO

Annotation

Роман о Васко да Гама – португальском исследователе, первом европейце, совершившем морское путешествие в Индию, написанный Константином Куниным, все творчество которого было посвящено истории географических открытий.

Из серии «Жизнь замечательных людей». Иллюстрированное издание 1947 года. Орфография сохранена.

- [Константин Ильич Кунин](#)
  - [РОДИНА](#)
  - [ПОДГОТОВКА](#)
  - [ПЛАВАНИЕ ПО АТЛАНТИКЕ](#)
  - [НЕВЕДОМАЯ АФРИКА](#)
  - [НА СЕВЕРО-ВОСТОК](#)
  - [ИНДИЙСКИЙ БЕРЕГ](#)
  - [АУДИЕНЦИЯ](#)
  - [В ПЛЕНУ](#)
  - [ТОРГОВЛЯ](#)
  - [ССОРА](#)
  - [НА ОСТРОВАХ АНЖЕДИВА](#)
  - [ОБРАТНЫЙ ПУТЬ](#)
  - [НА РОДИНЕ](#)
  - [ИНТРИГИ](#)
  - [ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ](#)
  - [РАСПРАВА](#)
  - [НА ПОКОЕ](#)
  - [СОЗДАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ](#)
  - [ПОРТУГАЛЬСКАЯ ИНДИЯ](#)
  - [ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
-

Константин Ильич Кунин

Васко да Гама

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих – такова была утренняя заря капиталистического производства».

Карл Маркс. Капитал (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 821.)

РОДИНА

На полпути между Лиссабоном и юго-западной оконечностью Португалии – мысом Сан Висети – в небольшой бухте расположился городок Синеж. С суши город защищают старые, бурые от времени стены и невысокий горный кряж. Далее стелется широкая унылая полоса дюн. Летом там печет солнце, чуть колышутся в жарком воздухе прутья дрока, да высоко в воздухе парит коршун. Осенью и зимой резкий холодный ветер поднимает тучи песка и бросает их в лицо одинокому путнику. Даль тогда покрыта дымкой. Вокруг шелестят и гнутся кусты. Вдали шумит море. Путник плотнее запахивает плащ и торопится по узкой, вьющейся среди дюн тропинке засветло добраться до ворот Синежа.

К северу от города обрывистые черные скалы образуют бухточку. В непогоду сюда спасаются синие и желтые рыбацьи лодки. Весь городок живет рыбной ловлей. Рыбой платят «десятину» монахам соседнего аббатства Сао Домингож, рыбой вносят подать королю и сеньору. На тесной, покрытой рыбьей чешуей площади, в низких домиках, в прохладном полумраке караульных помещений – всюду разговор о море, погоде и рыбе.

В этом городе в 1460 году родился Васко да Гама. В семье гордились трехсотлетним дворянством и любили вспоминать о том, что основатель рода Гама, испанский рыцарь из знатной семьи Уллоа, связал свою судьбу с первым королем Португалии Афонсо Энрикеш, сражался в бесчисленных схватках с мазрами, а в 1165 году участвовал во взятии города Эвуры.

Позднейшие представители рода да Гама принимали самое деятельное участие в вековой борьбе

с маврами. Так, в 1250 году Альваро Аннеш да Гама отличился в походах короля Афонсо III, когда этот король изгонял мавров из Южной Португалии.

Потомки Альваро Аннеша были смелыми воинами, ревностными католиками и верными слугами португальских королей. Это были служилые дворяне. Больших поместий они никогда не имели, и все благополучие их было связано с королевским двором. На суше и на море бились они с маврами и кастильцами, в маленьких городах и деревнях собирали королевские подати, именем короля творили суд и расправу, во время борьбы королей с надменной, могущественной знатью или защищавшими свои вольности горожанами исполняли любые королевские поручения.

Отец Васко да Гамы, Эстевао, жил в смутное, чрезвычайно богатое событиями время.

Молодому португальскому государству приходилось защищаться не только против мавров, но и против соседей – королей Кастилии и Леона. Лишь в 1385 году, в битве при Альжубарроте, португальцы нанесли кастильской коннице такое сокрушительное поражение, что на целых два столетия кастильское завоевание перестало угрожать Португалии.

Но войны с испанцами не прекращались. Часто между Кастилией и Португалией вспыхивали ссоры, обычно решавшиеся на поле битвы, и тогда Эстевао да Гама надевал латы и в сопровождении оруженосца и нескольких слуг спешил на сборный пункт под королевское знамя.

Война с маврами была перенесена в Марокко. Еще в начале XV века король Жоао I вместе со своими сыновьями собрал под знамена крестоносного ополчения множество рыцарей из Португалии, Испании, Франции и Англии и захватил Сеуту. В 1438 году король Дуарте и принцы Энрике и Фернао затеяли большой поход под Танжер, но он окончился полной неудачей.

Время от времени из Португалии в Марокко направлялись небольшие отряды крестоносцев. В таких походах принимал участие Эстевао да Гама. В Марокко португальские крестоносцы вели себя так же, как и их деды, воевавшие с маврами в Южной Португалии. Они разоряли поля и деревни марокканцев, осаждали, а в случае удачи грабили и сжигали их города.

Своеобразная обстановка, сложившаяся в Португалии в XV веке, наложила яркий отпечаток на классовую прослойку, из которой вышел Васко да Гама.

Португалия – отдаленный, гористый и бедный угол Европы – была местом причудливого смешения самых различных народов. Древние лузитанцы и иберы, карфагеняне и римляне, свевы и вестготы эпохи переселения народов, позднее—арабы, евреи, берберы, кастильцы и крестоносцы из Англии, Бургундии, Франции, Каталонии – все участвовали в формировании португальского народа. Издавна португальцы привыкли к опасности; почти всегда где-нибудь неподалеку – на кастильской границе или на юге, в соседнем Марокко, – шумела война, на побережье нападали корсары, в самой стране шли феодальные распри. Зачастую даже мирный труд был сопряжен с опасностями и лишениями. Море кормило множество семей, а люди, занимавшиеся рыбной ловлей, торговлей и морскими перевозками, в те времена рисковали не меньше, чем бойцы на войне.

В боях с маврами большую роль играли католические военно-духовные ордена, созданные для борьбы с «неверными». Католицизм наложил свою печать на быт, нравы и духовный облик португальцев тех времен.

Католическая церковь ревниво следила за тем, чтобы ее португальскую паству не сворачивали с истинного пути, и достигла в этом немалых успехов. «Ереси», отражавшие недовольство и возмущение

угнетенных классов и получившие в позднем средневековье такое широкое распространение, уничтожались в Португалии в самом зародыше. Даже книгопечатание – источник стольких беспокойств для «отцов церкви» – было занесено в Португалию лишь в 1486 году, почти через пятьдесят лет после изобретения Гутенберга.

В непрерывных войнах с маврами, в грабительских экспедициях в Марокко, в корсарских подвигах на море, в междоусобных войнах и феодальных распрях постепенно оформился класс дворян – «фидальго». Для фидальго война, особенно война с «неверными», была не только единственным достойным занятием, но и «богоугодным, святым делом».

Истый фидальго – опытный и отважный боец, верный слуга сюзерена и покорное чад католической церкви – считал, что в войне с «неверными» оправданы любая жестокость, всяческое коварство и обман. Суровый воин, не щадивший в бою ни себя, ни своих соратников, фидальго после боя превращался в подлинного мародера: он не гнушался ограблением мертвых, умерщвлял пленных, истязал женщин и детей, уничтожал население целых городов.

Но мавры были изгнаны из Португалии, и короли сломили своевольных феодалов. Междоусобные войны и дворянские распри все реже раздирали Португалию.

Дружины крупных феодалов оказались не у дел. Фидальго – воины и грабители—не так чзсто могли проявлять свою доблесть на родине и грабежом пополнять свои тощие кошельки и пустые сундуки. Поэтому среди португальских фидальго все более усиливалась тяга за море – сначала в Марокко, где шла вековая война с «неверными», а потом и в дальние морские просторы, в неведомые южные земли, сулившие воинскую славу и обильную добычу. Рыцари превращались в открывателей новых земель.

Так выковывались люди, которым суждено было в течение восьмидесяти лет осуществить величайшие открытия и превратить захолустное королевство в мощную империю, раскинувшуюся в четырех частях света, – от Бразилии до Китая.

Заморские дали влекли к себе и богатых горожан больших приморских городов Португалии – Оporto и Лиссабона. Португальские города, расположенные на пути из Средиземного моря в Северную Европу, издавна вели значительную торговлю с фландрскими, северофранцузскими и нижнегерманскими городами, а особенно с Англией. Еще в 1294 году Португалия заключила с Англией торговый договор. Но захолустная Португалия, лежавшая на дальней окраине тогдашнего культурного мира, находилась в стороне от великих торговых путей того времени. Барыши от торговли восточными пряностями, драгоценными камнями, тканями и утварью уплывали в сундуки турецких, итальянских, рейнских и каталонских купцов, а богатые горожане Оporto и Лиссабона принуждены были довольствоваться товарами из третьих и четвертых рук. Особенное недовольство португальских купцов, фидальго и королевского двора вызывала монополия итальянских купцов на торговлю индийскими пряностями – одним из важнейших товаров средневековья.

Фидальго и купцы Португалии с завистью смотрели, как богатеют их более удачливые конкуренты, как создаются пышные палаты, церкви, мечети в Венеции, Каире, Константинополе и Брюгге, как умножаются богатства ломбардских и фландрских торговцев. Поэтому поиски путей в Индию очень рано стали интересовать португальцев.

Но, кроме далекой Индии, они стремились и к более близкой цели – в земли, богатые рабами, золотым песком и слоновой костью, – к африканскому

побережью Атлантического океана. Если для торговли с Левантом Португалия была расположена очень неудобно, то для продвижения на юг, вдоль африканского берега, она обладала многими существенными преимуществами.

Португалия лежала в дальнем, юго-западном углу Европы, ближе всех других стран к африканскому побережью Атлантики. Она сторожила выход из Средиземного моря в Атлантический океан, и португальцы могли препятствовать кораблям своих средиземноморских – итальянских, а отчасти и испанских – соперников попадать в Западную Африку. Англичане, голландцы и французы еще не играли тогда существенной роли на мировых торговых путях; поэтому португальцы могли продвигаться вдоль африканского берега, не встречая соперников. На португальском побережье очень рано появились прекрасные моряки и кораблестроители.

Оставшиеся не у дел фидальго и смелые моряки были готовы по первому зову принять участие в опасном, сулившем обильную добычу плавании к неведомым берегам. Купцы и ростовщики Лиссабона, Оporto и Эзуры, богатые духовные ордена охотно ссужали деньгами заморские экспедиции.

Португальские короли тоже очень рано заинтересовались заморскими завоеваниями. Они вечно нуждались в деньгах на ведение войн, на пожертвования монастырям и на расходы двора. Но Португалия была нищей и малонаселенной страной. Войны с маврами и испанцами, грабительские набеги и феодальные распри в течение нескольких столетий разоряли Португалию. Особенно сильно пострадал юг. На месте мавританских деревень и садов раскинулись унылые заросшие, кустарником пустоши – прибежище разбойников и диких зверей.

Короли с трудом выколачивали налоги с нищих подданных. Чтобы пополнить свою казну, они обложили тройным налогом евреев и систематически прибегали к конфискациям имущества непокорных феодалов. Короли пытались ввести налог даже на духовенство, но встретили решительный отпор, в борьбу вмешался папа, и короли принуждены были уступить.

Заморские завоевания сулили им избавление от денежных затруднений. На марокканском берегу можно было поживиться богатой добычей, в неведомых южных странах, лежавших за океаном, по рассказам, таились несметные сокровища.

Инфанте Энрике.

Поэтому владыки Португалии возглавили заморские завоевания. Эти походы за море были непосредственным продолжением борьбы с маврами в самой Португалии. Начавшись с крестоносных экспедиций в Марокко, они завершились плаванием Васко да Гамы в Индию.

Раньше других понял значение заморских плаваний сын Жоао I, герой Сеуты и Танжера, Инфанте Энрике,

которого часто называют принцем Генрихом Мореплавателем.

Во время разграбления марокканского города Сеуты, когда крестоносцы по залитым кровью коврам тащили медные тазы, наполненные драгоценностями, и волокли мешки с перцем, а в полутемных закоулках караван-сараев и рынков опьяневшие от жары и крови завоеватели взламывали мечами резные шкатулки из слоновой кости и тяжелые кованые сундуки, – молодой Инфанте Энрике допрашивал на площади перед разграбленной мечетью пленных купцов. Энрике интересовали сведения о грузообороте Сеуты, о путях, которыми идут пряности, о караванах, посылаемых ежегодно из Марокко через Сахару в таинственный город Тимбукту, о царстве первосвященника Иоанна, От этих пленников и от приезжавших к португальскому двору послов арабских государей узнал Энрике об огромном мире, лежащем к югу от Марокко, о торговле с Индией, об островах, где «живут овцы с горьким мясом, мужчины с собачьими головами и самые прекрасные женщины на земле», о «липком море», что преграждает путнику дорогу к югу.

Брат Инфанте Энрике, Дом Педро, привез ему из Италии книгу Марко Поло и венецианские карты. У Марко Поло Инфанте Энрике прочел о великих царствах, пышных дворцах, многолюдных городах, дальних южных морях, златоверхих дворцах Чипангу и таинственной далекой Индии, откуда в бедную, захолустную Португалию привозили по баснословным ценам гвоздику и перец, жемчуг и алоэ.

К 1438 году Энрике обосновался в юго-западном крае Португалии, на узком бесплодном каменистом мысе Сан Висети. Здесь, на развалинах старинного кельтского храма и римского города Сакрес Промоторум, построил он город Инфанта, или, как его называл народ, Сагреж, соорудил обсерваторию, верфи,

укрепления, церковь и лома для моряков. В этом городе Энрике прожил более двадцати лет. Сагреж стал подлинным центром морского дела.

В Сагреже Инфанте Энрике руководил строительством и усовершенствованием кораблей, исправлением старых и составлением новых карт, собирал сведения о далеких странах и снаряжал экспедиции за море.

На верфях Сагрежа строились самые быстрые каравеллы, в мастерских делали и выверяли инструменты для измерения широт. Инфанте Энрике привлекал сюда лучших моряков, храбрых воинов, опытных кормчих, искусных кораблестроителей, сведущих картографов, математиков и астрономов. Он проявлял редкую по тем временам терпимость: в Сагреже работали португальцы, евреи и мавры – превосходные математики и картографы, генуэзцы и венецианцы, смелые баски – лучшие водители кораблей, знатоки мореходного дела – каталонцы, веселые моряки с острова Майорки и даже белокурые и голубоглазые немцы и датчане.

Только недостаток в людях заставил Инфанте Энрике столь широко распахнуть двери Сагрежа для иностранцев. В то время Португалия по своему культурному развитию намного отставала от большинства стран Западной Европы. Непрерывные вторжения, войны и разорения почти не оставили следа римской культуры. Огнем и мечом уничтожали крестоносцы культурное наследие мавров, и в этом им деятельно помогала католическая церковь.

Из Сагрежа Инфанте Энрике начал и возглавил то упорное, медленное продвижение португальцев на юг, которое завершилось в конце XV века открытием морского пути в Индию.

Об Атлантическом океане ходили самые причудливые легенды, хотя задолго до моряков

Инфанте Энрике европейцы отваживались проникать в открытое море. В X–XI веках северную Атлантику бороздили корабли норманских викингов. В XIII–XIV веках испанцы и итальянцы неоднократно пытались пробраться на юг, вдоль африканского берега, но все их плавание кончались неудачно. До Инфанте Энрике доходили смутные сведения о плодородных островах, лежавших где-то на юге.

В 1420 году португальцы открыли остров Мадейру, покрытый густым лесом (Мадейра и означает по-португальски «Лесная»). Чтобы расчистить почву для посева, португальцы зажгли тропический лес. Семь лет полыхал пожар. Издали остров светил морякам, как костер. Через несколько лет португальцы начали колонизацию Мадейры и развели на пепелище сады и виноградники.

Инфанте Энрике продолжал посылать корабли на юг. Его капитаны исследовали Азорские острова и обогнули страшный, окаймленный бурунами мыс Божадор.

Проникновение португальцев на юг и захват африканского побережья не встречали серьезного сопротивления негритянских племен. Французский историк аббат Рейналь писал в XVIII веке: «Нетрудно им было производить завоевания и иметь выгодный торг в сих странах, малые народы, в оных обитающие, разделены будучи друг от друга непроходимыми степями, не знали ни цены своему богатству, ни искусства защищаться».^[1] В Африке португальцы нашли золотой песок и слоновую кость.

Еще одно обстоятельство подстегнуло рвение капитанов Инфанте Энрике. Они начали привозить из своих плаваний новый дорогой товар – черных невольников. Недостаток рабочих рук заставил крупных светских и духовных феодалов забросить огромные

угодья, пожалованные им королем в разоренной южной Португалии. Появление новой рабочей силы пришлось как нельзя более кстати, и скоро широкий поток невольников хлынул в Португалию. Прежде всего труд невольников стали применять в обширных поместьях ордена Святого креста, командором которого был Инфанте Энрике.

Гомеш Эаннеш де Азурара, современник и биограф Энрике, так описывает прибытие одной из первых партий черных рабов в соседний с Сагрежем город Лагош: «Очень рано утром, чтобы избежать жары, моряки приготовили лодки и перевезли на них пленников на берег, как им было приказано. Пленники, собранные все вместе на поле, представляли удивительное зрелище: среди них были довольно белые, красивые на вид и хорошо сложенные, а другие были черные, как эфиопы, и были так безобразны лицом и телом, что казались выходцами из преисподней. Но чье сердце может быть столь жестоким, чтобы оно не было охвачено чувством жалости при виде этих людей? Хотя мы не могли понять их речи, звуки ее полностью соответствовали степени их горя. Но как будто для того, чтобы еще более усилить их страдания, появились те, кому было поручено распределение пленных. Они начали делить их на группы, чтобы получились равные доли для участников плавания, и пришлось разлучать отцов от сыновей, мужей от жен, братьев друг от друга».

Так начал Инфанте Энрике одну из самых позорных страниц в истории Западной Европы – торговлю черными рабами.

В это время на востоке произошло событие, оказавшее огромное влияние на судьбы большинства средиземноморских стран и косвенно усилившее стремление португальцев добраться до Индии морским путем. Летом 1453 года огромное турецкое войско

после двухмесячной осады и кровопролитного штурма захватило Константинополь. На месте тысячелетней Византийской империи возникла Османская держава.

Как мощный заслон, встала Турция на великих торговых путях между Востоком и Европой. Отныне, чтобы получить восточные товары, и прежде всего пряности, европейцы должны были платить очень высокие пошлины турецким султанам и их вассалам – египетским мамелюкам. Правда, венецианцы скоро наладили деловые отношения с новыми властелинами Леванта, но жителям других европейских стран от этого не стало легче. Платя солидную мзду за провозимые через турецкие и египетские порты индийские пряности, оборотистые венецианцы с лихвой перекрывали свои расходы за счет европейских потребителей пряностей, покупавших перец и гвоздику на вес золота. Поэтому для португальцев поиски нового пути в Индию стали особенно необходимы.

Инфанте Энрике с еще большей настойчивостью посылал корабли за море. Капитаны Альвизе Ка да Мосто, Гонсало Вельо, Жиль Эаннеш и другие добрались вдоль берега до устьев Сенегала и Гамбии и открыли острова Зеленого мыса. Инфанте Энрике пытался даже найти сухопутную дорогу в Индию в обход турецких владений. Он посылал своих людей через Африку на поиски Индии.

В ноябре 1460 года Инфанте Энрике умер. К тому времени португальские корабли уже пробрались далеко на юг вдоль африканского побережья, а португальские капитаны – смелые и алчные «морские волки» – не знали, казалось, преград своим дерзаниям.

В том же 1460 году родился Васко да Гама – человек, которому суждено было завершить дело Инфанте Энрике, – проложить морской путь в Индию и заложить основы португальской колониальной империи.

Детство Васко прошло в рыбацком Синеже. Старый Эстевао да Гама был правителем городов Синежа и Сальвежа в провинции Альгарве, которую его предок Альваро Аннеш да Гама в 1250 году отвоевывал у мавров. Васко был третьим из четырех сыновей Эстевао. В маленьком городке вся жизнь была связана с морем, и мальчики любили рассказы о таинственных морских далях. Рыбаки Синежа знали лишь прибрежные воды, а о самом океане рассказывали страшные и заманчивые истории, в которых переплетались греческие и римские предания, средневековые легенды и церковные притчи и арабские сказки.

По словам старых рыбаков, в неведомом море путника ждали ужасы. По ночам над морем нависало беззвездное небо, и моряки, не видя привычных звезд, сбивались с пути. Солнце растопляло смолу, и корабль наполнялся водой. От жары вода в южном море испарялась; оно становилось густым и липким, как растопленный вар, – и не было пути кораблю по такому морю. Старики рассказывали, что в океане смерчи ломали борты кораблей, моряков подстерегал страшный морской епископ в светящейся митре, морской единорог мог своим рогом проткнуть сразу три, плывущие рядом каравеллы, сирены завлекали моряков в бездну, из морских пучин поднимался гигантский спрут и, оплетя своими щупальцами корабль, пожирал одного за другим беспомощных моряков.

Но предания говорили, что смельчака, преодолевшего эти ужасы, ждала величайшая награда. В морских далях скрывались дивные страны: Атлантида – остаток опустившегося в воду древнего царства; Бимини, где журчит фонтан вечной юности; туманный остров Авалон из древних саг, где за круглым столом среди своих рыцарей спит король Артур; благословенный остров Семи городов, основанных бежавшими от мавров португальскими епископами;

земля святого Брендана, стоящая на гигантском ките; Антилия – обетованная страна золота; Бразилия – страна бразильского дерева и пряностей.

Помимо океана, воображение мальчиков занимала борьба с «неверными».

С самого детства Васко да Гама постоянно чувствовал турецкую угрозу; он слышал рассказы взрослых о падении Константинополя. С тех пор почти каждый год приходили известия о новых победах турок. Турки завоевали весь Балканский полуостров, проникли в Крым, а в 1480 году наполнили трепетом Европу, захватив город Отранто в юго-восточной Италии. Затем они отняли у венецианцев ряд островов в Средиземном море, а в конце XV и в начале XVI века подчинили себе Аравию, Египет и Венгрию, Родос, Алжир и Триполи. Турки и их североафриканские вассалы стали господами Средиземного моря. Через несколько лет после падения Константинополя зловещее знамение поразило ужасом жителей Западной Европы – появилась комета. Маленький Васко повторял за взрослыми слова новой молитвы, которую приказал читать папа: «От дьявола, от турка и кометы спаси нас, господи».

Так с детства научился Васко да Гама ненавидеть турок – самых страшных врагов на суше и на море.

Скоро Васко покинул родной Синеж. Еще подростком он принимал участие в одной из многочисленных войн между Португалией и Кастилией.

Среди выжженных солнцем холмов и прозрачных маслиновых рощ Эстремадуры происходили стычки одетых в латы кастильских и португальских рыцарей. Пылали деревни, рыцари и наемные солдаты грабили крестьян; горожане угрюмо отсиживались за крепостными стенами. В этой войне получил свое боевое крещение молодой Васко. Позже он направился в Марокко, чтобы принять участие в осаде Танжера.

Под белыми стенами Танжера снова собралось крестоносное ополчение. Съехались бойцы и искатели приключений из Португалии, Кастилии, Леона, Прованса. Под Танжером Васко да Гама участвовал в схватках с мавританскими витязями и в грабительских экспедициях в заросшие вековыми садами узкие долины, где под тенью платанов и кипарисов прятались белые деревни.

Вскоре по возвращении из Марокко молодой Васко попал ко двору. Он начинал придворную карьеру в трудное время.

Португальские короли, сами недавно вышедшие из рядов феодальной знати,^[2] вели с ней ожесточенную борьбу. Эта борьба проявлялась в кровавых расправах королей с их могущественными вассалами, в дворцовых смутах и переворотах.

При короле Афонсо V «Африканском» (1438-1481) власть захватили «временщики»– герцоги Браганца. Они сосредоточили в своих руках до трети земель Португалии и владели пятьюдесятью городами.

Когда Васко да Гаме шел двадцать первый год, на португальский престол вступил Жоао (Иоанн) II. Это был типичный деспот эпохи Возрождения – умный, дальновидный и жестокий. Жоао II, прозванный португальскими историками «Совершенным», поставил своей задачей любыми средствами сокрушить могущество феодальной знати. Он любил говорить, что из-за попустительства прежних королей вся страна захвачена знатью, а королям остались лишь большие дороги Португалии.

В 1483 году шурина короля, всесильный Фернао, герцог Браганца, был схвачен по обвинению в государственной измене и немедленно обезглавлен. Через год Жоао II «Совершенный» заколол кинжалом другого своего шурина, герцога Вижеу, в его

собственном дворце. Затем король приказал бросить в колодец одного из любимцев Афонсо V, епископа Эвру, и казнить восемьдесят знатнейших дворян Португалии.

В борьбе против знати Жоао II опирался прежде всего на среднее и мелкое дворянство – помещиков средней руки, не имевших значительных земельных угодий и целиком зависевших от королевской службы и королевской милости.

Таковыми дворянами средней руки были Эстевао да Гама и его сын молодой Васко да Гама. Они близко стояли к Жоао II и принимали самое непосредственное участие во всех внешних и внутренних делах королевства.

События конца правления Афонсо V и царствования Жоао II оказали сильнейшее влияние на формирование характера Васко да Гамы. Он научился ценой любых жертв и крови, любыми средствами, не гнушаясь лестью и обманом, упорно добиваться поставленной цели и там, где дело шло о службе королю или его собственной выгоде, не щадить ни своей, ни чужой жизни. Он привык скрывать свои мысли и намерения и быть «без лести преданным» властелину.

Сокрушая знать и борясь с городскими вольностями, Жоао II уделял большое внимание развитию португальской торговли и мореплавания. Он превратил Лиссабон в вольную гавань, пригласил в Португалию известного еврейского математика и астронома, профессора Саламанкского университета Абрахама бен Самуэля Закуто и назначил его «королевским астрономом».

Жоао II усилил продвижение португальцев на юг вдоль африканского берега. Почти каждый год в Лиссабон с далекого, неведомого юга приходили каравеллы, и Васко да Гама слышал рассказы бывалых капитанов о «Ниле негров» – Сенегале, о великанах

тропиков – баобабах, о людоедах, что нападают по ночам, о таинственных шумах тропической ночи, о черных рабах и рабынях, об отмелях, где добывают золотой песок, и о сваленных под пальмами гудах слоновой кости, которую негритянские царьки меняют на красивые тряпки.

Еще в семидесятых годах XV века португальские моряки добрались вдоль африканского берега до Гвинеи. Здесь был неисчерпаемый источник добычи рабов, золотого песка, слоновой кости. В 1481-1482 годах в Гвинею послали Диого д'Асамбужа, одного из лучших моряков португальского флота. В числе офицеров его эскадры находились два малоизвестных тогда моряка – Бартоломеу Диаш, которому суждено было обогнуть Африку, и Христофор Колумб, носивший тогда имя Кристобаль Колом.

Д'Асамбуж основал на гвинейском берегу крепость Сао Жорже да Мина (ныне Эль Мина). Вскоре между этой крепостью и португальскими портами стали крейсировать каравеллы. На юг, в Африку, они везли красные тряпки, бусы, ножи и толпы всякого рода проходимцев, одетых в тускло отсвечивающие на солнце шлемы и темные кожаные кирасы. Корабли возвращались тяжело нагруженные крепкими пальмовыми ящиками с золотым песком, желтовато-кремовой слоновой костью и партиями закованных п ручные и ножные кандалы черных людей.

В 1482 году один из приближенных короля Жоао II, Диого Као, был послан во главе новой экспедиции на юг. Као открыл устье Конго и двинулся дальше. Он добрался до 13°28 южной широты и водрузил на конечной точке своего плавания «тадрао» – каменный столб с гербом Португалии и надписью: «Сюда приходили корабли славного короля Дом Жоао II Португальского – Диого Као, Педро Аннеш, Педро да Коста».

В апреле 1484 года Као вернулся в Лиссабон. Во время второго плавания он добрался до 21° 50 южной широты и вернулся в Лиссабон в 1487 году. Его плавания удлинити вдвое известную португальцам линию африканского берега.

Но умный и жестокий правитель Жоао II прекрасно понимал, что основной целью всех морских экспедиций Португалии должны быть не только захват и разграбление африканского побережья, но и поиски Индии.

От экспедиций вдоль африканского берега Жоао II получал большие доходы. Для португальских королей доходы от заморской торговле имели особенно большое значение.

Вечно нуждаясь в деньгах, португальские короли принуждены были, вводя новые налоги, каждый раз созывать кортесы. Одобрив вводимый налог, кортесы старались выторговать у королей новые вольности.

Заморские экспедиции давали в руки португальских королей новый источник доходов, не подпадавший под контроль кортесов. Но Жоао II отлично сознавал, что до тех пор, пока португальцы не доберутся до богатого Востока, Португалия и в будущем останется в зависимости от стран-посредников, и львиная доля доходов от африканских экспедиций будет уплывать из Португалии в уплату за непомерно дорогие восточные товары.

Индийские товары шли в Европу сложным и дорогим путем. Богатые арабские торговцы скупали пряности на западном побережье Индии, в портах Каликут, Кочин и Кананор, и грузили их на большие морские суда. Аравийские суда имели плохую оснастку; они шли медленно и даже при попутном ветре плыли до аравийского порта Джедды пятьдесят дней.

В Джедде купцы выгружали товары и платили пошлину местному султану. Затем товары грузились на

маленькие суда и отправлялись на пристань Тууз, находившуюся в самом северном углу Красного моря. Там вновь платили пошлины и перегружали пряности на верблюдов. По дороге платили пошлины с каждого навьюченного верблюда. Шли медленно. Обычно купцы собирались в большие караваны, чтобы лучше защищаться от кишевших на дороге разбойников. Путь от красноморского побережья до Каира занимал десять дней.

В Каире с индийских пряностей снова взимали пошлину. Из Каира индийские товары шли водой. Их везли на больших, неуклюжих барках с косыми парусами. Барки медленно скользили по Нилу. На палубах расстилали цыновки, перебирали и сушили на египетском солнце отсыревшие во время долгого пути пряности.

В Розетте местные власти тоже взимали с индийских товаров пошлины. Пряности вновь грузили на верблюдов и перевозили в Александрию. Там пряности ссыпали в каменные хранилища, сортировали и перебирали. В Александрию приходили корабли венецианских и генуэзских купцов. Итальянцы покупали у египетских торговцев индийские пряности, чтобы перепродать их в Европу.

Естественно, что португальцы мечтали преградить этим товарам доступ в Египет и овладеть потоком, несущим несметные богатства.

Еще одну задачу ставили перед собой португальцы – найти путь в царство первосвященника Иоанна.

В XII веке в монастырях и замках Европы стала передаваться из уст в уста легенда, что где-то на Востоке существует мощное христианское царство.

Его повелитель – «первосвященник Иоанн» – был якобы самым могучим государем и самым правоверным христианином. Ему подчинялись семьдесят два короля, прислуживали семь королев и шестьдесят герцогов. На

его землях жили всевозможные драконы, грифы и гарпии средневековых сказок, рыбы, рождающие пурпур, огромные муравьи, строившие муравейники из золота.

Первосвященник был одет в несгораемую одежду, в руке он держал скипетр, высеченный из гигантского изумруда. Перед его дворцом находилось волшебное зеркало, при помощи которого он мог видеть все, что делалось в сокровеннейших уголках его царства.

В этой легенде причудливо переплелись мистические чаяния европейцев, надежды, что на Востоке существуют могущественные союзники в борьбе против мусульман, обрывки христианских преданий о деятельности апостола Фомы в Индии и отголоски сведений о существовавших на самом деле в Монголии христианских (несторианских) государствах найманов и кераитов и христианского (коптского) царства в Абиссинии.

В 1145 году сирийский монах, странствовавший по Европе, рассказывал, что первосвященник Иоанн нанес мусульманам поражение и лишь отсутствие судов для переправы через реку Тигр мешает ему вторгнуться в мусульманские владения Малой Азии. Еще в 1177 году папа послал к Иоанну своего лейб-медика. Разговоры о первосвященнике Иоанне оживились в XIII и XIV веках, после поездок в Монголию посла папы римского – монаха-францисканца Джованни де Плано Карпини и посла французского короля – Вильгельма Рубруквиса, а особенно после появления книги Марко Поло, подробно рассказавшего о борьбе государя одного из монгольских христианских племен с Чингисханом. Марко Поло всюду называл монгольского князька первосвященником Иоанном. Правда, он рассказывал о поражении первосвященника Иоанна и гибели его царства, но и это известие не охладило умы пылких мечтателей.

В Европе неоднократно подвизались различные авантюристы, выдававшие себя за послов первосвященника Иоанна.

Португальцы, много лет боровшиеся со своими заклятыми врагами – маврами, мечтали добраться, наконец, до могущественного первосвященника Иоанна. Он казался им естественным союзником в борьбе с мусульманами. С помощью его армий и боевых слонов они думали одолеть мавров.

При дворе Жоао II часто появлялись различные иноземцы, предлагавшие всевозможные проекты достижения Индии и страны первосвященника Иоанна.

В 1483 году генуэзец Колумб предложил Жоао II свой проект поисков пути в Индию на западе. Жоао II «Совершенный» секретно послал на запад корабль. Моряки скоро вернулись, заявив, что на западе лежит беспредельный океан. Кроме того, проект Колумба был отвергнут и специальным советом, состоявшим из моряков и ученых. Колумб, раздраженный отказом, совпавшим с попыткой Жоао II использовать проект, обойдя его автора, в 1484 году покинул Португалию. После долгих мытарств и упорной борьбы Колумб добился в Испании осуществления своего проекта: 3 августа 1492 года из маленького испанского порта Палос вышла экспедиция, которой суждено было открыть Новый Свет.

Васко да Гама находился в Лиссабоне в то время, когда совет короля Жоао II решил судьбу проекта Колумба. Трезвому, рассудительному португальцу был чужд полет фантазии великого генуэзца, и он полностью одобрил решение короля Жоао II.

Как раз в то время, когда обсуждался проект генуэзца, португальцы получали все новые доказательства правильности выбранного ими пути в Индию; это и сыграло немалую роль в отказе Жоао II от предложения Колумба.

Не ограничиваясь посылкой кораблей, которым предстояло в обход Африки найти пути в Индию, Жоао II повсюду собирал сведения об Индии и царстве первосвященника Иоанна. Еще в 1484 году был привезен в Португалию вождь негритянского племени, жившего в Бенине, на берегу Гвинейского залива. Он рассказал, что на восток от его владений, в двенадцати месяцах пути, находится большое и могущественное царство. Это было одно из первых известий об Эфиопии, полученных португальцами в Африке.

В восьмидесятых годах XV века Жоао II послал в Иерусалим двух монахов – Педро Антонио из Лиссабона и Педро де Монтаройо. В Палестине они встретились с абиссинскими монахами, но поехать в Эфиопию не решились, так как боялись пробираться через Египет и Аравию, не зная арабского языка.

В 1487 году Жоао II снова попытался разведать пути в Индию. Он послал на Восток уроженца Канарских островов Гонсало да Павиа и португальца Перо де Ковильяма, дав им на расходы драгоценные камни. Соглядатаи португальского короля пробрались под видом паломников через Палестину, Александрию и Каир на Синайский полуостров. Здесь они расстались. Перо де Ковильям направился на юго-восток через Аден, в индийские порты Кананор, Каликут и Гоа. Собирая сведения об индийской торговле, Перо де Ковильям пересек Индийский океан, посетил африканский порт Софала и затем через Аден вернулся в Каир. Там он узнал, что второй его спутник, Гонсало да Павиа, незадолго перед тем умер. В Каире Перо де Ковильям застал посланных к нему королем португальских евреев – Авраама, раввина из Бежа, и Иосифа, сапожника из Ламега. С этими посланцами он отправил королю подробный отчет. Перо де Ковильям с исключительной дальновидностью наметил пути для португальских кораблей, искавших Индию. Он писал,

что Каликут и Кананор лежат на морском берегу и что к ним можно пробраться из уже открытой португальцами Гвинеи, двигаясь вдоль западного берега Африки и добравшись сначала до порта Софала на юго-восточном берегу Африки.

Самому Перо де Ковильяму не суждено было вернуться в Португалию. Отправив отчет королю, он пробрался в Эфиопию и поступил на службу к ее правителю. Очевидно, он узнал об Эфиопии слишком много, потому что, наградив его поместьями, чинами и угодами, властитель Эфиопии решительно воспрепятствовал возвращению Ковильяма в Европу. Перо де Ковильям женился в Эфиопии и обзавелся семьей. Через тридцать лет, в 1520 году, португальский посланник снова безуспешно пытался добиться для Ковильяма разрешения покинуть Эфиопию.

В 1490 году от абиссинского священника Луки Маркоса, посетившего Рим и Лиссабон, португальцы получили, на этот раз из первых рук, сведения о «царстве первосвященника Иоанна».

Несколько позже король Манозль приказал перевести на португальский язык рассказ Конти, записанный Поджо Браччолини, секретарем папы Евгения IV. Николо Конти, венецианский купец, странствовал по Востоку двадцать шесть лет. В Египте он принял мусульманство, но позднее явился к папе и покаялся в своем «отступничестве». В рассказе Конти португальцы нашли немало ценных сведений об Индии и индийской торговле.

Итак, португальцы нащупали пути в Индию и в Эфиопию.

Но, посылая соглядатаев, Жоао II не останавливал и продвижения на юг вдоль африканского берега.

В августе 1486 года в Африку на поиски Индии была послана новая экспедиция. В поход вышли три корабля. Во главе маленького флота стоял один из лучших

моряков эпохи великих открытий – Бартоломеу Диаш де Новаш. Бартоломеу происходил из славной семьи моряков. Его предки и старшие родственники совершили немало замечательных плаваний во славу Португалии. Жоао Диаш открыл мыс Божадор, Диниш Диаш – Зеленый мыс. До своего назначения в эту экспедицию Бартоломеу Диаш плавал в Африку за слоновой костью и управлял складами королевских товаров в Лиссабоне.

16 месяцев и 17 дней длилось плавание Бартоломеу Диаша. Он вернулся в Лиссабон в декабре 1487 года, привезя отчет о необычайно трудном плавании и замечательных открытиях.

Бартоломеу Диаш зашел на юг еще дальше, чем Диого Као. Плывя вдоль берега, он достиг Ангра даш Вольтеш, находившегося под 39° южной широты. Берег шел на юго-восток, и, казалось, ему не было конца. Тогда Бартоломеу Диаш оторвался от берега и поплыл на юг в неведомое море. Тринадцать суток гнал ветер корабли сквозь штормы и ливни. Стало холодно, вахтенные мерзли по ночам, волны, заливавшие корабли, обдавали моряков холодной водой.

Диаш был знающим моряком. Он сообразил, что забрался слишком далеко на юг. На четырнадцатые сутки ветер стих; командир повернул корабли на северо-восток. Через несколько дней моряки увидели землю. На берегу чернокожие люди пасли стада коров; поэтому португальцы называли это место Кабо дош Вакерош – мыс Пастухов (ныне мыс около реки Гудриц в Южно-Африканском союзе под 34° южной широты и 22°30 восточной долготы).

Темный берег заворачивал на северо-восток, и Бартоломеу Диаш понял, что обогнул Африку. Корабли прошли вдоль берега до островка в заливе. Португальцы называли его островом Санта Круз.^[3] Здесь

экипаж потребовал, чтобы корабли повернули домой. Напрасно Диаш уговаривал матросов, грозил и соблазнял всеми благами Индии. Ему удалось выговорить лишь одну поблажку: корабли шли на северо-восток еще три дня. С каждым днем убеждался Бартоломеу Диаш, что он осуществил заветную мечту Инфанте Энрике и открыл путь в Индию. Но положенный трехдневный путь кончился; моряки высадились у реки,^[4] впадавшей в океан под 32°60 южной широты, и, отдохнув, повернули обратно. Диаш писал потом, что он возвращался с таким чувством, «словно оставил там навсегда покинутого сына». На обратном пути моряки обогнули острый мыс, вдававшийся далеко в море. В память об испытаниях, перенесенных во время плавания, португальцы называли его мысом Бурь.

Король Жоао II понял значение плавания Диаша и в ознаменование своих надежд на скорое открытие Индии переименовал мыс Бурь в мыс Доброй Надежды.

В 1492 году король Жоао II дал Васко да Гаме первое ответственное поручение. Французские корсары захватили груженную золотом португальскую каравеллу, возвращавшуюся из Гвинеи. Король велел тридцатидвухлетнему Васко да Гаме отомстить дерзким французам.

Королевское поручение Васко да Гама исполнил превосходно. На быстроходной каравелле объехал он побережье Португалии и именем короля захватил все французские торговые суда, оказавшиеся в португальских портах. Теперь Жоао II мог угрожать французскому королю конфискацией захваченных товаров, если тот не накажет корсаров.

Весной 1493 года Васко да Гама явился ко двору, чтобы дать отчет королю. В Лиссабоне свирепствовала чума, и Жоао II перебрался со всем своим двором в

загородную резиденцию. Васко да Гама поспешил туда. Друзья сообщили ему известие, взволновавшее весь португальский двор: фантазер и искатель приключений, сын генуэзского ткача, Христофор Колумб, некогда уволенный Жоао II, вернулся на нагруженном золотом испанском корабле из Индии. Васко да Гама присутствовал на аудиенции, которую Жоао II дал Колумбу, и слышал рассказы пылкого генуэзца о чудесных заморских странах. Но Васко да Гама и многие другие придворные Жоао II плохо верили Колумбу. Слишком необычайные истории рассказывал Колумб про открытые на западе страны. Даже если Колумб говорил правду, – он открыл не Индию, а какую-то новую страну, ибо рассказы Колумба совсем не совпадали со сведениями об Индии, которые прислал Ковильям, и описанием Индии в книгах итальянцев Марко Поло и Николо Конти.

Кроме того, после плавания Диаша португальским морякам стало ясно, что Африку можно обогнуть с юга.

Нет, путь в Индию лежал не на западе, как утверждал увлекающийся генуэзец, а на юго-востоке – там, куда около семидесяти лет медленно продвигались португальские корабли.

Васко да Гама был уверен, что португальцы находятся на верном пути.

ПОДГОТОВКА

В 1495 году Жоао II «Совершенный» умер, и ему наследовал Мануэль «Счастливым». Новый король решил продолжать поиски Индии.

Казалось бы вполне естественным, что новую экспедицию возглавит один из лучших моряков Португалии – Бартоломеу Диаш, фактически уже проложивший путь в Индию. Но внезапно на сцену выступил Васко да Гама, человек, до сих пор почти ничем не проявивший себя и не бывавший в дальних морях.

Решение короля было настолько неожиданным, что Гаспар Корреа, написавший в XVI веке историю открытия Индии, объясняет это простой случайностью:

«Пока все подготавливалось, король день и ночь был полон забот о том, кому он может доверить столь великое предприятие. Знатные люди королевства, видя приготовления, которые делались для посылки флота на эти открытия, говорили ему о людях, подходящих, по их мнению, для этой роли. Но король отвечал, что он уже решил. Так прошло много дней. Однажды король сидел в зале, где он работал за столом, давая приказания. Случайно король поднял глаза, когда по залу проходил Васко да Гама. Он был его придворным, человеком благородного происхождения... Этот Васко да Гама был скромным, смелым и смелым человеком. Король задержал на нем свой взор, сердце его дрогнуло, он подозревал его, и, когда тот преклонил колено, король сказал: „Я буду рад, если вы возьметесь совершить поручение, где придется много потрудиться“. Васко да Гама поцеловал руку короля, ответив: „Я, государь, слуга ваш и исполню любое поручение, хотя бы оно стоило мне жизни“».^[5]

Конечно, выбор короля Маноэля пал на Васко да Гаму отнюдь не случайно. Маноэль не посылал во главе новой экспедиции Бартоломеу Диаша прежде всего потому, что он не хотел дать своему подданному возможности слишком прославиться. Обычно, если удачливый моряк совершал важное открытие, то во второй раз во главе экспедиции посылали нового человека. Так случилось и с Бартоломеу Диашем, такая судьба ждала Педро Альвареша Кабрала и даже самого Васко да Гаму.

Но, помимо этого, королем Маноэлем руководили и другие побуждения. Бартоломеу Диаш был превосходным моряком, но, по мнению короля, чтобы возглавлять новую экспедицию, мало было бесстрашия и умения водить корабли. В сложной, непривычной обстановке нужен был не только смелый моряк, но прежде всего и опытный воин, твердый администратор, хитрый дипломат. Король сделал правильный выбор. Всей своей деятельностью, всей обстановкой, в которой складывался его характер, Васко да Гама был превосходно подготовлен к порученному ему делу.

Гаспар Корреа, говоря об инструкциях, данных королем Васко да Гаме, пишет, что Васко да Гама «в зависимости от того, что он считал более подходящим, мог вести войну или заключать мир, делаться купцом, воином или послом и, в свою очередь, посылать посольства к королям и правителям и писать письма за своей подписью, как он находил нужным... ибо король считал, что Васко да Гама сам будет знать, что нужно делать, так как он все более и более нравился королю».

Васко да Гама тщательно готовился к экспедиции. Снова были извлечены старые, протертые во многих местах карты, служившие еще морякам Инфанте Энрике. Спешно составляли новые карты, учитывая те сведения, которые раздобыли португальские моряки за минувшие 37 лет.

В просторных комнатах королевского замка картографы наносили на пергамент извилистую линию берега, рисовали цепи гор с острыми вершинами, маленькие замки с башнями и штандартами, неведомых животных, странные деревья, голых дикарей и смелые каравеллы с надутыми парусами и развевающимися флагами.

Еще раз просмотрели и скопировали для Васко да Гамы переводы итальянских и арабских географических сочинений и донесений соглядатаев португальского короля.

Васко да Гама получил от Абрахама бен Самуэль Закуто его астрономическое сочинение «Альманах согласования вечного движения небес», переведенное в 1496 году на португальский язык. Много заботы положил он на то, чтобы снабдить свою экспедицию всеми существовавшими тогда мореходными инструментами. Васко да Гама взял у Закуто большую деревянную астролябию, три маленькие металлические астролябии, квадранты и песочные часы.

Но главным подспорьем для своих кормчих Васко да Гама считал компас. Китайцы знали о компасе еще в 300 году нашей эры. Но Европа узнала его много позднее. Еще в 1242 году в арабском руководстве «Сокровищница купцов» говорилось о «рыбке из тонкого и полого железа», которой пользуются мореплаватели и которая отличается тем, что, «будучи брошена в море, держится на поверхности и головой своей указывает на север, а хвостом на юг».

В Сицилии эту «рыбку» звали «лягушкой» (calamita). В XIV веке «рыбка» была посажена на неподвижный стержень, и получился наш компас; но еще очень долго компас не получал большого распространения. Судя по всему, впервые широко применяли компас португальцы, но они постарались засекретить его. К. Маркс пишет: «Португальцы смотрели на морской путь в „страну

золота“, Индию, как на свою исключительную собственность. Они не разрешали иностранцам пользоваться их морскими картами, держали в тайне употребление ими компаса в морских плаваниях».^[6]

Кабинет географа в начале XVI века.

На корабли шел сухой, выдержанный лес, заготовленный в королевских лесах Лейрии и Алькасера еще в конце царствования короля Жоао II. Лес на волах доставили в Лиссабон и здесь начали строить корабли под непосредственным наблюдением Бартоломеу Диаша, которому король Мануэль приказал помогать в подготовке экспедиции его счастливого соперника.

Бартоломеу Диаш предложил увеличить размеры кораблей и заменить косые паруса четырехугольными, чтобы за счет подвижности и быстроты повысить их устойчивость и грузоподъемность. Но в то же время Диаш придал им более мелкую осадку, чтобы они могли лавировать среди мелей и островков и входить в устья рек. Корабли имели свыше 100 тонн водоизмещения; их называли «Сао Габриэль» и «Сао Рафаэль». Кроме того, у лиссабонского кормчего Фернао-Родригеш Беррио купили корабль меньших размеров. Его называли «Сао Мигуэль», но моряки продолжали называть его «Беррио», по имени первого владельца корабля.

Наконец у лиссабонского судовладельца Айреш Корреа был куплен корабль для провизии, так называемая каравелла-ретонда.

«Сао Габриэль» и «Сао Рафаэль» имели по три мачты. На самом верху грот-мачты, над «вороньим гнездом», где сидел караульный и всматривался вдаль, трепетал, развеваясь по ветру, багряный штандарт Васко да Гамы.

На фок-мачте и грот-мачте было по два белых четырехугольных паруса, отмеченных знаком креста. Бизань несла один косой, латинский, парус; спереди круто вздымался бушприт, напоминая маленькую мачту. На нем был небольшой четырехугольный парус. Носы кораблей украсили богатой, пестро раскрашенной резьбой; далеко вперед выдавалась, вздымаясь над волнами, резная фигура святого – покровителя корабля.

На корме и носу высились «крепости» – высокие надстройки, зачастую во время абордажей служившие экипажу последней цитаделью. Между этими надстройками середина корабля казалась глубоким провалом.

В «крепостях» помещался капитан и командиры. Команда располагалась между надстройками, в межпалубном помещении. Наверху, на «крепостях», находилась «боевая палуба»; вниз, в середину корабля, с нее сбегали трапы. Борт корабля был оплетен сеткой. Это затрудняло врагам неожиданную атаку судна. Посредине, вдоль корабля, стояла длинная лодка; кроме нее, был маленький шестивесельный ялик. Трюм разделялся на три части. Середину занимали бочки с водой. На них лежали круги канатов. Заднюю часть трюма занимал склад боевых припасов: порох, чугунные и каменные ядра, фальконеты и бомбарды, арбалеты, мечи, топоры, алебарды, абордажные крючья, секиры. Спереди хранились запасные паруса и якорь.

Васко да Гама сделал «Сао Габриэль» флагманским кораблем. Капитаном «Сао Рафаэля» был назначен брат Васко – Пауло да Гама. Ни колау Коэльо командовал маленьким «Беррио», а Гонсало Нуньеш, которого историк Баррош называет «слугой» Васко да Гамы, вел корабль, груженный провизией.

По приказу короля, в новой экспедиции приняли участие лучшие моряки Бартоломеу Диаша, в частности Перо д'Алемкер, кормчий Диаша.

Точное число участвовавших в первом плавании Васко да Гамы неизвестно, но английские исследователи считают, что в путь отправилось около 170 человек.

Всем участникам экспедиции король выдал наградные. Холостые получили по сорок крусадо,^[7] женатые – по сто. Николау Коэльо получил тысячу, а братья да Гама – по две тысячи крусадо.

Корабли были готовы. Они стояли на рейде недалеко от лиссабонского арсенала. Между кораблями и берегом беспрестанно сновали шлюпки, лодки и шаланды. Рослые грузчики втаскивали мешки с мукой и сухарями, вкатывали по трапам бочки с водой, вином и уксусом, осторожно поднимали ящики с товарами – красным сукном, стеклянными бусами, зеркалами, ножницами.

Начинали съезжаться участники экспедиции: боцман, кормчий и его помощник, тридцать матросов, два пажа, один бомбардир и восемь артиллеристов, судья, цырюльник, который по совместительству исполнял обязанности лекаря, приказчик, три переводчика – Мартам Аффонсо, проживший несколько лет на Конго, африканский раб Фернао Мартинеш и крещеный еврей Жоао Нуньеш, затем главный духовник эскадры, священник Перо де Ковильянеш, канатных дел

мастер, столяр, медник, оружейник, повар и конопатчик.

Размещаясь на корабле, моряки спорили из-за рундуков: каждому был предоставлен запирающийся рундук для хранения добычи, и каждый хотел расположиться поближе к своему рундуку, чтобы во время сна собранные сокровища находились у изголовья. Моряков собрали со всего португальского побережья, между собой они мало были знакомы и не очень доверяли друг другу.

Седые, бывалые моряки посмеивались: – Ничего, ребята, когда отправляешься в заморское плавание, всегда тесно. Тем, кто останется в живых, будет на обратном пути вольготно – много свободных мест для сна и много пустых, не имеющих хозяев рундуков.

За ночь до отплытия на корабль привезли десять бледных, обросших бородами людей. Их охранили вооруженные алебардами солдаты в кирасах. Это были осужденные на смерть преступники. Васко да Гама брал их с собой, чтобы посылать с опасными поручениями и оставлять во вражеских землях в качестве соглядатаев.

Отправляясь в неведомую даль, корабли португальских искателей новых земель обычно отплывали от лиссабонской набережной. Издавна народ прозвал это место берегом слез и радости: берегом слез – для тех, кто отправлялся в дальний путь, берегом радости – для тех, кто после скитания по чужим морям возвращался на родину.

Отслужили молебен. Моряки получили отпущение грехов – мера, необходимая по тогдашним понятиям, так как путник мог погибнуть неожиданно, без покаяния и без отпущения грехов. Кроме того, надо было облегчить совесть отплывающих от прежних грехов – мало ли что предстояло впереди. Весьма вероятно, что во славу короля и церкви верные сыны

Португалии натворят во время плавания тьму новых преступлений.

Недаром в те времена возвращавшиеся из-за моря прежде всего шли на исповедь.

...Служба кончилась. Народ хлынул к берегу. В блестящих латах, в темном бархатном камзоле, отороченном фламандскими кружевами, прошел сквозь толпу на корабль Васко да Гама, а за ним его офицеры. Заиграли трубы. Монахи затянули гимн. Васко да Гама махнул платком. С визгом завертелся кабестан, вытягивая якорь. На «Сао Рафаэле» взвился королевский флаг, по вантам скользнули вверх матросы, медленно расправились и надулись паруса, заскрипели мачты. Корабли тронулись вниз по течению Тахо.

ПЛАВАНИЕ ПО АТЛАНТИКЕ

8 июля 1497 года эскадра Васко да Гамы вышла в море в сопровождении каравеллы Бартоломеу Диаша. «В награду за верную службу» Диаш был назначен правителем Сао Жорже да Мина – крепости на малярийном Гвинейском побережье, откуда португальцы привозили золото и рабов. Теперь Бартоломеу Диаш провожал до Гвинеи Васко да Гаму, который плыл в Индию по проторенной им, Диашем, дороге.

Неделю шли с попутным ветром на юго-запад. 15 июля на горизонте показалось облако. Весь день неподвижно стояло оно на западе. Оказалось, что это один из Канарских островов. Канарские острова принадлежали испанцам. Хотя между испанскими монархами и Манозем португальским царили мир и любовь, скрепленные женитьбой Манозля на дочери Фернандо и Изабеллы, но на морях между испанцами и португальцами шло глухое соперничество. Васко да Гама это знал и, не желая, чтобы на Канарских островах узнали о его маршруте, прошел стороной мимо испанских владений.

На другой день слева на востоке показались белые отмели и рифы, окаймлявшие африканский берег. Португальцы звали эти отмели Терра Альба. Здесь корабли на несколько часов задержались, и моряки, выехав на шлюпках к отмелям, наловили много рыбы.

Ночью упал густой туман. Корабли потеряли друг друга из виду. Трапы, веревки, мачты и паруса стали влажными и скользкими. Долго моряки кричали и вглядывались в темную завесу, – никто не отзывался. Тогда решили сделать так, как приказывал командир: в случае, если шторм или туман разлучит корабли, – итти

к островам Зеленого мыса. 27 июля все корабли собрались у острова Сао Тьяго. На островах Зеленого мыса был размещен небольшой португальский гарнизон. Негры-рабы, принадлежавшие португальцам-колонистам, корчевали тропический лес и работали на плантациях. На островах была стоянка для кораблей, плававших между Африкой и Португалией. Здесь португальцы пробыли до 3 августа: пополнили запасы провизии свежим мясом и фруктами, заготовили пресную воду и починили корабли.

3 августа на закате корабли Васко да Гамы поплыли дальше на юг, а каравелла Бартоломеу Диаша свернула к африканскому берегу, к новой португальской крепости Сао Жорже да Мина, которой должен был управлять Диаш.

Васко да Гама попытался пробраться на юг вдоль африканского побережья. Португальцы не решались терять берег из виду: корабли были ненадежны, а навигационным приборам моряки еще не вполне доверяли. Вначале плавание шло успешно, но около 10° северной широты португальский флот попал в полосу шторма. Тропический ветер рвал снасти, паруса пришлось убрать, корабли скрипели под натиском волн и шквала. Все время дул встречный ветер. Кормчие Васко да Гамы уже знали этот ветер – с ним встречались Као и Диаш. Опытные моряки боялись, что он будет бушевать месяцами. Дорога в Индию оказалась закрытой: Васко да Гама не мог и думать о борьбе с дующим в лоб шквалом.

Тогда он принял решение, сразу показавшее его спутникам, что командир их не склонится перед любыми трудностями. Васко да Гама круто изменил курс кораблей. Вместо того чтобы бороться со шквалом, пробиваясь на юго-восток, он повернул на юго-запад, в глубь неведомого моря, стремясь обойти полосу шквалов. Это был исключительно смелый шаг.

Девяносто три дня португальцы не видели берегов, скитаясь в открытом море.

Жизнь на кораблях тянулась монотонно. Весь день, все времяпровождение экипажа было тщательно регламентировано. Сохранилось любопытное сочинение тех времен, рисующее «правила внутреннего распорядка» на корабле. Это «Consolat del Mar» – «Совет моря», изданный в 1494 году в Барселоне на каталонском языке. Здесь можно найти тщательный перечень обязанностей и прав капитана и команды.

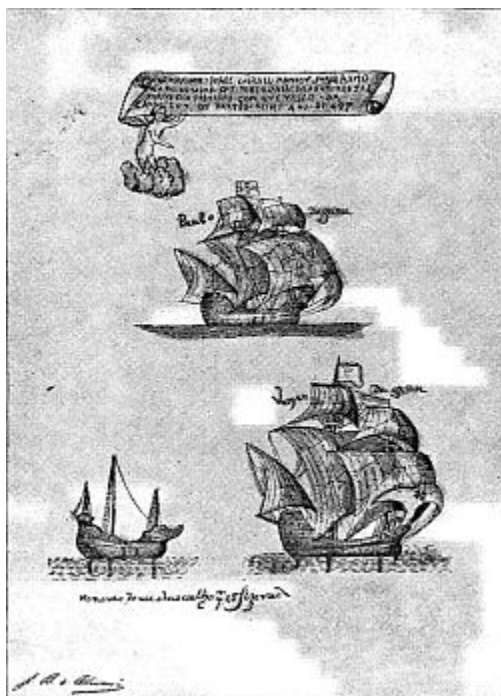
По воскресеньям, вторникам и четвергам команда должна была получать на обед мясо и вино. Остальные дни недели были постными. В эти дни ели овсяную кашу. Вечером моряки получали хлеб с вином и немного приправы – лука, сыра или сардин. Если вино было слишком дорого, его можно было заменить винными ягодами и черносливом. В праздники выдавался двойной рацион. Всю провизию брали с собой. Для борьбы с кишевшими на корабле крысами «Совет моря» обязывал капитана брать на корабль кошек: «если он может найти продажных, или получить их в подарок, или заполучить их на борт корабля каким-либо иным манером».

Все эти правила действовали главным образом в Средиземном море, где можно было легко добыть свежую провизию. Не то было во время океанских плаваний.

Антонио Пигафета, участник кругосветного плавания Магеллана, пишет: «В среду, 28 ноября 1520 года, мы вышли из указанного пролива и вошли в Тихий океан и плыли 3 месяца и 20 дней, не обновляя запаса провизии и воды, так что ты ели сухари, превратившиеся в порошок, и пили вонючую от крысиного помета и пыли желтую воду. Мы ели также куски воловьей кожи со снастей; они были страшно жесткие от солнца, дождей и ветра, и мы вымачивали

их в море четыре-пять дней, жарили на углях и так ели их, ели древесные опилки и крыс. Платили по полкроны за крысу, и все же крыс нехватало».

На кораблях царила суровая дисциплина. Если корабельный писец, в руках которого сосредоточивалось все счетное дело и наблюдение над грузом, делал неверные записи или потворствовал какому-либо подлогу, ему клеймили лицо, отрубали правую руку и конфисковывали его имущество. Если матрос засыпал на вахте в тихую погоду, его сажали на хлеб и воду. Если же он засыпал во время бури, его раздевали донага, пороли и трижды окунали в море. Офицера также сажали за такой проступок на хлеб и воду и обливали «с головы донизу» водой. Видимо, добровольные купанья не были в обычае. «Совет моря» прямо запрещает матросам раздеваться, «кроме тех случаев, когда они попадают в порт на зимовку».

Эскадра Васко да Гамы.

Матрос обязан был выслушивать любую брань командира, но если взбешенный командир бросался на него, нанося удары и угрожая каким-нибудь смертоносным оружием, матрос мог бежать на нос корабля и стать около якорной цепи. Если командир и здесь не унимался, матрос перешагивал якорную цепь. Здесь матрос был неприкосновенен, и если бы командир нарушил обычай якорной цепи, матрос мог призвать товарищей в свидетели и защищаться всеми доступными средствами.

Во времена Васко да Гамы дисциплине в духе «Совета моря» подчинялся весь экипаж. Позже для командиров аристократического происхождения стали делаться всяческие поблажки, и дисциплина резко пала.

На кораблях было тихо. По вечерам в каюте командира горел свет. Васко да Гама читал и перечитывал книгу Марко Поло, записки Николо Конти, инструкции короля Манозля и донесения королевских соглядатаев. Все книги и рукописи сходились на одном: задача была трудная. Придется иметь дело с могучими царями, повелевающими десятками тысяч бойцов и тысячами слонов. В Индии были собакоголовые люди, огромная птица Рок, свободно поднимавшая на воздух слона. В морях хозяйничали пираты. Они ловили путников и поили их настоем тамариндов. Они знали, что купцы имеют привычку во время нападения пиратов глотать драгоценности. Настой тамариндов действовал, как слабительное.

В Индии придется лавировать и хитрить, обманывать и таиться...

Но цель оправдывала все средства. В самом деле, в этой рискованной игре ставкой были Индия, индийская торговля, владычество над морями, сокрушение средиземноморских соперников – Венеции и Турции, слава и богатство.

Васко да Гама отодвигал книги и тяжелыми размеренными шагами пересекал каюту из угла в угол. От его резких движений мигал светильник и по стенам танцевали тени. Слышался протяжный крик вахтенного.

Неделя шла за неделей, но ничто не менялось. Океан был пустынен. Изредка проносились, трепеща и сверкая на солнце, стаи летучих рыб. 22 августа видели птиц, похожих на цапель. Птицы летели на восток. Вечером того же дня вдали показался кит. 27 октября с кораблей видно было много китов. Они то появлялись, пуская фонтаны, то вновь исчезали. Стадо плыло на восток. Иногда в море играли и плыли вперегонки с кораблями дельфины.

В сентябре корабли достигли крайней юго-западной точки. Если бы Васко да Гама прошел еще немного на запад, он открыл бы нынешнюю Бразилию, как несколько лет спустя открыл ее Педро Альвареш Кабраль, повторяя маневр Васко да Гамы на пути в Индию. Сам не ведая того, Васко да Гама почти пересек южную часть Атлантики.

Корабли зашли далеко на юго-запад, оставив позади полосу штормов. Пора было изменить курс. Мореплаватели повернули на восток. Наконец 1 ноября увидели зеленые полосы в воде. Это были заросли водорослей. Три дня плыли, рассекая колышущиеся зеленые поля. Измерили глубину – было мелко. 4 ноября в 9 часов утра сигнальщик, сидевший в «вороньем гнезде» на верхушке мачты, увидел землю. Подошли ближе. Вдаль – на север и юг – тянулась серая линия берега. На кораблях подняли пестрые флаги, раздался залп из бомбард. Ядра поскакали над гребнями волн. Медленно расплывался белый дым.

Но капитан-командир был недоволен. Место для высадки было неподходящим. Снова пошли корабли на юг, и лишь через три дня берег круто повернул на восток. Перед мореплавателями раскинулась бухта.

Васко да Гама назвал ее бухтой Санта Елена. Это название она сохраняет и до сих пор. Бухта находится в Южной Африке между 32° и 33° южной широты. Так закончилось это, длившееся больше трех месяцев, необычайное плавание.

Теперь надо было добыть свежей провизии и воды, починить корабли и определить местоположение бухты.

В открытом море кормчие Васко да Гамы производили измерения светил, определяли долготу и широту. Но корабли все время качало, и все эти измерения были очень несовершенны.

Высадившись на берег, кормчий Перо д'Алемкер занялся определением долготы и широты.

Надо сказать, что кормчие Васко да Гамы оказались первоклассными знатоками своего дела. При определении местоположения бухты Санта Елена они ошиблись всего на 10. Между тем Колумб при определении местоположения Кубы ошибся на несколько десятков градусов. Пока производились измерения, Васко да Гама отправил моряков на поиски пресной воды. Вскоре Николау Коэльо вернулся и сообщил командиру, что он открыл большую горную реку. Между устьем реки и кораблями засновали лодки, нагруженные дровами и бочками с пресной водой.

На кораблях шла уборка и чистка. Корабль перевели на мелкое место, на берег перенесли весь груз и балласт, затем накренили корабль на один бок. Выступавший высоко над водой борт очищали специальными скребками от раковин и морской травы. Затем переваливали судно на другую сторону и чистили другой бок. Кроме того, тщательно осматривали трюмы, все подозрительные места заново конопатили и заливали смолой.

На другой день после прибытия в бухту к берегу прибежали моряки, посланные Васко да Гамой на поиски туземцев. Взволнованным шопотом они

сообщили, что за пригорком в роще они видели двух голых черных дикарей. Васко да Гама приказал поймать туземцев. В полном молчании португальцы окружили рощицу. Негры были заняты сбором трав и поисками дикого меда и не заметили португальцев. Один из туземцев был пойман.

Переводчик Мартам Аффонсо, живший несколько лет в Конго, не мог объясниться с перепуганным пленником. Туземец сидел, сжавшись в комок, закрыв лицо руками. Васко да Гама решил, что необходимо завоевать доверие туземца. Он велел двум юнгам привести его на корабль, есть и пить вместе с ним. Вскоре пойманный успокоился. Улыбаясь, он показывал на синевшие вдали холмы, давая понять, что там живут его соплеменники.

На другой день к берегу подошли пятнадцать готтентотов. Вот как описывает их неизвестный автор «Roteiro»:^[8] «У жителей этой страны кожа темнокоричневая. Еда их состоит из мяса тюленей, китов и газелей и из корней трав. Они одеты в шкуры и вооружены копьями из масличного дерева, на концах копьев укреплены закаленные на огне рога. У них много собак, и эти собаки похожи на португальских и лают так же. Птицы в этой стране тоже очень похожи на португальских – это кormораны, галки, горлицы, жаворонки и многие другие».

Видимо, отправляясь в плавание в заморские страны, португальские моряки были уверены, что в дальних землях все будет странным и чужим. Поэтому автор «Roteiro» всякий раз отмечает в своем, дневнике, когда португальцев встречали привычные вещи и знакомые явления. Очевидно, лай собак и воркование голубей, напоминавшие далекую родину, показались морякам особенно близкими и приятными.

Переводчики и готтентоты не понимали друг друга. Васко да Гама искал золота, пряностей и драгоценных камней. По его приказу, на плоском сером камне разложили открытые мешочки с перцем и кардамоном, золотые браслеты, ладанки, нитки жемчуга и изумрудов. Все это Васко да Гама взял с собой из Португалии, чтобы, показывая жителям тех стран, куда занесет его судьба, выведать, нет ли у них этих товаров.

Но готтентоты смотрели без всякого интереса на выставленные сокровища. Видно было, что в их земле этих товаров не знают.

В обмен на зеркальца и бубенчики готтентоты предлагали жалкие украшения – раковины, которые они подвешивали на ушах, и круги из ноздреватой бронзы, болтавшиеся и позвякивавшие у них на груди вместо ожерелий.

Однажды, когда туземцы направились домой, солдат Фернао Велозо, известный хвастун и забияка, с разрешения Васко да Гамы пошел с ними в деревню. Матросы собирали дрова и ловили раков. Николау Коэльо остался на берегу, наблюдая за ними.

На закате Пауло да Гама решил поохотиться на молодых китов, резвившихся между кораблями. Он снарядил две лодки, вооружил их экипаж копьями и гарпунами. Эта затея едва не стоила жизни Пауло да Гаме и его матросам. Лодка подошла близко к киту. Гарпунщик взмахнул рукой, и гарпун вонзился в спину кита. Раненый кит нырнул; канат, привязанный к носу лодки, туго натянулся. Китобои едва не погибли, и только благодаря тому, что они находились на мелком месте, кит не увлек лодку на дно.

День кончался. Люди собирались на корабли.

Вдруг раздались крики. С горы бежал Фернао Велозо, а за ним гнались негры.

В это время отплывала от берега последняя лодка. По словам писателя XVII века Кастаньеды, «Велозо никогда не переставал твердить о своих доблестях, и поэтому, когда моряки увидели, что он бежит к берегу рысью, они не очень торопились к нему на помощь». Промедление едва не стоило Велозо жизни. Негры настигали беглеца. Тогда моряки круто повернули назад, чтобы выручить товарища. Велозо забежал по колени в воду и хотел уже вскочить в лодку, но в это время подбежали негры и схватили его за руки. Португальцы пустили в ход весла и серьезно изранили негров. В ответ на лодку и корабли посыпался град камней и стрел. Подъехавший из другой лодке Васко да Гама был ранен в ногу; кроме него, ранили еще трех португальцев.

Из сбивчивых рассказов Велозо было трудно понять, что он наделал в негритянской деревне. Но товарищи знали Велозо как драчуна, заносчивого и алчного человека, и всем было ясно, что в ссоре с туземцами был виноват Велозо.

Васко да Гама был раздосадован. Тихая бухта Санта Елена стала небезопасной. Надо было уезжать отсюда, и через два дня, 16 ноября, дождавшись попутного ветра, Васко да Гама приказал поднять паруса.

Корабли пошли дальше на юг. Голубовато-серая полоса низкого берега тянулась вдаль. Вскоре мореплаватели увидели, что берег круто изгибается на запад, навстречу кораблям. Это испугало многих моряков. Они решили, что при определении местоположения в бухте Санта Елена была допущена ошибка и до желанного мыса еще далеко. Поэтому они думали, что им придется далеко обходить круто повернувший к западу берег и вновь идти в открытое море. Кое-кто поговаривал о возвращении в Португалию. Но Васко да Гама заявил: «Уверяю вас, мыс

недалеко. Надо еще раз пуститься в открытое море, и, когда мы увидим вновь землю, мыс будет уже позади».

Он повернул от берега и приказал капитанам других кораблей следовать за собой.

Мыс Доброй Надежды.

Начался шторм. Тучи низко нависли над водой. Огромные волны мешали морякам видеть другие корабли. Было холодно и темно. Морякам казалось, что все время тянется ночь. На мачте флагманского корабля зажгли фонарь. Юнга зазвонил в колокол. Ветер расшатал мачты, они скрипели и качались. Окоченевшие матросы, изнуренные непрерывной тяжелой работой, не получавшие несколько дней горячей пищи, начали роптать и требовать, чтобы капитан-командир повернул корабли обратно.

Васко да Гама старался вдохнуть бодрость в своих людей. Он все время находился на палубе и разделял с

командой труды и лишения. Но ропот усиливался. Гаспар Корреа пишет:

«Васко да Гама был очень раздражительным человеком, временами он сердито заставлял их замолчать, хотя прекрасно видел, что у них все время было много оснований считать себя обреченными на смерть: шкипера и кормчие умоляли его переменить курс, но капитан-командир не пошел на это, хотя в трюмах корабля набралось много воды и работа моряков стала вдвое тяжелее. Дни были короткими, а ночи длинными. Кроме того, шел такой холодный дождь, что люди не могли двигаться. Все молили бога о спасении их душ, ибо они уже не заботились о своей жизни. В это время Васко да Гаме показалось, что пришло время переменить курс, и он согласился на это с большим раздражением, поклявшись, что, если они не обогнут мыса, он вновь и вновь будет выходить в море до тех пор, пока он или обогнет мыс, или с ним случится то, что будет угодно богу».

Сквозь бурю и мрак корабли повернули на северо-восток. Кормчие решили: по ночам, когда капитан-командир спит, пробиваться к берегу, рассчитывая найти удобную стоянку.

Стало тише. Волны улеглись. Дождь прекратился. Но берега не было видно, хотя корабли уже долго шли на северо-восток.

Тогда моряки поняли, что они обогнули мыс Бурь, переименованный королем Жоао II «Совершенным» в мыс Доброй Надежды.

НЕВЕДОМАЯ АФРИКА

Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды 22 ноября. Матросам выдали горячую пищу. Моряки согрелись и ободрились. Вечером показались высокие горные пики. На кораблях воцарилась радость. Васко да Гама приказал повернуть к берегу. Так плыли весь день и лишь к вечеру подошли к берегу. Но быстро стемнело. Моряки не решились приближаться ночью к неведомой стране, и корабли пошли вдоль берега, тянувшегося на восток. На рассвете корабли изменили курс и направились прямо к берегу. В полдень перед ними открылось скалистое побережье. Узкие ущелья прорезали высокие кручи. Время от времени открывались глубокие заливы и устья рек. Вода изливалась в океан, образуя водовороты и стремнины. В устьях играла рыба. Португальцы пустили в ход гарпуны и пополнили свои запасы свежей рыбой.

Наконец они увидели устье большой реки. Убрали паруса. Впереди шла лодка и измеряла дно. Корабли осторожно прошли подводную мель. Берега были круты и суровы. Места для стоянки не было видно.

Васко да Гама и Николау Коэльо съехались на «Сао Рафаэль», где Пауло да Гама угостил капитанов обедом. Затем Николау Коэльо направился на лодке искать места для стоянки. Он плыл долго. Берега были неприступно-скалисты и безлесны. С шумом спадали с обрывов пенистые потоки. Коэльо вернулся. На другой день, по приказу Васко да Гамы, он повторил свою поездку, проехав вверх по реке в четыре раза дальше, чем накануне. Новая поездка опять не дала никаких результатов. Запасшись водой, португальцы покинули негостеприимную реку.

Опять качался шторм. Шкипер и кормчий заявили командиру, что они не ручаются за корабль: обшивка его расшаталась, течь приняла угрожающие размеры. Но Васко да Гама заявил: «Отплывая от Лиссабона, я поклялся не поворачивать назад. Всех, кто заикнется об этом, – выброшу за борт».

Шторм усиливался. Корабли потеряли друг друга из виду. За ночь несколько человек умерло от истощения и ушибов, полученных во время бури. Утром вспыхнул мятеж. Матросы и кормчие собрались на палубе между «крепостями». Васко да Гама стоял на трапе, ведущем наверх. Волны обдавали его холодными брызгами. Шум ветра заглушал крики команды. Молнии освещали бледные, изможденные лица матросов; они с возмущением потрясали кулаками. Васко да Гама спустился на несколько ступенек и начал уговаривать матросов, стараясь перекрыть бурю. Он говорил, что мыс Бурь уже позади, что близка долгожданная Индия, что еще немного усилий и лишений – и они выполнят поставленную королем задачу, и тогда их ждут слава и богатство. Закончил он коротко: «Назад не пойдем, даже если сотня человек погибнет у меня на глазах». Повернулся и ушел наверх.

К утру шторм стих. Но моряки сговорились арестовать капитана и возвратиться в Португалию. Гаспар Корреа пишет, будто бы заговорщики рассчитывали, что король простит их, причем они хотели высадиться в Испании и ждать там присылки письменного прощения от короля. Случайно о заговоре узнал Николау Коэльо. Он предупредил Васко да Гаму, и, когда буря утихла, командир приехал на «Беррио», Узнав, что кормчий и шкипер участвовали в заговоре, Васко да Гама обманным путем заманил их в каюту и велел заковать в кандалы. Потом по одному вызывал к себе заговорщиков; его слуги схватывали и вязали ничего не подозревавших моряков. Васко да Гама велел

отобрать у них навигационные приборы. Затем вышел на трап и тихим, размеренным голосом сказал:

– Матросы, у вас нет больше ни шкипера, ни кормчего и вообще никого, кто смог бы показать вам дорогу назад, ибо этих людей я арестовал, и они приедут в Португалию в цепях, если не умрут до тех пор.

Так кончился мятеж. 25 ноября с мачты переднего корабля португальцы увидели залив и устье реки. Это был нынешний Моссель Бей. Васко да Гама прозвал его Сао Браж. Португальцы, посетившие это место с Диашем, назвали его Бахиа дош Вакерош («Залив Пастухов»), потому что там они видели чернокожих пастухов. Здесь у Диаша произошло столкновение с туземцами, и он убил одного негра из арбалета. Поэтому Васко да Гама, выбирая место для стоянки, опасался, что туземцы помнят появление Диаша и встретят его враждебно. Стали на якорь. Васко да Гама приказал осмотреть корабли, сильно поврежденные бурей. Оказалось, что особенно сильно течет вспомогательное судно, что оно не выдержит дальнейшего плавания. Тогда Васко да Гама приказал перегрузить провизию на другие корабли, а вспомогательное судно сжечь. К ночи с судна сняли все ценное и зажгли его. Всю ночь горело судно. Огонь освещал темные силуэты других кораблей и отражался в тихом заливе.

К утру на берег вышли черные люди, видимо, привлеченные ночным заревом. Это были негры-готтентоты. Их было человек двадцать. Большинство осталось на пригорке, и лишь наиболее смелые спустились к песчаной отмели. Васко да Гама в лодке направился к берегу. Еще не доезжая до мелкого места, он бросил на песок пригоршни бубенчиков и стеклянных шариков. Негры кинулись подбирать подарки, а когда португальцы высадились, чернокожие брали бубенчики

далее из рук Васко да Гамы. Опасения его не сбылись – туземцы встретили путешественников мирно.

Весь берег зарос кустами, и португальцы не решались высаживаться. После долгих поисков они нашли открытое место выше по течению реки. Здесь, сопровождаемый арбалетчиками, Васко да Гама высадился. Знаками приказал он туземцам, чтобы они не собирались толпой, а подходили поодиночке. Васко да Гама стоял на берегу, окруженный солдатами. У ног его было два ящика с бубенчиками, красными колпаками, стеклярусом и зеркалами. Подходивших туземцев он оделял подарками. Зеркала привели их в восторг. Они гримасничали, смеялись и шутили друг над другом. В обмен негры давали браслеты из слоновой кости.

Выше берег становился вязким, болотистым. На берегу португальцы увидели огромные, круглые следы. Моряки и солдаты, побывавшие на гвинейском берегу, сказали, что это – следы слонов. Ночь прошла спокойно. Утром показалась толпа туземцев. Их было человек двести. Негры привели дюжину безрогих коров и быков. На коровах и быках были укреплены седла; туземцы сидели на них, болтая ногами. Негры управляли животными при помощи уздечек, прикрепленных к палочкам, продетым сквозь ноздри животных. Кроме того, туземцы привели четырех овец.

Васко да Гама велел выменять у них черного жирного быка. Моряки соскучились по свежей говядине. Автор «Roteiro» с удивлением отмечает, что говядина была на вкус совсем такая же, как в Португалии. Снова, как и в заливе Санта Елена, португальцев удивляло и радовало когда в далекой заморской стране, где земля и травы, звери и птицы и даже самые люди казались непохожими и чуждыми, они вдруг слышали знакомые, напоминавшие родную страну, звуки – собачий лай и

крик петуха, видели привычных, похожих на португальских, домашних животных и птиц.

Когда торг закончился, слышались резкие звуки музыки. Негры играли на флейтах. Автор «Roteiro» пишет: «Тогда они начали играть на четырех или пяти флейтах, некоторые издавали высокие ноты, некоторые – низкие, создавая таким путем гармонию, прелестную для негров, от которых трудно ожидать музыки. И они танцевали по-негритянски. Капитан-командир приказал трубачам играть, и мы на кораблях танцевали, капитан-командир делал то же самое к тем развеселил нас».

Это было и в самом деле странное зрелище. На песчаном берегу, под прерывистые звуки флейт, поднимая пыль, двигались по кругу стройные нагие чернокожие.

На корабле под аккомпанемент труб раздавалась старинная песня португальских матросов:

Твои очи, дорогая,
Что язычники Гвинеи.
Как гвинейцы, они черны,
Как язычники, неверны.

Под звуки этой песни моряки танцевали свой старый любимый танец, сначала медленно, с приседаниями и поклонами, а затем все быстрее. Вместе с моряками танцевал и приседал в такт напеву сам грозный командир эскадры – Васко да Гама. Мыс Бурь остался позади, а впереди была желанная Индия. Важничать перед голыми неграми не стоило, а веселая мелодия звала к пляске.

На другой день, 3 декабря, на берегу снова показались негры. На этот раз португальцы увидели не только мужчин. Вдалеке, на вершине холма, сидели

женщины с детьми. Туземцы опять пригнали на берег скот и вновь, как и накануне, плясали на песке.

Но моряки заметили, что группа молодых бойцов, сооруженных асsegаями, притаилась в прибрежных кустах. Для покупки быка командир послал на берег переводчика Мартима Аффонсо. Мена прошла успешно, и негры, казалось, были довольны полученными в обмен на быка браслетами.

Но внезапно они начали о чем-то кричать, показывая на место, где португальцы запасались пресной водой. Знаками туземцы спрашивали моряков, зачем они увозят их воду? Затем по чьему-то сигналу голые подростки, вооруженные ременными бичами, с криком и свистом быстро погнали скот прочь от берега. Васко да Гама приказал Аффонсо вернуться к своим. Он решил навести ужас на негров, осмелившихся противодействовать морякам короля Маноэля. С корабля высадился отряд солдат в блестящих латах. Они потрясали копьями и несли туго натянутые арбалеты. Негры бросились бежать. Тогда вдогонку им выстрелили две бомбарды. Эхо долго перекатывало в скалистых берегах грохот выстрела. Негры поспешно бежали, бросая свое оружие и одежды из шкур, скот они гнали впереди себя. Когда туземцы скрылись за горой, из кустов вышли двое юношей. Они быстро собрали брошенные их единоплеменниками вещи и снова исчезли в кустах.

Португальцы пробыли в Сао Браж еще четыре дня, но туземцы больше не появлялись.

Васко да Гама велел тщательно собрать гвозди от сгоревшего вспомогательного судна. Из мачты сожженного корабля он приказал соорудить большой крест и водрузить его на холме, высоко вздымавшемся над рекой. Перед отплытием португальцы посетили маленький островок в заливе, где было лежбище

тюленей и моржей. Здесь же португальцы впервые увидели пингвинов.

Автор «Roteiro» пишет:

«Есть остров в этом заливе на расстоянии трех выстрелов из лука от берега; на нем множество тюленей. Некоторые из них величиной с медведей, очень страшные, с большими клыками. Они нападают на людей, и, с какой бы силой ни бросить копья, их нельзя ранить. Есть и другие, те много меньше, а есть и совсем маленькие. И если большие рычат, как львы, то маленькие блеют, как козы. Однажды, когда мы посетили для развлечения этот остров, мы сосчитали три тысячи больших и маленьких тюленей и стреляли по ним с моря из бомбард. На том же острове есть птицы, величиной с утку, но они не могут летать, так как у них нет перьев на крыльях. Этих птиц мы убивали, сколько хотели. Мы звали их фотиликано. Они кричат по-ослиному».

8 декабря корабли покинули бухту, реку Сао Браз и направились на север. Шторм разлучил их, и лишь к вечеру с мачты флагманского корабля заметили корабль Николау Коэльо.

16 декабря португальцы увидели на обрывистом берегу белый столб. Это был «падрао», поставленный Бартоломеу Диашем. Он отмечал крайнюю точку, куда добрался Диаш, когда кончились три льготных дня, которые он выпросил у команды.

Дальше шли неизвестные земли. Но Васко да Гама смело пошел вперед, тем более, что с каждым днем берега делались приятнее. Сначала унылое однообразие глинистого обрыва стали нарушать одинокие деревца, затем берег понемногу покрылся густыми кустами, а вдалеке зеленел высокий лес. На прогалинах виден был скот. Становилось теплее. Здесь кораблям пришлось бороться с сильным встречным

течением. Если ночью корабли ложились в дрейф, за ночь их уносило далеко назад.

25 декабря на кораблях праздновали рождество. После обеда боцман вдруг обнаружил, что одна из мачт «Сао Рафаэля» расшаталась и дала трещину. Починить повреждение в море было невозможно, пришлось туго стянуть мачту канатами. Рождество по-португальски «Natal». Так моряки и называли берег, мимо которого шли. Теперь Наталь – одна из самых богатых и плодородных частей Южно-Африканского союза.

28 декабря на «Сао Габриэле» перетерся канат и упал в море якорь. Уже двадцать дней корабли не приставали к берегу. Кончался запас пресной воды. Пищу приходилось готовить на соленой воде. Дневной рацион питьевой воды был сокращен до одной квартильо (0,4 литра). Надо было искать места для стоянки, но подходящих мест не попадалось.

И только 11 января 1498 года португальцы заметили устье небольшой речки, удобное для стоянки. На другой день моряки высадились на берег. Здесь их ждала толпа. Это были негры племени банту, не похожие на готтентотов реки Сао Браж. На новом месте у португальцев наладились самые лучшие отношения с местными жителями, и моряки называли эту страну Терра да Боа Женте – «Страной добрых людей».

Васко да Гама подарил вождю племени – высокому худому старику – браслет, зеленый жилет, красные штаны и мавританскую шапку. Все эти подарки были взяты из специального запаса, заготовленного португальцами еще в Лиссабоне и предназначенного для обмена и подарков. Вещи произвели на негритянского вождя огромное впечатление.

Вечером, по приглашению вождя, переводчик Мартин Аффонсо отправился в негритянскую деревню. По дороге вождь надел на себя подарки. Прогулка превратилась в торжественное шествие. Впереди важно

выступал черный вождь в красной шапке, узком, не сходявшемся спереди, зеленом жилете и слишком коротких для его роста красных штанах. Рядом с ним шел загорелый чернобородый Мартин Аффонсо в медном шлеме и кожаной кирасе. За ними двигался отряд воинов – рослых, почти нагих молодцов, вооруженных огромными луками и копьями с железными наконечниками. По сторонам дороги стояли подданные вождя. Они встречали старого воина возгласами изумления и рукоплесканиями. Особенно много было женщин, и португальцы решили даже, что в этой стране женщин вдвое больше, чем мужчин. Наконец запыленный и усталый Аффонсо увидел деревню. Закат золотил высокие островерхие конусы из соломы. Это были хижины негров. У входа в деревню поблескивал плоский, еле-еле покрытый водой пруд, окаймленный белой полосой. Аффонсо наклонился и, зачерпнув воды, хотел освежить лицо, но вода была горько-соленая. Тут он заметил, что от морского берега к этому пруду тянулась вереница женщин. Они гнулись под тяжестью огромных кувшинов с водой. Это негритянки, пользуясь вечерней прохладой, наполняли пруд водой, чтобы через сутки собрать с берегов хрустящую корочку соли.

Вождь прошел по всей деревне, демонстрируя свои обновки. Затем переводчика отвели в отдельную хижину и накормили вареным петухом и кашей. И снова переводчик заметил и рассказал друзьям, что «петух этот был совсем такой, как и в Португалии».

Заснуть он не мог, так как в хижину беспрерывно проскальзывали все новые и новые посетители. Они бесцеремонно рассматривали странного белого человека и громко обсуждали его облик и манеры. Утром Аффонсо вернулся на берег в сопровождении посланцев вождя, принесших Васко да Гаме ответный дар – кур.

На берегу шел оживленный торг. За куски материи и старые тряпки негры охотно давали массивные бронзовые и медные браслеты и кольца. На туземцах было навешано столько меди, что Васко да Гама прозвал реку, где была стоянка, Рио да Кобра («Медная река»).

Пять дней провели португальцы на «Медной реке» в «Стране добрых людей», запасли воду и топливо, получили в обмен на тряпки и зеркала продовольствие. Воду еще не успели налить, но подул попутный ветер, и Васко да Гама приказал выходить в море, чтобы не упустить ветра.

Но попутный ветер еще не обеспечивал быстрого хода. Встречные течения сильно замедляли продвижение вперед. Это место португальцы называли Кабо Корентеж – мыс Течений.

22 января корабли вновь подошли к берегу. Низкая заболоченная равнина была покрыта густым тропическим лесом. Корабли шли вдоль берега. Все чаще и чаще болели матросы и солдаты. «Здесь многие из наших людей заболели; их ноги и руки распухли, их десны набухли и покрыли зубы, и они не могли есть», пишет автор «Roteiro». Люди умирали от страшной болезни. Португальцы недавно стали совершать длительные плавания вдали от берегов и еще не знали, что такое цынга.

Одно было ясно командиру – надо найти удобную стоянку и дать команде отдых.

25 января с кораблей увидели болотистое устье большой реки, окаймленное серебристо-зеленым кустарником и высокими деревьями, увитыми лианами. Это была река Килимане. «Беррио» первым вошел в реку. Португальцы поднялись вверх по реке. За поворотом шла песчаная отмель. Здесь лес расступался, и вдали показались дымки деревни. Вначале все шло по установившемуся уже порядку. Негры были все те же,

что и раньше. Морякам бросились лишь в глаза своеобразные украшения женщин: в проколотые губы щеголих были вставлены кусочки олова. Впрочем, местные красавицы португальцам очень понравились.

Быстро наладился обмен; португальцы посещали деревню за холмом: остерегаясь кишевших в реке крокодилов, запасались пресной водой, собирали на топливо принесенные с верховьев и обсохшие на берегу деревья. Так прошло два дня. Потом случилось событие, заставившее португальцев взглянуть иными глазами и на черных людей и на широкую мутную реку, лениво лизавшую борты кораблей.

Утром моряки заметили на берегу необычайное оживление. Чуть повыше песчаного берега, на гладкой, поросшей травой полянке, возились двадцать негров. Они быстро и ловко сплели из прутьев две высокие, обращенные острым концом вверх, корзины, обмазали их глиной и илом, и они стали напоминать гигантские ульи. Солнце быстро высушило глину, и к полудню почти все было готово. Поляна опустела, и лишь чернокожий художник, повиснув на врытом в землю столбе, разрисовывал охрой глиняные стены хижин.

Часа через три из-за речной излучины показался неуклюжий баркас. Стройные гребцы по команде поднимали и опускали весла. На корме под матерчатым навесом сидело двое. Баркас подошел ближе, и португальцы могли разглядеть прибывших. Один из них был тучный старик с подвижным лицом, испещренным множеством мельчайших морщинок; другой – стройный, худощавый юноша. Это были вожди, одетые в зеленые шапки и грязные желтые, обшитые красным, шелковые бурнусы.

Приехавшие высадились и прошли в хижины. Вечером на берегу горел костер.

Среди ночи моряки были разбужены рокотом, На освещенной луной площадке перед хижинкой, у

догоравшего костра человек бил в большой барабан: отрывистые и протяжные удары перемежались в странной последовательности. Потом барабан смолк. На берегу стало тихо. Опять заговорил барабан и снова умолк. Издалека, из-за поросших лесом холмов, что окаймляли противоположный берег реки, послышался глухой ответный рокот. Как будто обрадовавшись, барабан на берегу стал рокотать еще быстрее, еще призывнее и снова умолк. И вновь вдали прозвучал ответ...

Так всю ночь говорили между собой барабаны, обсуждая корабли, одежду и облик заморских пришельцев.

Утром вожди посетили корабль. Пауло да Гама позвал писца, и тот выложил перед ними яркие материи, связки бус, зеркала и красные шапки. Старик презрительно оглядел всю эту пеструю кучу и что-то сказал молодому. Молодой усмехнулся и отрывисто крикнул слугам на берег. На берегу засуетились. Скоро на корабль были доставлены тюки. Слуга, привезший их, развернул на солнце белую и желтую, разрисованную охрой, материю.

Португальцы поняли, что вожди, приехавшие с верхнего течения реки, знали хорошие товары.

Чтобы все же поразить вождей, Пауло да Гама провел их по кораблю и показал другие корабли. Вожди молчали. Когда визит кончился, юноша знаками дал понять, что он уже раньше видел такие большие корабли.

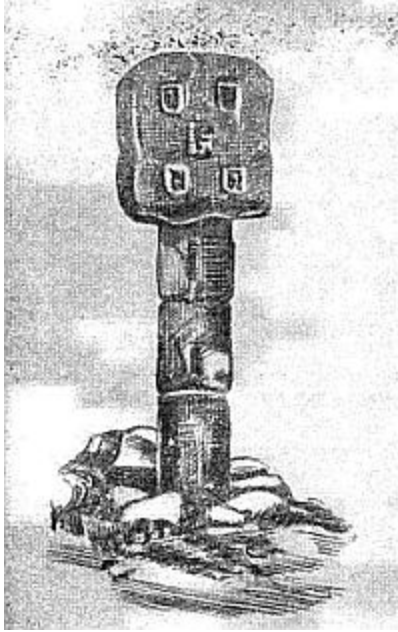
Семь дней жили негритянские вожди в хижинах на берегу. Как-то утром они сели на баркас. Гребцы взялись за весла, и скоро баркас исчез из виду.

Португальцы поняли, что они попали в новые места, в страну, где уже чувствовалось влияние какой-то высокой цивилизации, и прозвали это место «Рекой добрых признаков» («Рио да Бонш Сигналеж»).

И в самом деле, земли первобытных племен кончались, начинались страны, где уже чувствовалось арабское влияние.

С VIII-IX веков арабы все дальше и дальше проникали на юг вдоль африканского побережья.

В глубь страны пробирались военные экспедиции, уничтожая сопротивлявшихся, сжигая их деревни и опустошая поля. Они добывали те же товары, за которыми охотились португальцы на противоположном, западном, берегу Африки, – золото, слоновую кость и, главное, рабов и рабынь. Взрослых мужчин, стариков и старух, как правило, убивали на месте и к берегу гнали молодых женщин и мальчиков. Непрерывным потоком свозили черных невольников к побережью. Здесь выросли и пышно расцвели на работорговле многочисленные арабские города – Могадокшо, Мелинди, Момбаса, Занзибар, Килоа, Мозамбик. В этих притонах работорговцев шла сортировка добытых невольников. Мальчиков обычно кастрировали, и они становились евнухами – стражами в гаремах богатых горожан Каира, Багдада, Басры и Дамаска, или заменяли тягловый и вьючный скот, качали воду на финиковых плантациях Шаг Эль Араба, тянули бечевой суда вверх по Нилу и Евфрату и работали в каменоломнях Ливийской пустыни.

Падрао, поставленный португальцами на берегу Африки, в области, которую посетил Васко да Гама.

Арабы на африканском побережье сильно смешались с неграми. «Белых мавров», как их потом называли португальцы, было немного.

На берегах «Реки добрых признаков» португальцы пробыли тридцать два дня. Вновь, как и в заливе Санта Елена, чинили и очищали корабли от раковин и морских растений. Выбрав поросший травой бугор, возвышавшийся над морем, они построили каменный столб, «падрао», отслужили мессу и назвали столб именем святого Рафаэля, покровителя одного из кораблей.

24 февраля португальцы покинули реку Килимане и поплыли дальше на север.

НА СЕВЕРО-ВОСТОК

Четыре дня португальцы плыли без приключений. На второй день вдали показались три маленьких острова; на закате они скрылись за горизонтом.

1 марта снова показались мелкие острова, а вдали – полоска материка. Время шло к вечеру. Мореплаватели решили стать на якорь и ждать до утра.

Следующий день начался неприятностью. Николау Коэльо, лавируя между островами у входа в залив, посадил свое судно на мель, и только наступивший скоро прилив позволил ему сняться. Из залива навстречу кораблям вышли две лодки, а когда португальцы вошли в залив, лодки окружили их со всех сторон. На одном из островов белел окруженный зеленью город. Это было поселение арабов-работорговцев – Мозамбик. В заливе сновали бесчисленные лодки, а на рейде стояли четыре больших корабля и множество мелких судов. Арабы сооружали свои большие корабли, не применяя гвоздей. Они связывали доски веревками и скрепляли деревянными клиньями. Аравийские моряки знали компас и умели пользоваться мореходными картами и квадрантом.^[9]

Белые оштукатуренные дома туземцев прятались в садах. Высоко вздымались кокосовые пальмы. Португальцы видели их впервые. Автор «Roteiro» пишет: «Эти пальмы приносят плоды величиною с дыню. Едят ядро плода, запах которого напоминает запах ореха».

Португальцы бросили якоря. Подъехала лодка, и на борт корабля Васко да Гамы поднялись несколько смуглых людей, одетых в богато расшитые шелком яркие наряды.

Переводчик, матрос-португалец, побывавший в мавританском плечу, переводил беседу.

– Что вы за люди? – спросил Васко да Гама.

– Мы – местные торговцы, подданные султана Мозамбикского, – ответил старший из купцов.

– Это ваши корабли? – спросил командир, указывая на четыре корабля, возвышавшихся над лодками и баркасами.

– Нет, это корабли белых мавров – богатых и могущественных торговцев из Аравии.

– Чем гружены они?

– На них золото, серебро, гвоздика, перец, имбирь, серебряные кольца, жемчуга, рубины.

Переводчик внятно и отдельно перевел ответ. На корабле стало совсем тихо.

– Где берете вы эти товары?

– Золото – здесь, в Мозамбике, а остальные товары они привезли оттуда, куда вы держите путь...

– А много там их, этих товаров?

Тихий, размеренный голос Васко да Гамы дрогнул.

– О, пряностей, драгоценных камней и жемчуга там столько, что и покупать не надо! Подставляй корзины и собирай!

Васко да Гама прервал беседу. Надо было обдумать полученные новости. Гостей с поклонами проводили с корабля; собрали в каюте командира совет. Было решено, пока возможно, не открывать маврам, что пришли португальцы-христиане выведывать, нет ли поблизости христиан, особенно первосвященника Иоанна, и котором писал недавно в Португалию королевский соглядатай Перо де Ковильям.

Вечером купцы опять посетили корабль, и снова началась беседа.

– Труден путь далее, на северо-восток?

– Да, впереди мели и буруны, много мелких островов. Неопытный кормчий может легко заблудиться и погубить корабль.

Васко да Гама недовольно сказал Николау Коэльо:

- Плохо, придется правдами и неправдами раздобыть у мавританских собак лоцмана.

- А каково побережье дальше на север?

- Вдоль берега скалы перемежаются с болотистым берегом. Кое-где стоят города. Там живут правоверные мусульмане, хорошие торговцы и отважные воины.

- А христиане здесь есть? - небрежно спросил командир, глядя на дальний берег.

- Севернее есть могучее царство неверных, а сюда они попадают изредка, как рабы. Да и сейчас вон на том корабле привезли из Индии двух христиан-рабов. Дальше к северу лежат острова, где население наполовину правоверные, наполовину - христианские псы...

На кораблях царила радость. Путь в Индию был нащупан, кончились унылые, заросшие тропическим лесом берега. Близко было царство первосвященника Иоанна и рукой подать до Индии.

Португальцы кричали от радости - так осчастливили их эти новости. И моряки еще раз проверили замки рундуков, стоявших у изголовьев. Начались дни, полные хлопот и суеты.

С берега приезжал сам султан Мозамбика, пожилой мавр с огненно красной бородой, крашенной, хной. Его пестрая, нарядная лодка была покрыта светлозеленым навесом. Султану подарили шляпу, нити кораллов и короткую шелковую куртку синего цвета. Куртки эти носили в Леванте и Индии и называли «марлота». Лет <пять назад португальцы захватили и разграбили суда, шедшие с Востока в Сеуту, среди добычи были и эти куртки. Их хранили до удобного случая на королевских складах, и теперь Васко да Гама взял куртки с собой, чтобы использовать для обмена и подарков. Султан считал португальцев турками или маврами, прибывшими из дальних стран. Он согласился продать им поовизию и дать двух лоцманов. Пожилой мавр

просил пришельцев показать ему коран и сам подарит Николау Коэльо черный сафьяновый молитвенник, полный арабской вязи.

Когда беседа кончилась, султан попросил отвезти его на берег на португальской лодке. На берегу он предложил португальским матросам пройти во дворец и вручил им для передачи Васко да Гаме и другим командирам большие горшки с пряным кушаньем из риса, фиников, шафрана и гвоздики.

Лоцманы жили на одном из островов в заливе. Командир решил не ждать, пока они приедут на корабль. Надо было торопиться. Мазры могли почуять обман. 10 марта корабли снялись с якоря и направились к тому острову, где жили лоцманы. В воду спустили две шлюпки, команда взяла с собой оружие. На одной шлюпке поехал сам командир, на другой – Коэльо. В глубине заливчика на острове виднелась деревня. Начались поиски лоцманов. В это время с корабля раздался тревожный окрик. Из города к острову быстро плыло шесть лодок, переполненных бойцами. На солнце поблескивали копья, виднелись длинные узкие луки, большие желтые с красным узором щиты отражались в воде.

Васко да Гама ускорил поиски, и скоро два бледных и испуганных лоцмана сидели на шлюпках среди вооруженных португальцев. Лодки мавров пересекли залив и приблизились к кораблям. Васко да Гама вернулся на корабль и приказал знаками дать понять маврам, чтобы они убирались обратно в город. Когда это не помогло, дали залп из бомбард. Лодки круто повернули и заспешили к берегу.

Потянулись трудные дни. Подходить к берегу было опасно, а противный ветер препятствовал дальнейшему продвижению. Остров, где жили лоцманы, окрестили островом Сао Жорже, 11 марта отслужили мессу. Теперь уже от лоцманов не таились, за ними крепко

следили и, самое главное, не допускали, чтобы они общались с кем-либо из мавров.

13 марта португальцы пытались снова тронуться в путь. Полдня плыли, лавируя и ловя ветер, вдоль низкого, поросшего редкими деревьями берега. Вдали, в глубине страны, синели горы. Скоро ветер задул в лоб кораблям. Пришлось дрейфовать. К утру оказалось, что корабли опять отнесло к уже надоевшему острову Сао Жорже. Восемь дней корабли дожидались ветра, меняли у жителей деревушки кур, коз и голубей. Из Мозамбика прибыл гонец от султана – «белый мавр». Зеленая чалма и крашенная хной борода свидетельствовали, что он – сеид, потомок пророка. Гонец был спокоен и важен, но, к удивлению португальцев, пил вино и быстро повеселел. «Белый мавр» привез от султана просьбу о мире. Султан предлагал свою дружбу.

...На кораблях кончалась пресная вода, а на острове была только солоноватая, ее пили козы и коровы, для людей же воду привозили с берега.

Ночью 22 марта Васко да Гама и Николау Коэльо отправились на трех шлюпках за водой и взяли с собой мавра лоцмана. Руки мавра были крепко связаны сзади, и один из солдат держал его за конец веревки. Рот лоцмана завязали полоской материи, оторванной от его чалмы. Лоцман должен был показать воду. До утра пробродили португальцы по чужому берегу, спотыкаясь о корни, ушибая ноги о камни, проваливаясь в ямы и колдобины. Мавр или не мог или не хотел, показать источник. Когда начало светать, усталые и злые, португальцы ни с чем вернулись на корабли.

На другой вечер португальцы опять взяли с собой лоцмана и отправились на поиски воды. На этот раз дело не прошло гладко. На берегу португальцев ждал отряд, вооруженный мечами и копьями.

Васко да Гама приказал стрелять из бомбард. Отряд скрылся в кусты. Дорога к источнику была свободна, и португальцы запаслись водой.

На утро 24 марта выяснилось, что во время поисков воды бежал негр – раб португальца Жоао да Коимбра. В этот же день к кораблям подъехал новый посол. Он прокричал с лодки, чтобы пришельцы и не пытались высаживаться за водой, что на берегу их встретят достойным образом.

Услышав это, капитан-командир рассердился. Он приказал вооруженным матросам отправиться к берегу, чтобы дать отпор маврам. Вооруженные португальцы сели в лодки и, установив на кормах бомбарды, направились к берегу. Мавры загородили берега палисадами из досок, так что их бойцов не было видно, и, вооружившись ассегаями, мечами, луками и пращами, стали бросать в противников камнями. В ответ португальцы выстрелили из бомбард.

Три часа стреляли они в мавров. Убив двух противников, моряки вернулись на корабли.

Португальцы легко победили своих лишенных огнестрельного оружия противников. Но это не улучшило их положения. К воде надо было пробиваться с боем. Рассчитывать на мир уже не приходилось, – мавры поняли, что перед ними злейшие враги. Чтобы сорвать на ком-нибудь злобу, Васко да Гама начал ловить и грабить лодки и барки, входившие в залив. Кроме того, он хотел раздобыть пленных, чтобы выменять их на беглого негра, скрывавшегося где-то на берегу, к на двух христиан-рабов, о которых ему говорили мавританские купцы.

24 марта вечером португальцы захватили две лодки. На другой день удалось поймать еще одну и захватить экипаж: четырех негров-рабов шерифа. Гребцы с других лодок бросались в воду, когда к ним приближались португальские шлюпки. Две лодки были

пусты, одна нагружена домашним скарбом, сетями, горшками с маслом, сундуками с платьем, ящиками с просом и стеклянными пузырьками с ароматной водой. Васко да Гама отложил найденные в лодке арабские книги, а остальное роздал матросам.

Так началось организованное пиратство, которое скоро сделало ненавистным имя португальцев на берегах Индийского океана.

Попутного ветра все не было. 25 марта португальцы снова бомбардировали берег. Только через четыре дня ветер сменился, и корабли тронулись в путь.

Хмурый мавр-лоцман стоял у руля; рядом с ним поигрывал своим кинжалом сторож-португалец.

Мимо проплывали зеленые острова. Мавры-лоцманы говорили, что среди них есть острова, населенные христианами. Португальцы целый день безрезультатно искали такой остров. Как выяснилось позднее, лоцманы говорили неправду: они надеялись затянуть плавание, чтобы, улучив момент, бежать с корабля. Так прошло еще шесть дней.

5 апреля берег и острова пропали, и корабли весь день шли в открытом море. К вечеру опять показалась земля. Ночь переждали на якорях, а утром подошли ближе к гористому берегу, изрезанному долинами и ущельями. По холмам простирались зеленые рощи. Белел прибрежный бурун. Корабли пошли вдоль берега. Во время обеда «Сао Рафаэль» неожиданно вздрогнул, со столов посыпались стаканы, кто-то крикнул:

– Наскочили на камни!

Но, поскрипев килем по дну, «Сао Рафаэль» пошел дальше. 7 апреля к кораблю подошли две барки, груженные прекрасными апельсинами. Два мавра перешли с барок на корабли, чтобы показывать путь.

К вечеру стали на якорь в открытом море, против мавританского города Момбаса. В Момбасе португальцев ждала большая неудача.

Сначала все шло хорошо. В гавани стояло множество арабских судов. Был какой-то мусульманский праздник, и все суда были пестро разукрашены. Васко да Гама не хотел, чтобы португальцы и в мелочах уступали маврам. Поэтому он приказал развесить по всем кораблям флаги и пестрые тряпки. Как и в Мозамбике, корабль посетили знатные жители города, и налачился обмен подарками с султаном. Лоцманы уверили португальцев, что в городе есть большая христианская колония, что христиане живут обособленно и управляются своим начальником. Португальцы безуспешно их искали. Правда, в городе они встретили «христианских» купцов. На самом деле это были не христиане, а индусы.

Но скоро в Момбасе поняли, что представляют собой пришельцы. Через три дня по приезде в Момбасу португальцы почувствовали, что мавры хотят с ними разделаться.

Флагманский корабль выбрал якорь, но сделал неверный маневр и ударил шедшее в кильватере судно. Раздался треск. Мавры, находившиеся на корабле, быстро прыгнули в свою лодку, стоявшую рядом. В это время оба лоцмана с верхней палубы бросились в воду. Мавританская лодка подобрала лоцманов и быстро удалилась.

Васко да Гама пришел в ярость. Все рушилось. Теперь лоцманы, конечно, расскажут, кто такие португальцы, зачем они пришли и как легче всего от них избавиться. Чтобы сорвать на ком-нибудь свою ярость, капитан принялся за пленников, взятых на одной из лодок, захваченных при выходе из Мозамбика.

При этом он впервые проявил ту отвратительную жестокость и любовь к хладнокровно обдуманым пыткам, которые навсегда омрачили его имя.

«Ночью капитан-командир допрашивал двух мавров из Мозамбика, капая им на кожу кипящим маслом,

чтобы вынудить у них признание о подготавливавшемся против нас коварстве. Они сознались, что был даже дан приказ поймать нас, когда мы войдем в порт, чтобы отомстить за то, что мы сделали в Мозамбике. А когда пытку применили вторично, один из мавров, хотя у него были связаны руки, бросился в воду, другой сделал это во время утренней вахты» («Roteiro»).

В полночь вахтенный на «Беррио» услышал поскрипывание каната. Сначала он подумал, что канат задела большая рыба. Когда скрип повторился, вахтенный взглянул на борт. Около «Беррио» и около «Сао Рафаэля» стояли мавританские баркасы. Нагой человек висел на якорном канате «Беррио» и перепиливал его ножом.

Вахтенный закричал. Раздался плеск, затем шлепанье босых ног по палубе и снова громкий плеск. Оказалось, что многие мавры уже забрались на корабль. Видя, что их открыли, они прыгали с палубы в воду, а некоторые быстро скользили вниз по якорному канату.

Пловцы забрались в лодки и сразу исчезли во тьме. Надо было уходить из этого места. Но попутного ветра не было. Еще два дня португальские корабли простояли перед враждебным городом.

Лишь 13 апреля утром удалось покинуть Момбасу. На другое утро с кораблей заметили два судна. Началась погоня. Одна лодка быстро скрылась в какой-то речке на побережье, другую поймали. Мавры увидели, что их дело проиграно, и попрыгали в воду.

Португальцам важно было не только захватить добычу, но и заполучить людей. Среди пленников мог находиться лоцман, которого лаской или пыткой удастся заставить вести корабли в Индию. Началась ловля, и скоро всех бросившихся в море вытащили на португальские шлюпки. Их было шестнадцать человек.

Когда португальцы начали осматривать добычу, то, кроме золота и серебра, среди мешков зерна и горшков

с мясом, они нашли забившееся в угол, закутанное в белое с ног до головы существо. Это была молодая женщина, жена одного из пленников – знатного и важного мавра.

К вечеру корабли стали на якорь у нового мавританского городка – Мелинди.

Этому городу суждено было сыграть решающую роль во всей истории плавания Васко да Гамы в Индию.

В гавани стояло много судов. Васко да Гама начал допрашивать пленников. О чем они говорили, установить трудно. Во всяком случае, Васко да Гама и его спутники поняли своих пленников так: «В гавани стоят четыре корабля, принадлежащие индийским христианам. На этих судах наверняка можно будет раздобыть лоцманов, которые поведут корабли в Индию».

Корабли португальцев стали на рейде. Вдоль берега и между судами плавали лодки, но к португальским кораблям никто не приближался.

Васко да Гама понял, что в городе знали о захвате мавританского судна. По всей вероятности, об этом сообщил экипаж второго судна, ускользнувшего от пиратов Васко да Гамы.

Король Манозель сделал правильный выбор – Васко да Гама умел быть жестоким, когда считал это нужным. Когда же этого требовали обстоятельства, Васко да Гама умел прятать когти до более удобного случая, умел быть щедрым и вкрадчивым, великодушным и обаятельным.

Так было и в Мелинди. Он понял, что захват и ограбление мавританского судна может поссорить его с жителями Мелинди, а тогда о лоцмане не будет даже речи, и в поисках его придется, в лучшем случае, еще долго плыть вдоль бесконечного побережья.

Капитан решил круто переменить тактику. На рассвете 16 апреля португальская лодка высадила на

узкую, выдающуюся далеко в море песчаную косу старого богатого мавра, мужа молодой женщины, которую моряки обнаружили на захваченном судне. Мавру приказали передать султану Мелинди мирные предложения Васко да Гамы.

Португальцы вернулись на корабль и вскоре увидели, что к мели подошел баркас и снял старого мавра. Расчет Васко да Гамы оправдался. После обеда длинная, покрытая навесом лодка подъехала к флагманскому кораблю португальцев. На борт поднялись старый мавр и три шейха, посланные султаном. Затем негры-гребцы втащили на корабль трех упиравшихся белых овец с черными головами. Приехавшие привезли самый благоприятный ответ от короля: он обещал дать лоцманов, провизию и предлагал союз и дружбу.

Следующие два дня ушли на обмен подарками и на свидания. Султан, немолодой уже араб с густой черной бородой, в богатой, отделанной зеленой каймой одежде, в пышном головном уборе, подъехал к кораблям на узкой пестро разукрашенной лодке. Васко да Гама выехал к нему навстречу в шлюпке. Султан приглашал португальца посетить его дворец на берегу.

Приглашение было соблазнительно. Командиру изрядно надоела вечно качающаяся палуба, а белые домики с резными деревянными решетками на окнах, окруженные тропической зеленью, были так заманчивы.

Но Васко да Гама боялся ловушки и решил солгать.

– Король, мой повелитель, – сказал он тихо и размеренно, – запретил мне покидать борт корабля. Если я ослушаюсь, весть об этом дойдет до него, и мне будет очень плохо.

Он передал султану написанное накануне письмо, якобы исходявшее от короля Манозля. Султан засыпал Васко да Гаму вопросами о короле Манозле и его стране. Приходилось изворачиваться и лгать. Нельзя

же, в самом деле, рассказать этому сарацинскому царьку, что могучий повелитель Васко да Гамы, пославший к берегам Мелинди столь мощный флот, великий король Манозэль, – на самом деле государь одного из самых захолустных королевств, попавший на престол из-за счастливо сложившихся обстоятельств, открывших ему дорогу к трону. В 1484 году король Жоао II «Совершенный» заколол кинжалом старшего брата Манозэля-Фернао, герцога Вижеу, а в 1491 году наследный принц Аффонсо, сын Жоао II, за год до того женившийся на дочери Фернандо и Изабеллы, умер, упав с лошади. Так открылась для Манозэля дорога к трону.

Нет, нельзя было рассказать все это первому попавшемуся султану мавританского городишки, – зазорно, да и не выгодно.

И Васко да Гама плел длинные истории о мощи, славе и богатстве короля Манозэля.

Лодки тихо покачивались. С каменными лицами слушали гребцы и кормчие похвальбу своего командира. Переводчик говорил размеренно и медленно, иногда останавливаясь и с трудом подбирая слова. На мавританской лодке, под вышитым навесом, на покрытом пестрыми подушками бронзовом стуле сидел султан. Сбоку стоял высокий плечистый старик. Он держал в вытянутой руке короткий прямой меч в серебряных, богато разукрашенных ножнах. Это был палач. Сзади стояли рослые черные трубачи в белых чалмах. У них были огромные медные трубы, опрaвленные в резную слоновую кость. Когда свидание кончилось, над гаванью раздался резкий и протяжный голос труб.

Вечером Васко да Гама приказал отпустить всех пленников, чем еще больше расположил к себе султана.

19 апреля Васко да Гама и его офицеры проехали вдоль берега на лодках, предусмотрительно захватив с

собой бомбарды. К берегу принесли в паланкине султана. Он снова пытался уговорить Васко да Гаму посетить дворец, обещая оставить на кораблях в виде заложников своих сыновей. Но Васко да Гама все еще боялся обмана и отказался вторично.

Зато командир решил завязать сношения с индийскими «христианами». Он послал к ним одного из своих офицеров, и вскоре к борту корабля Пауло да Гамы подошла лодка. Индусы были красивые, смуглые, чернобородые и длинноволосые люди. Одежда их состояла из набедренных повязок. Они были не в ладах с маврами из Мелинди. На скверном арабском языке они предупредили португальцев, чтобы те ждали от жителей Мелинди козней и коварства.

Когда этих «христиан» привели к походному иконостасу, произошла любопытная сцена. Автор «Roteiro» пишет: «Им показали икону, изображавшую богородицу у подножия креста с Иисусом Христом на руках и с апостолами вокруг. Когда индийцы увидели это изображение, они простерлись ниц и, пока мы были в этом городе, приходили молиться и приносили жертвы – гвоздику, перец и другие вещи».

Когда португальские лодки проплывали мимо индусских кораблей, индусы простирали к ним руки и кричали: «Крист! Крист!»

Португальцы были уверены, что имеют дело с христианами. На самом же деле произошло забавное недоразумение. Перед ними были индусы-браманисты. В их пантеоне тоже есть богородица и новорожденный бог. Бога этого зовут Кришна. Несомненно, что, встретив на чужбине в мусульманской стране, где нет изображений богов, христианскую икону, индусы приняли ее за изображение Деваки и Кришны.

Ночью на индусских кораблях жгли фейерверк и били в барабаны, играла музыка, – был какой-то индусский праздник.

22 апреля прибыли индусы-лоцманы. На корабле все называли их «христианами».

Через день португальцы покинули Мелинди. Несколько дней корабли шли вдоль берега, но потом лоцман резко изменил курс. Корабли повернули на северо-восток, и африканское побережье исчезло из виду, двадцать три дня не видели берегов. Было очень жарко. Даже под экватором не было такой жары. Днем палило солнце. Оно стояло над головой. Тени почти не было. Палуба накалялась, бомбарды стали горячими. Ночь не приносила отдыха. Вода быстро испортилась. И снова начали болеть и умирать моряки.

В ночь на 29 апреля вахтенный увидел Полярную звезду. Моряки повеселели. Кругом бмли чужие звезды и чужие земли. Летучие рыбы падали на палубу. Ночью светилось море. Попутный юго-западный муссон с его удручающим постоянством казался враждебным. Тогда еще не знали о смене муссонов, и моряки не раз задумывались над тем, как придется пробивать себе путь обратно против ветра. Поэтому появление привычного путеводителя – Полярной звезды – обрадовало моряков.

Васко да Гама снова и снова просматривал книги двух венецианцев – Марко Поло, посетившего Индию в конце XIII века, и Николо Конти, побывавшего в Индии в первой половине XV века. Он вытащил из кованого ларца и копии донесений королевского соглядателя Ковильяма. Индия казалась ему богатой и грозной. Все книги говорили, что Индия – это страна несметных сокровищ, родина пряностей и драгоценных камней, но все путешественники отмечали мощь индийских царей, описывали их боевых слонов, лучников и метателей пращи, их конницу и могучие крепости.

У Васко да Гамы было три небольших корабля. Экипаж его был измучен и обескровлен долгим плаванием и болезнями. Кругом – чужие, враждебные

народы. Васко да Гама снова и снова мерил большими шагами свою каюту из угла в угол. Потом выходил на нос корабля и всматривался в даль.

Утром 18 мая вахтенный увидел высокую гору. Это была одинокая гора Эли, что стоит на Малабарском побережье, недалеко от Кананора. Это была Индия.

19 мая корабли подошли к берегу. Началась гроза. Полоса дождя занавесила берег. Лоцман долго вглядывался в даль, защищая лицо рукой от косого ливня, но так и не мог определить точно, куда попал корабль. Лишь на другой день лоцман узнал, что они находятся недалеко от индийского порта Каликута.

ИНДИЙСКИЙ БЕРЕГ

Поздно вечером корабли Васко да Гамы встали на якорь у индийского берега. Ночь была тихая. Влажный теплый ветер играл полотняным навесом на корме корабля. С берега доносились запахи сырой земли, прелой зелени и каких-то пряных цветов. Вдали на берегу двигались огоньки – кто-то бродил с факелами. На кораблях усилили дозоры. Ночью на флагманский корабль съехались Пауло да Гама и Николау Коэльо. Они тихо поднялись на борт и молча прошли в каюту командира. Огня не зажигали. Началось совещание. Командиры беседовали почти до рассвета. Гудел размеренный спокойный бас Васко да Гамы, ему вторил баритон Пауло. Изредка произносил несколько отрывистых слов молчаливый Николау Коэльо.

Начиналась Индия – цель многолетних скитаний. Оставалось несколько часов для того, чтобы все обдумать и взвесить. Командиры прекрасно понимали, как ничтожны силы португальцев. С потрепанными кораблями, измученные дальним тяжелым плаванием, Васко да Гама и его спутники рискнули появиться в Индии. По сути дела, португальцы почти ничего не знали о той стране, куда они попали после долголетних поисков и борьбы, полных жертв и лишений.

Они чувствовали только, что до поры до времени в Индии надо хитрить и таиться, обманывать и изворачиваться, быть может, терпеть унижения и идти на жертвы. Ведь, в сущности, они такие же королевские соглядатаи, как и побывавший некогда в Индии Ковильям. Они должны выведать все, что можно, о богатствах и торговле Индии, о силе и слабостях ее повелителей, наметить вероятных друзей и возможных врагов в будущей борьбе и вернуться на родину.

В другой раз португальцы приедут не безвестными морскими бродягами, а грозными завоевателями, и тогда они воздадут сторицей за все унижения, за все, что придется молча сносить сейчас.

Командиры решили, что португальцы заявят жителям Индии, будто бы три корабля Васко да Гамы – лишь часть мощной армады. Буря якобы разлучила «Сао Габриэля», «Сао Рафаэля» и «Беррио» с основной эскадрой, Васко да Гама случайно попал в Каликут и со дня на день ждет появления остальных кораблей. На тех кораблях, что бродят еще где-то в море, находятся роскошные подарки и посол с большой свитой, а Васко да Гама только командир эскадры.

Этой басней португальские командиры думали несколько сгладить несоответствие между тремя жалкими кораблями, бедно одетой командой и торжественными, полными величия прославлениями «могущественного, единственного в мире» государя Португалии, которыми Васко да Гама считал необходимым ослеплять воображение жителей Востока.

Кроме того, угроза появления выдуманной армады могла предостеречь туземцев от нападения на португальские корабли. Командиры решили запретить всем, кроме капитанов, вступать в переговоры с туземцами. Лишь братья да Гама и Николау Коэльо могли рассказывать туземцам о Португалии, ее мнимом мировом могуществе и о целях, приведших португальцев в Индию. Остальным морякам разрешалось говорить с туземцами только о самых обыденных вещах, спрашивать цены на товары, узнавать наименования местностей и т. п.

В конце совещания Васко да Гама напомнил командирам, что в описаниях говорится, будто в Индии много христиан.

– Наверное, они схизматики и не следуют во всем законам святой равноапостольской церкви. Быть может,

кое-какие обряды этих христиан будут претить вам – истым католикам. Все же я прошу до поры до времени сдерживаться и не давать воли вашему законному негодованию. Помните, малейшая оплошность – и погибли не только мы, но и дело, доверенное нам королем. А если мы впоследствии укрепимся на этом берегу, – добавил командир, усмехаясь в черную бороду, – в руках у воинствующей церкви и верных ее слуг есть всяческие средства, чтобы заставить этих схизматиков вернуться в лоно истинной веры и обуздать и уничтожить неверных: мавров, евреев и язычников. Совещение кончилось. Когда шлюпки отплывали от флагманского корабля, восточный край неба уже начал розоветь. На его фоне чернели силуэты дальних гор.

Рассвело, и моряки увидели Каликут. Вдали тянулись темные горы. Город раскинулся в бухте. С кораблей видны были лишь разбросанные кое-где в пальмовых рощах и фруктовых садах деревянные и глинобитные дома, крытые пальмовыми листьями. Ближе к берегу сады и рощи становились реже, и можно было различить узкие улочки, жалкие хибарки и каменные склады торговой части города. Над южной и северной окраинами Каликута на холмах высились мечети, увенчанные узкими, блестящими под лучами восходящего солнца золотыми полумесяцами.

Вдалеке за городом виднелся большой сад, окруженный белой каменной стеной. Там стоял дворец Заморина – правителя Каликута.

Португальцы попали в Каликут в тихое время. Сезон торговли уже прошел, и многочисленные арабские, персидские, занзибарские, цейлонские и малайские корабли, еще недавно оживлявшие бухту, ушли. На рейде оставались только груженное пряностями аравийское судно, задержавшееся в Каликуте из-за болезни хозяина – богатого купца из Джедды, – да

десятка два небольших судов, пришедших из других городов Малабарского побережья Индии – из Гоа, Диу, Коилуна и Мангалора.

На берегу, около вытасненных на песок лодок, с утра толпились жители Каликута, оживленно обсуждая невиданную оснастку португальских кораблей и строя догадки, почему чужестранцы появились в такое неурочное для торговли время.

Утром рыбаки Каликута вышли на своих узких лодках в море. Две лодки съехались вместе и, осторожно опустив в воду сеть, разошлись в разные стороны, а потом повернули к берегу.

Васко да Гама смотрел с высокой кормы на рыбную ловлю. Сейчас лодки подойдут близко к берегу, рыбаки выпрыгнут из лодок и, по шею в воде, станут тянуть невод. Так ловили рыбу и в его родном Синеже. Он помедлил немного, а потом отдал приказание лоцману-индусу, взятому в Мелинди. Когда рыбачьи лодки, заводя невод, вновь подъехали ближе к португальцам, лоцман крикнул рыбакам, что на кораблях хотят купить свежей рыбы.

Вскоре к кораблю подошла лодка. На борт поднялись худой старик и два подростка в набедренных повязках. Они принесли корзину мелкой серебристой рыбешки. Васко да Гама приказал дать рыбакам серебряную монету. Старик посмотрел на незнакомую монету, попробовал на зуб и, довольный, сунул ее в болтавшийся на шее мешочек. Потом спросил лоцмана, что это за корабли. Тот, наученный командиром, рассказал о «Великой Армаде», которую якобы потеряли из виду моряки трех португальских кораблей, и даже спросил у рыбака, не слыхал ли он что-нибудь об исчезнувших кораблях.

Рыбаки вернулись на берег, и португальцы видели, как толпа горожан обступила старика. Тот стал

рассказывать, оживленно жестикулируя и показывая что-то, очевидно, монету, на вытянутой руке.

Повелитель Каликута, следивший из окна дворца за неведомыми кораблями в бухте, узнав, что рыбаки посетили корабли, велел жителям Каликута вновь поехать к пришельцам и предложить им рыбы и другой провизии, а заодно выведать, откуда они и зачем приехали в его царство.

К полудню у кораблей собралась дюжина лодок. Туземцы предлагали рыбу, кокосовые орехи, связанных за ноги кур, винные ягоды. Васко да Гама приказал, чтобы покупал только лоцман и платил ту цену, которую попросят туземцы, и чтобы ни в чем не обижал их. Скоро на кораблях лежали груды фруктов и орехов, в корзинах трепетала живая рыба, а ветер унес с корабля в бухту куриные перья и пух.

Позже к флагманскому кораблю подъехала большая лодка, груженная дровами. Португальцам не нужны были дрова, но Васко да Гама, верный своей тактике, приказал позвать на борт дровосеков. Наверх поднялось шесть смуглых силачей – дровосеков с гор. Командир велел вручить каждому по монетке и объяснил, что на кораблях не нуждаются в дровах. Лоцман спросил, почему же тогда дровосекам дали денег? Командир сказал:

– Это бедные люди, и они привезли на продажу дрова. Если мы у них не купим, они уедут разочарованные. Поэтому я велел дать им денег, чтобы их труды не пропали даром, ибо привык хорошо оплачивать тем, кто желает мне добра.

Лоцман понял, чего хотел командир, и громко повторил его слова. Довольные дровосеки поспешили вернуться на берег, рассказать горожанам о великодушии чужеземцев.

Так португальцы при первом появлении в Индии пытались скрыть свое истинное лицо грабителей и

насильников под маской доброжелателей, благородных и щедрых гостей из-за моря.

К вечеру народ на берегу разошелся по домам, и Васко да Гама решил послать в Каликут за информацией одного из осужденных, взятых португальцами для выполнения особо опасных поручений.

Выбор его пал на крещеного еврея Жоао Нуньеша. Нуньеш, высокий и худой одноглазый человек в черной одежде, молча выслушал наставления командира и спустился по трапу на шлюпку. Вместе с ним поехал один из торговцев, привезших на корабль кур.

Шлюпка подошла к стоявшей у берега на причале полузатопленной лодке. Жоао Нуньеш и его спутник перелезли в лодку, прошли по борту и, спрыгнув на берег, зашагали по крутому подъему в город. На улице их несколько раз останавливали и пытались расспрашивать. Но спутник Нуньеша вел его дальше. Они уже добрались до маленькой, заросшей травой площади перед мечетью, когда спутник Нуньеша взял его за руку и повел в переулок. Автор «Roteiro» красочно описывает первый визит Жоао Нуньеша в Каликут.

«...Капитан-командир послал его в Каликут, а тот, кто поехал с ним, повел его к двум маврам из Туниса, которые говорили по-кастильски и генуэзски. Они приветствовали его следующими словами:

– Дьявол тебя возьми. Что занесло Тебя сюда?

Они спросили его, что он ищет так далеко от родины, и он отвечал им, что мы прибыли в поисках христиан и пряностей. Тогда они сказали:

– Почему же король Кастилии, король Франции или Сеньория Венецианская не послали никого сюда?

На это он возразил, что король Португалии не позволил бы им этого сделать, а мавры сказали, что король поступил бы правильно. После беседы они

повели его в свой дом и угостили белым хлебом и медом. Он поел и вернулся на корабль с одним из мавров, который, едва очутившись на борту корабля, закричал:

– Счастливое предприятие, счастливое предприятие! Множество рубинов, множество изумрудов, благодарите бога за то, что он привел вас в столь богатую страну!

Мы были очень поражены, услышав эти слова, ибо никак не ожидали, что на нашем языке говорят так далеко от Португалии».

Мавра позвали к Васко да Гаме. Это был хитрый и смелый авантюрист. Когда-то он торговал с испанцами и португальцами в Ороне и научился говорить по-кастильски. Мавр хорошо знал португальцев. Теперь, увидев их в Индии, он быстро понял, что пришли новые хозяева. Около них можно было хорошо пожить, и Эль Масуд (так звали мавра) решил поступить к португальцам на службу. Португальцы превратили его арабское имя Эль Масуд в Монсаид.

Ренегат уверял своих новых хозяев, что он уроженец Севильи, пяти лет от роду был пленен маврами и обращен в мусульманство, но что душа его всегда оставалась христианской. Он оказал португальцам много услуг, уехал с Васко да Гамой в Португалию и позднее крестился.

Весь вечер Васко да Гама допрашивал мавра о городах и странах Индии, о заморской торговле и пряностях, а писец записывал его ответы. Монсаид быстро сообразил, чего на самом деле искали португальцы в Индии, но счел для себя выгодным делать вид, что верит, будто бы португальцы озабочены поисками индийских христиан.

Рассказывая об Индии и желая угодить новому господину, он с большей легкостью превращал всех немусульман Индии в христиан. До нас дошли

записанные со слов Монсаида рассказы об Индии и соседних странах.

– Расскажи о царствах, что расположены к югу от Каликута, – попросил Васко да Гама.

– Пиши, – сказал мавр писцу.

– Из Каликута, где мы находимся, много товаров вывозится, здесь грузятся и корабли из Джедды. Государя зовут Заморин, он может выставить 100 тысяч бойцов, но это – считая вместе с вассалами и союзниками. Собственные силы его очень малы. Вот какие товары привозят в Индию из Аравии: медь, кожи, розовую воду, красную ткань, ртуть.

– Дальше, – проронил командир, лежавший на низкой корабельной койке. Увитая тюрбаном голова мавра качнулась в сторону писца.

– Пиши, – сказал он. – Коронголор – христианская страна, и король там христианин. Он может выставить 40 тысяч бойцов. Перец там много дешевле, чем в Каликуте.

– Дальше.

– Пиши: Цейлон – очень большой остров. Жители христиане, и король христианин. Король может выставить 4 тысячи бойцов и еще более боевых слонов как на бой, так и на продажу. Вся лучшая корица в Индии поступает оттуда, а также множество сапфиров, лучших на свете. Кроме того, там есть рубины, – хотя их немного, но они превосходного качества.

– Дальше.

– Пиши, писец: Малакка – христианское царство с христианским королем. Оно в 40 днях пути от Каликута, если будет попутный ветер. Король может выставить 10 тысяч бойцов и 1 200 коней. Оттуда идет вся гвоздика. Там также много фарфора, шелка и олова. Из олова они чеканят монету, но она тяжелая и очень дешева. Там водится много больших попугаев с красными, как огонь, перьями.

- А как сражаются боевые слоны? - спросил командир.

- Пиши: делают деревянный терем на четырех бойцов, и терем тот с бойцами ставят слону на спину. На каждый клык слона прикрепляют по пяти обнаженных мечей, а в хобот слону дают тяжелую цепь, чтобы он ею разил врагов. Это делает слона таким устрашающим, что если есть малейшая возможность бежать, - никто не решается вступать с ним в бой. Те, кто сидят у него на спине, отдают, приказы, а он, как разумное существо, выполняет их.

- Как ловят слонов в девственных лесах?

- Пиши, писец - и снова покачивается в такт рассказу тюрбан мавра. Он говорит о слонах и ценах на пряности в Александрии, о пошлинах, которые взимают с пряностей по пути в Египет, о «христианах» и мавританских царствах, о далеких Суматре, Сиаме и Бирме.

Корабли стояли на рейде еще три дня, но от Заморина все не было гонцов. Васко да Гама беспокоился и спросил у Монсаида совета. Мавр сказал, что Васко да Гама, как приезжий, должен первым направить послов к Заморину. К властителю Каликута поехали два португальца и Монсаид. Васко да Гама сам хотел вести переговоры и велел передать Заморину, что в Каликут прибыл посланец португальского короля и что он желает лично передать письмо короля Заморину.

Через день португальцы заметили богато разукрашенную лодку. Она отчалила от берега и направилась к португальским кораблям. В лодке сидел худощавый темнокожий человек в одной набедренной повязке. Его нестриженные черные волосы спадали на лоб. Он держал в руках небольшой круглый щит, богато инкрустированный перламутром и черным деревом, и короткий прямой меч.

Это был наир – член касты воинов. Он привез письмо от Заморина. Повелитель Каликута обещал вскоре прибыть в город для свидания с командиром португальцев. Далее Заморин писал, что в ближайшее время ветры должны усилиться и оставаться на открытом рейде небезопасно. Но Васко да Гама отказывался войти в гавань Каликута, боясь предательского нападения. Тогда Заморин предложил португальцам перевести суда в близлежащую безопасную гавань Пандарани Коллам. Васко да Гама согласился, и 27 мая присланные королем лоцманы провели корабли на новое место.

Когда корабли бросили якоря, Заморин пригласил Васко да Гаму посетить дворец. Но было уже поздно, и осторожный португалец отложил визит до следующего дня.

АУДИЕНЦИЯ

На другой день Васко да Гама, взяв с собой тринадцать португальцев, отправился к Заморину на аудиенцию. Покидая корабль, он передал на время своего отсутствия командование Пауло да Гаме и приказал брату, если с ним что-нибудь случится, не пытаться его спасать, так как это может повести к гибели кораблей. Если Пауло да Гама получит известие о несчастье, постигшем Васко да Гаму, он должен немедленно отплыть в море и спешить в Португалию, чтобы сообщить королю о великом открытии.

Великий путешественник Васко да Гама навеки запятнал свое имя холодной жестокостью, ложью и интригами. Но его поведение во время посещения Заморина Каликутского свидетельствует, что доблести великих конкистадоров – решительность, сила воли, исключительная храбрость, высоко развитое чувство долга – не были чужды португальскому мореплавателю.

Васко да Гама оделся в лучшее платье и приказал нарядиться своим спутникам. На лодку поставили бомбарду, замаскировав ее коврами и лентами. Отдав последние распоряжения, Васко да Гама спустился по трапу. Трубоч на носу лодки подал сигнал к отплытию. Над бухтой Пандарани Коллам прокатился пронзительный голос трубы.

На берегу португальцев ждал Вали – наместник Заморина с отрядом черноусых длинноволосых наиров. Сбоку толпились пестро одетые музыканты.

Место для высадки португальцев было расчищено и покрыто свежими ветками. Лодка развернулась, и Васко да Гама первым вступил на индийский берег. В этот момент наиры подняли вверх обнаженные мечи и раздался грохот и визг – оркестр приветствовал посла

из дальних стран. Ревели барабаны, гулко ухал огромный накар из буйволово́й кожи. Наккар был подвешен между двумя волами, и по нему колотили четыре барабанщика. Мрачно гудела длинная прямая труба. Звенели цимбалы, трещали трещотки, дотошно и пронзительно визжали маленькие дудки.

Португальцы были почти оглушены. Но Васко да Гама, приветливо улыбаясь, поднялся вверх по крутой набережной, туда, где его ждал Вали – маленький толстый старик в белом тюрбане. Командир хотел произнести приветственную речь и дважды подносил руку к сердцу, готовясь к поклону, но оркестр не унимался: ухал накар, бесновались трещотки и попрежнему назойливо пели дискантом маленькие дудки. Вали стоял спокойно и молча смотрел на прибывших. Васко да Гама отступил на шаг и, закусив губы, стал ждать.

Оркестр стал затихать, лишь дудки издавали все более пронзительные трели... Наконец на самой высокой ноте смолкли и они. Васко да Гама снова шагнул вперед, поклонился давно заготовленным поклоном и начал десять раз продуманную приветственную речь.

Вновь и вновь описывал он призрачное величие короля португальского. Монсаид переводил, кое-где перевирал, кое-где приукрашал речь португальца.

Вали слушал, поглаживая крашенную в огненный цвет бороду. Потом, кратко ответив на приветствие, пригласил Васко да Гаму сесть в богато убранный паланкин, покрытый зеленым, вышитым серебряными полумесяцами балдахин. Васко да Гама опустился на подушки. Шесть носильщиков подняли паланкин и зашагали через деревушку Пандарани вверх по крутому подъему к каликутской дороге. Впереди бежали барабанщики, за ними семенили остальные музыканты. Далее двигался на ленивом жирном иноходце Вали,

следом колыхался паланкин Васко да Гамы. Позади шли тринадцать португальцев. Вокруг кортежа гарцовали наиры, разгоняя народ.

Привлеченные грохотом оркестра, сбегались со всех сторон жители Пандарани, соседних деревень и случайные прохожие; а когда португальцы вышли на покрытую известковой пылью каликутскую дорогу, вокруг стеной стоял народ: бронзовые чернобородые крестьяне-индусы в набедренных повязках, толстые парсы на маленьких осликах, вооруженные мечами мусульмане в белых и зеленых чалмах. Женщины, украшенные большими серьгами, поднимали над головами нагих детей, к краям дороги жались застигнутое шествием неуклюжие, запряженные сизыми волами или темносерыми буйволами, двухколесные повозки.

На деревьях трещали и перекликались встревоженные шумом обезьяны. Дорога то поднималась, извиваясь, в гору мимо огражденных невысокими каменными стенами садов и пальмовых рощ, то ныряла в долину, в царство рисовых полей и маленьких тростниковых хижин.

Справа серебрилось море, а сзади четкими силуэтами виднелись португальские корабли.

Шествие поднимало тучи известковой пыли. Она посеребрила черные бороды португальцев, покрыла матовым налетом их кирасы и шлемы, хрустела на зубах и попадала в глаза. Солнечные лучи падали отвесно, латы португальцев накалились, давно уже хотелось пить. Но оркестр попрежнему грохотал, попрежнему выбегали на дорогу темнокожие люди, попрежнему лениво трусил иноходец Вали и попрежнему колыхался паланкин Васко да Гамы на плечах сменявших друг друга носильщиков.

Наконец начался спуск и за поворотом блеснула сквозь густую зелень река. Оркестр смолк, и сразу как

будто стало легче дышать. Паланкин внесли под навес большого дома. Васко да Гама вышел и прошелся по двору, разминая затекшие ноги.

Португальцам предложили воду и рис с рыбой, обильно сдобренной пряностями и маслом. Васко да Гама отказался есть, но его спутники с наслаждением отдохнули и подкрепились, хотя, опасаясь внезапного нападения, не снимали шлемов и не расстегивали лат.

Когда завтрак кончился, гостей провели по глинистому спуску к речному берегу. На двух связанных лодках был настлан помост, огражденный перилами. Туда вошли Вали, некоторые из наиров и португальцы. Остальные наиры поместились на других лодках. Впереди на двух лодках плыли надоевшие португальцам музыканты, снова оглашая окрестность бряцанием цимбал, ревом барабанов и трелями дудок.

Так плыли вниз по реке несколько километров. По берегам тянулись рисовые поля. Сквозь зеленую щетку молодого риса поблескивали полосы воды. Вдоль берегов попадались высокие деревянные колеса. Целый день обнаженный человек переступал по лопалям маленького колеса, и этим приводилось в движение большое колесо. Оно вращалось медленно и со скрипом поднимало черпаками воду из реки в арык.

На берегу темный худой мальчик с криком гонял по расчищенному кругу двух бычков с завязанными глазами. Вращался жернов убогой мельницы, и старик ковшом собирал струившуюся из жолоба муку.

Потом деревья плотно обступили берега реки. На отмелях стояли важные марабу, в заводях покачивались чашечки водяных цветов, а с ветвей свешивались любопытные обезьяны.

На реке было оживленно. Низкие барки, груженные тюками, скользили вниз по течению; рыбаки хлопотали у невода; переполненный паром перевозил путников через реку.

В одном месте португальцев поразило невиданное зрелище: на отмели лежал большой темный слон, вокруг него хлопотало несколько индусов. Они мыли и терли слона ветками, поливая его водой, а слон, блаженствуя, лениво поводил ушами да отгонял мух вооруженным зеленой веткой хоботом.

Еще один изгиб реки, и португальцы вновь увидели Каликут. Хотя на этот раз они подъехали к городу по реке, но тотчас же узнали его по знакомым очертаниям мечетей.

К речному берегу, куда пристали лодки, спускались уступы террасы. За оградой виднелся какой-то темный храм.

– Мечеть? – спросил Васко да ГаМа Монсаида.

– Нет, храм христиан, – отвечал хитрый авантюрист.

Здесь произошла замечательная сцена – моление португальцев в языческом храме. Автор «Roteiro» пишет:

«Когда мы прибыли, нас повели в большую церковь. Участок, занятый церковью, – величиной с монастырь. Она построена из тесаного камня и покрыта изразцами. У главного входа высится бронзовая колонна высотой с мачту, а на вершине ее укреплена птица, похожая на петуха. Кроме того, там есть еще очень толстая колонна высотой с человека. В центре церковного участка расположена часовня, построенная из тесаного камня. В нее ведут каменные ступени и бронзовая дверь, достаточно широкая, чтобы пройти человеку. В середине этого святилища стоит маленькое изображение, представляющее богородицу, по стенам против главного входа висят семь колокольчиков. В этой церкви капитан-командир и мы с ним помолились. Мы не вошли в святилище, ибо по обычаю туда входят лишь служители церкви, называемые кафи. Эти кафи побрызгали на нас святой водой и дали нам некую белую землю, которой христиане той страны имеют

обычай мазать лоб, темя, вокруг шеи и руки. Они побрызгали святой водой и на капитана-командира и передали ему белую землю. Он передал ее кому-то на сохранение, сказав, что помажется после.

На стенах этой церкви нарисованы многие святые с коронами на головах. Они изображены по-разному: с зубами, выступающими на вершок изо рта, и с четырьмя или пятью руками».

Васко да Гама, несомненно, прекрасно понял, что это не христианская церковь. Поняли это и кое-кто из его спутников.

Старинный историк первого плавания португальцев в Индию Кастаньеда пишет, что один из португальцев – Жоао де Са, опустившись на колени сбоку от командира, сказал: «Если это дьяволы, – я поклоняюсь истинному богу», на что Васко да Гама улыбнулся.

Отказываясь принять «белую землю» индуистских жрецов, Васко да Гама, быть может, знал уже от Монсаида, что главной составной частью «белой земли» является коровий помет.

Итак, «ревностный слуга церкви», правоверный католик Васко да Гама, очутившись в Индии, чтобы расположить в свою пользу индусов, счел за благо сделать вид, что принимает индусский храм за христианскую церковь, и совершил в ней торжественное моление. Позднее, быть может, для того чтобы отвести от себя обвинение в святотатстве, он еще долго будет называть индуистов «христианами».

Помолившись, португальцы покинули индуистский храм, Васко да Гама снова опустился на подушки паланкина, и процессия потянулась вверх к городским воротам.

У самых ворот, завершавшихся мощной башней, произошла задержка. Паланкин остановился, и вся толпа расступилась, давая кому-то дорогу: в воротах показался огромный слон. Клыки его были перехвачены

золотыми обручами, на богато украшенной попоне звенели бубенчики, покачивались серебряные кисти. На спине слона высился теремок, расписанный пестрыми красками. Человек в белой чалме сидел перед теремком на шее слона.

– Королевский слон, – шепнул Монсаид.

Слон оглядел процессию и, покачиваясь на ходу, направился вниз к реке.

Дорога была свободна, и паланкин нырнул под своды башни. Там было темно и прохладно; видны были двери в караульные помещения. Вдоль стен стояли вооруженные люди. Васко да Гама, верный правилам королевских соглядатаев, пытался определить на-глаз толщину каменных стен и прочность деревянных, окованных медью, ворот, но носильщики торопились, и португальцев снова ослепил яркий свет. На узких городских улицах было еще больше народа, чем на дороге. Вдоль домов, плечом к плечу, стояла толпа, она заполняла узкие и кривые переулки. На плоских крышах теснились зрители.

– Принимают лучше, чем короля в Испании, – промолвил один из португальцев, приказчик Диого Диаш, своему другу писцу Альваро де Брага.

С трудом пробиралась процессия по городу, хотя наиры не жалели бичей, разгоняя толпу. Слева показалась каменная ограда, за ней высился храм. Васко да Гама хотел было остановиться и здесь, чтобы лишний раз продемонстрировать перед этими «христианами» свое благочестие, но густая толпа не дала подойти к храму. Она все теснее и теснее нажимала с обеих сторон. Наиры выбились из сил. Дальше двигаться было невозможно. Вали, посоветовавшись с помощниками, повернул вправо в переулок и завел португальцев во двор большого дома, чтобы переждать, пока любопытные разойдутся.

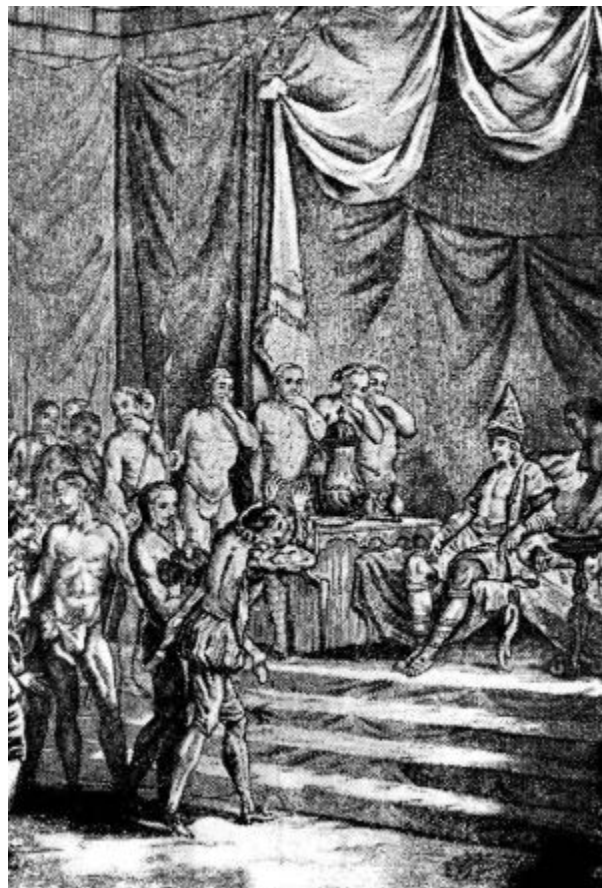
В этом дворе португальцы прождали несколько часов, а с улицы все еще доносился гул толпы. Лишь с помощью нового отряда, присланного из дворца, португальцам удалось к заходу солнца пробраться через толпу и попасть к воротам дворца.

У входа во дворец давка была еще сильнее. Раздраженные и уставшие португальцы уже не стеснялись. К Заморину пробивались силой. Один источник сообщает, что португальцы даже пустили в ход ножи.

Наконец командир португальцев добрался до маленького дворика, где его ждал повелитель Каликута. Заморин, очень темный человек, с длинными черными волосами, связанными в узел и перехваченными ниткой жемчуга, был одет только в белую набедренную повязку. Но скудость одежды Заморина с избытком возмещалась обилием украшений. Его набедренная повязка окаймлялась множеством мелких золотых колечек, украшенных рубинами. На левой руке индуса блестел браслет, спаянный из трех колец и усыпанный драгоценными камнями. На среднем кольце сверкал огромный алмаз, толщиной в человеческий палец. Шею повелителя Каликута дважды обвивало жемчужное ожерелье и золотая цепь тонкой работы. Массивные серьги довершали роскошное убранство Заморина.

Повелитель Каликута сидел на покрытом ковром кресле. Справа стоял мальчик в синей шелковой повязке с красным, окаймленным золотом и изумрудами щитом и коротким мечом, украшенным золотой насечкой. Слева другой мальчик держал массивную золотую чашу. Время от времени стоявший за спиной Заморина старик подавал повелителю сложенный в пакетик бетель.^[10] Заморин жевал бетель и сплевывал ярко-красную слюну в чашу.

Васко да Гама подошел ближе и приветствовал Заморина, подняв руки к небу и потом прижав их к груди. Заморин предложил португальцам сесть. Их угостили фруктами, холодной водой, затем повелитель Каликута попросил Васко да Гаму кратко изложить содержание послания короля. Но Васко да Гама, видя вокруг мавров и опасаясь, что они могут как-нибудь навредить португальцам, попросил Заморина, чтобы тот принял его наедине. Заморин поднялся и перешел вместе с Васко да Гамой в небольшую комнату, где стояло богато убранное коврами и подушками ложе.

Васко да Гама на приеме у Заморина.

Васко да Гама начал говорить. Он рассказывал о короле португальском, «повелителе многих стран и обладателе огромнейшего богатства, равного которому

нет на земле»,^[11] упомянул, что предки короля Манозля вот уже шестьдесят лет посылали ежегодно корабли искать пути в Индию «не потому, что они искали золота и серебра, ибо золота и серебра в Португалии такое изобилие, что нет никакой нужды искать их в чужих землях, а потому, что короли португальские прослышали, будто бы на Востоке есть тоже христианские царства».^[12]

Далее Васко да Гама предложил Заморину от имени короля Португалии братство и дружбу и просил послать вместе с ним послов из Каликута в Португалию. Заморин сказал, что рад приезду португальцев и надеется, что между Каликутом и Португалией будут дружба и мир.

Аудиенция кончилась уже ночью, и гости покинули дворец. Вновь закачался паланкин. На этот раз на улицах не было зевак, но из Дворца вместе с португальцами вышла большая толпа. Впереди бежали факельщики, неся на высоких палках смолистые щепки. Щепки горели с треском и сыпали искры.

Город был тих и пустынен.

Сначала все шло прекрасно, и португальцы радовались, не видя назойливой толпы. Но вдруг налетел ветер, закрутил смерчами дорожную пыль, затушил факелы, начался внезапный, сокрушающий тропический ливень. Португальцы тотчас же промокли насквозь. По улицам неслись потоки воды, образовались выбоины и ямы; носильщики то и дело спотыкались и проваливались, немилосердно встряхивая паланкин. Васко да Гама должен был крепко ухватиться за балясины балдахина, чтобы не упасть. Толпа мгновенно рассеялась. Провожающие, казалось, растерялись. Они сердитыми голосами советовались и спорили между собой, а измученные носильщики с трудом тащили ставший вдвое тяжелее намокший паланкин. Молния

освещала лишь глухие глинобитные стены. Дождь не переставал.

Васко да Гама рассердился. Он окликнул мокрого Монсаида:

– Скажи этим собакам, чтобы несли под какой-нибудь кров. Они забыли, что я посол португальский. Они ответят за это.

Монсаид прошмыгнул вперед и испуганным голосом заговорил с провожающими. Те зашептались. Один из провожающих, мавр-приказчик Заморина, купавший и продававший от его имени товары, предложил пронести разгневанного посла в свой дом и переждать там, пока кончится дождь. Носильщики ускорили шаг, и скоро португальцы очутились в ограде богатого дома. Приказчик Заморина не хотел пускать неверных в самый дом и отвел им широкую веранду. На веранде были постланы ковры, по углам стояли два светильника, в них голубым огнем горело какое-то масло. Португальцы расположились на коврах, осматривая свою мокрую одежду и громко проклиная изменчивую погоду Индии.

Их лучшие наряды, надетые специально для визита к Заморину, были безнадежно испорчены. Поломались эгреты на шлемах, полиняли, покособились кафтаны, измялись кружевные оторочки манжет.

Дождь продолжался. Двигаться дальше в паланкине было невозможно. Командиру привели прекрасного коня, но он был не оседлан (и до сих пор на индийском побережье обычно ездят на неоседланных конях). Но Васко да Гама и в этом увидел преднамеренное оскорбление и отказался сесть на коня. Лишь к утру ливень прекратился так же внезапно, как начался, и уже днем злые и уставшие португальцы добрались до кораблей.

Надо было послать Заморину подарки. Их достали из трюма, тщательно осмотрели и почистили. В

Каликуте был обычай: подарки, предназначавшиеся для государя, предварительно показывать его придворным. Поэтому 29 мая Васко да Гама пригласил на корабль Вали и приказчика Заморина. К вечеру на «Сао Габриэль» прибыли оба мавра. Васко да Гама принял их на корме. Перед прибывшими разложили подарки: двенадцать кусков полосатой ткани, четыре красных капюшона, шесть шляп, четыре нитки кораллов, ящичек с шестью чашками для омовения рук, ящик сахара, две бочки оливкового масла и два боченка меду.

Мавры с удивлением оглядели товары и, посмотрев друг на друга, громко расхохотались.

– Это все? – спросил Вали.

– Да, – отвечал Монсаид.

– Государям такое не дарят. Беднейший арабский или индийский купец подарил бы больше, – сказал с улыбкой приказчик. – Если у вас нет никаких редких и замечательных товаров, – добавил он, – дарите просто чистое золото.

– Да, именно золото, – подтвердил Вали с усмешкой, – тем более, что у вас, по словам вашего командира, золота столько, что его некуда девать.

Васко да Гама еле сдерживался. До сих пор португальцы имели дело с нетребовательными негритянскими вождями африканского побережья. Негритянские вожди с готовностью отдавали горсть золота или пять молодых рабынь за маленькое зеркальце, а получив старую рубашку, чувствовали себя безгранично счастливыми. За эти подарки, которые португальцы приготовили для Заморина, на африканском берегу можно было купить несколько деревень со всеми их жителями, утварью и домашним скотом. А эти мавры позволяют себе скалить зубы и осмеивать португальские подарки.

– Скажи мавританским псам, – промолвил, наконец, Васко да Гама, – что я не привез золота, что я не

торгаш, а посол, что я дал то, что у меня есть. Это не королевские подарки, а мои собственные подношения. Если король Португалии прикажет еще раз приехать в Индию, он доверит мне гораздо более роскошные подарки, а если Заморин подарки не примет, я прикажу их убрать и не пошлю ему ничего.

Взглянув на потемневшее лицо португальского командира, мавры сразу стали серьезными. Приказчик холодно промолвил:

– Я не посмею передать государю подобные подарки, да и вам не советую этого делать.

Представители Заморина покинули корабль. Позднее приезжали другие арабские купцы. Всем им Васко да Гама показывал подарки и спрашивал их мнения, думая, что Вали и приказчик из корыстных соображений забраковали подарки. Но купцы в один голос заявляли, что подарки никчемные и что их даже стыдно предлагать повелителю Каликута.

И в самом деле, в глазах Заморина и его мавританских советников португальцы с их жалкими подарками должны были казаться нищими бродягами.

Васко да Гама все еще думал, что дело не в жалких подарках, а в желании мавров очернить его перед Заморином, и стал настойчиво и нетерпеливо добиваться нового свидания с Заморином. Мавры – советники государя Каликута – обещали устроить свидание, а сами тянули, откладывая его со дня на день. Тем временем они настраивали Заморина против пришельцев.

В ПЛЕНУ

В конце XV века, когда португальцы появились в Каликуте, Индостан был раздроблен на несколько враждовавших между собой государств. Это очень облегчило португальцам укрепление на индийском побережье. На севере властвовали султаны Лоди. В Декане шла борьба между воинственной мусульманской династией Бахманиев и индуистскими царствами.

Во времена Васко да Гамы происходило постепенное завоевание южной языческой Индии мусульманскими племенами севера.

Маркс пишет: «Страна, где обособлены друг от друга не только магометане и индусы, но и племя от племени и каста от касты, общество, имеющее своей основой нечто вроде равновесия, проистекающего из всеобщего взаимного отталкивания и веками установившейся обособленности друг от друга всех его членов, разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя?

(...)Индия, таким образом, не могла избежать участи быть завоеванной, и вся ее прошлая история, если у нее вообще была какая-либо завоеваний, которым она подвергалась. Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере никакой известной истории. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших друг друга завоевателей, основывавших свои империи на базисе этого покорного и неподвижного общества». ^[13]

Особенно энергичную завоевательную политику вели Бахмании; под предлогом борьбы с язычеством они захватывали новые и новые территории, разоряли и грабили индийские государства, убивая или насильно обращая в мусульманство неверных «кафиров»,

уничтожая их храмы, выжигая, вытапывая поля и уводя скот.

Один из бахманийских государей Фероз-Шах-Бахмани (1397-1422) за свое двадцатипятилетнее царствование провел двадцать четыре войны против индуистов.

Великий русский путешественник Афанасий Никитин, посетивший Индию на двадцать пять лет раньше португальцев, пишет, что султан Бахманиев «бьется с Кафары 20 лет есть, то его побьют, то он побивает их многожды».

Когда Афанасий Никитин находился в столице Бахманиев Биддаре, туда вернулись из походов мусульманские полководцы. Афанасий Никитин пишет: «Меликтучар два города взял Индейския, что разбивали по морю Индейскому, а князей поймал семь, да казну их взял», и далее: «Мызамылк, да Мекхан, да Маратхана те взяли три города великыи, а с ними рати своей сто тысяч, да пятьдесят слонов, да камни всякого дорогого много множество», и наконец: «Град же взял индейскы Меликчан ходя, а взял его силою, день и ночь бился с городом, 20 дни рать не пила, ни яла, под городом стояла с пушками; а рати изгыбло 5 тысяч люду доброго, и город взяли, ины высекли 20 тысяч поголовия мужского и женьского, а 20 тысяч полону взяли и великого и малого, а продавали полону голову по 10 тенек, а иную по 5 тенек, а робята по 2 тенькы, а казны же не было ничего и большого града не взяли».

Но сколь ни были разрушительными и кровопролитными эти войны, они не влекли за собой глубоких социальных сдвигов, ибо они не затрагивали основы социальной системы Индии – индийской общины:

«Гражданские войны, вторжения, завоевания, голод, – все эти сменяющие друг друга бедствия, какими бы сложными, бурными и разрушительными ни

казались они для Индостана, затрагивали только его поверхность». [\[14\]](#)

Все эти войны, национальные и религиозные распри, разорявшие индийскую землю, проходили мимо Каликута.

Каликут, расположенный на морском побережье Индии, был крупным торговым портом международного значения. В Каликут приезжали купцы из Аравии, Ирана, Египта, с африканского берега, из Малакки, Суматры, Сиамы, Цейлона, восточного берега Индии. В XIV-XV веках гавань Каликута посещали китайские корабли. Даже до португальцев во время их первого посещения Индии дошли сведения о том, что 80 лет до них Каликут посетили «...белые христиане, у которых были длинные – волосы, как у немцев. Они возвращались через каждые два года, причем приходили на двадцати или двадцати пяти кораблях. Они не смогли рассказать, кто они такие и какие товары они смогут привезти с собой, кроме очень тонких льняных тканей и бронзовых изделий. Они увезли с собой пряности. На их кораблях было по четыре мачты, как на испанских судах. Если бы это были немцы, мы бы слышали об этом плавании. Быть может, это были русские, если у них есть там где-нибудь порт». [\[15\]](#) На самом деле это были китайцы.

Через Каликут проходила львиная доля пряностей, экспортировавшихся из Индии. В этом городе издавна поселились арабские и иранские торговцы. Постепенно арабы и потомки от их браков с индусскими женщинами – воинственные моплахи образовали в Каликуте значительную колонию. Они были сильны своей сплоченностью, богатствами и влиянием на задолжавшее им бедное население Каликута.

Васко да Гама. Внизу – вид Каликута.

Сам повелитель Каликута во многом зависел от мусульманских купцов. Все его могущество, все его богатство покоилось на заморской торговле с мусульманскими, аравийскими и иранскими купцами. Прекратись эта торговля, перестань аравийские корабли посещать гавань Каликут – и замрет пышный город, смолкнут шумные базары, запустеет просторная гавань, а сам он, повелитель Каликута, станет беззащитной добычей враждебных соседей. Недаром шля его Самудриа Раджа, переделанное португальцам в «король Заморин», означало «Повелитель морского берега». Недаром индуист государь Каликута всячески благоволил к мусульманским купцам.

В Каликуте высились магометанские мечети, существовал специальный суд, ведавший делами мусульман. Мы уже видели, что при дворе Заморина и в

его войсках было множество мусульман, занимавших самые важные, самые почетные должности. Мусульманским купцам в Каликуте было вольготно.

Иранский путешественник Абдур-Раззак, посетивший Каликут в 1442 году, пишет: «Безопасность и правосудие утверждены в этом городе столь прочно, что самые богатые купцы привозят туда из заморских стран много товаров. Они их разгружают и, не торопясь, посылают на рынки и базары, не думая о необходимости спешно получить за них деньги или караулить товары».

Арабы и моплахи очень быстро поняли истинные намерения португальцев, несмотря на все попытки Васко да Гамы скрыть их за пышными фразами, широковещательными обещаниями и высокопарными рассказами о могуществе и блеске португальского двора. Поняв, что появление португальцев в Индии ставит под угрозу монопольное положение мусульманских торговцев, скупавших пряности в Индии и перепродававших их в Египте венецианцам, генуэзцам и левантинцам, мусульманские торговцы решили принять все меры, чтобы воспрепятствовать португальцам укрепиться на индийском побережье и наладить торговлю с Каликутом.

Вопиющее противоречие между рассказами португальцев о богатстве и мощи их государства и жалким видом команды и нищими подарками, требование португальцев, чтобы Заморин торговал лишь с Португалией, смутные слухи о пиратских подвигах португальцев – все это только облегчало интриги мусульманских купцов.

Посетив корабль Васко да Гамы и посмотрев подарки, мавры – Вали и приказчик – поспешили представить Заморину португальцев в самом жалком и смешном виде. Поэтому вся обстановка второй аудиенции Васко да Гамы складывалась по-иному. Оркестра уже не было, а отряд, провожавший

португальцев во дворец, был вдвое меньше, чем прежде. Правда, как и в тот раз, улицы были запружены народом, но очень часто из толпы слышались враждебные возгласы. Несколько раз португальцы видели молодых моплахских всадников, с угрозой хватавшихся за мечи, когда процессия проходила мимо. Автор «Roteiro» пишет: «Дворец был окружен вооруженными людьми. Нашего капитана вместе с его провожатыми заставили ждать целых четыре часа перед дверью, которую открыли лишь тогда, когда правитель приказал впустить капитана только с двумя людьми по его выбору. Капитан сказал, что хочет взять с собой Фернао Мартинеша в качестве переводчика и своего секретаря. И капитану и нам показалось, что разлучение его с нами не сулило ничего доброго. Правитель сказал капитану, что тот говорил, будто бы он прибыл из очень богатого царства, а между тем он не привез с собой ничего. Затем, что у него есть письмо от короля португальского, но до сих пор письмо не доставлено. Капитан возразил на это, что он не привез ничего лишь потому, что целью его плавания были новые открытия, а когда придут другие суда, Заморин увидит, что они привезут с собой. Что касается письма, то он привез его с собой и может вручить немедленно».

Затем правитель спросил, что капитан собирался открывать – людей или камни. Если людей, как говорил он, то почему он не привез с собой ничего? Чувствовалось, что Заморина основательно обработали его мавританские советники. Васко да Гама предъявил правителю письмо, но потребовал, чтобы его читали вслух, ибо он боялся, что мавры-переводчики перевернут содержание письма.

В конце беседы Заморин спросил:

– Какие товары есть в твоей стране, чужеземец?

Васко да Гама решил теперь не настаивать на том, что Португалия якобы изобилует драгоценными металлами.

– В моей стране, – сказал он, – много зерна, тканей, железа, бронзы и многих других вещей.

– А привез ты с собой эти товары? – спросил Заморин; мавры, стоявшие вдоль стен, заулыбались.

– Лишь образцы, – ответил Васко да Гама. – Я надеюсь, государь позволит мне вернуться сюда с товарами, а пока оставить здесь четыре или пять человек в особом помещении. Пусть эти люди продают то, что я привез с собой, и покупают индийские товары.

– О, нет, я не хочу, чтобы твои люди оставались здесь. Пошли их на свои корабли, выгрузи свои товары и продай их с наибольшей прибылью, а потом уезжай со всеми людьми.

Свидание кончилось поздно, нечего было и помышлять о возвращении на корабль. На ночь португальцев поместили в доме богатого гуджератского купца. Утром командиру снова предложили коня без седла, и он вновь отказался, думая, что этим хотят унижить его. Тогда гуджератский купец добыл паланкин, и португальцы направились в Пандарани Коллам. По дороге часть их заблудилась и долго плутала по улочкам и переулкам, а остальные думали, что их товарищей схватили индийцы. Вали послал слуг на поиски пропавших; те нашли всех заблудившихся португальцев и привели их на побережье, где в особом приюте для странников отдыхал Васко да Гама.

Исстари индийские владыки строили на дорогах и базарах дома для путников – так называемые «дхарма сала» («дом благочестия») или «пантха сала» («дом для путников»). В мусульманских частях Индии «пантха сала» назывались караван-сараями.

Афанасий Никитин пишет: «Во Индийском земле гостяся ставят по подворьям».

В этих «подворьях» для индуистов и мусульман были отдельные помещения. В индуистской части подворья жил брахман. Он выдавал путникам воду, пищу и постели, корм для их лошадей. Он же удовлетворял религиозные нужды путников. На мусульманской половине находилась маленькая мечеть; при ней жили имам и муэдзин, исполнявшие те же обязанности, что и брахман на индуистской половине.

В такое подворье привели ночевать португальцев. Капитан потребовал, чтобы их тотчас же перебросили на корабли. Но Вали отказался, сославшись на позднее время и бурную погоду. В самом деле, солнце уже садилось в океан и свежий ветер вздымал большие волны. Но португальцам всюду мерещились коварство и козни мавров.

– Если вы не дадите мне лодок, – сказал Васко да Гама, – я вернусь к Заморину, который разрешил нам вернуться на корабли, а вы меня задерживаете и поступаете, как плохие христиане.

Но это не помогло, и португальцам пришлось заночевать в подворье. Опасаясь внезапного нападения, Васко да Гама поставил караулы у входов в маленький, окруженный галлереями дворик, где расположились португальцы, а остальным спутникам велел спать, не снимая лат. Ночь прошла беспокойно. Несколько раз за оградой слышался звон оружия, португальцы вскакивали и хватались за мечи, но тревога была ложной. За стеной фыркали и переступали с ноги на ногу лошади, где-то на лугах были шакалы. Около Васко да Гамы сидел присмиривший и позеленевший от страха Монсаид. Он вспоминал все новые и новые пытки и мучения, которые его соотечественники ему, наверное, готовят за ренегатство.

Глубокой ночью сверху раздался прерывистый крик. Кто-то жалобно причитал и отрывисто кашлял. Васко да Гама вздрогнул.

– Гу-кук, гу-кук...

– Что это?

– Это птица гукук, – залепетал окончательно перепуганный Монсаид. – Она черная, летает ночью и кричит: «гукук, гукук». А если она сядет на дом и покричит, то кто-нибудь в доме этом умрет.

– Убить ее надо, – шепнул один из португальцев, поднимая аркебуз.

– Нельзя убивать гукука, – из ее клюва пышет огонь, она может сжечь смельчака. Вся Индия верит в гукука. Надо лежать и ждать судьбы.

– Утро не принесло никаких перемен. Попрежнему в ответ на все требования португальцев переправить их на корабли начальник стражи кланялся в пояс и клялся, что сделает это при первой возможности.

– Видят боги, я давно бы дал вам лодки и гребцов, но по морю все еще гуляют волны. Если вы погибнете, государь прикажет казнить меня.

– Тогда дай нам пройти к берегу и самим вызвать с кораблей португальские лодки, – сказал Васко да Гама.

– Нет, нет, этого делать никак нельзя. Вокруг бродят отряды моплахов. Они вооружены и полны злобы. Они ищут случая начать ссору с вами, чтобы в свалке перебить всех вас.

– Зачем же ты караулишь нас, зачем превратил в пленников, хотя Заморин позволил нам вернуться на корабли? Разве так поступают христиане?

– Вы не пленники, вы не под стражей, а под охраной. Уведи я караулы – и вы не проживете сегодняшнего дня, – убеждал начальник стражи.

– Если так, то пропустите меня назад к Заморину. Я пожалею ему, и он накажет вас за ослушание, – гневно сказал Васко да Гама.

– Нельзя! Сейчас государь отдыхает, и еще два дня его нельзя будет тревожить заботами и делами.

Васко да Гама начал горячиться. Индусы пошептались между собой, и начальник стражи вновь согнулся перед командиром португальцев в почтительном поклоне.

– Прикажи кораблям подойти ближе к берегу, и мы дадим тебе лодок.

– Этого не будет, – вспылил Васко да Гама. – Вы замышляете измену, вы хотите заманить корабли в ловушку и захватить их. Знайте, что я приказал своему брату: если он заподозрит, что я попал в плен, не слушаться никаких моих приказов, ибо они могут быть вырваны у меня силой. Он должен тогда поднять паруса и плыть в Португалию.

Индус еще раз поклонился и ушел. Послышался стук засова и звон замков. Португальцев заперли. Подворье превратилось в тюрьму.

Припасы, купленные по дороге, кончились, и португальцы начали голодать. Они ждали худшего. Почта все были уверены, что вечером или ночью стража нападет на них.

Настала вторая ночь. Снова расставили караулы. Снаружи двери были заперты. Слышалось позвякивание оружия. И снова кричала птица гукук... Португальцы лежали тихо, никто не спал. Васко да Гама ходил по дворику из угла в угол. Луна освещала белую стену дома. Тень большого дерева, росшего в середине двора, четким силуэтом пересекала освещенное луной белое пятно. Все молчали. Вдруг очертания тени изменились. Одна из ветвей дерева закачалась, согнулась и, мягко шелестя по листьям, переметнулась на кровлю дома. Зашуршала солома на крыше. Васко да Гама схватился за кинжал, но Монсаид спокойно коснулся его плеча.

– Успокойся, – сказал он, – это удав, он живет на деревьях и под домами ворует кур, маленьких обезьян и крыс. Он пополз в чей-нибудь курятник. Людям он не опасен, и люди его не трогают. Остерегайся маленьких пестрых змеек величиной не больше твоего кинжала. Их укус – смерть.

Утром португальцам принесли воды. В приоткрытую дверь моряки увидели большой двор, полный воинов. Они сидели кругом, спали по углам, чинили упряжь, играли в кости, бродили из угла в угол, вооруженные мечами, боевыми секирами, луками и стрелами. У коновязей стояли лошади.

Ясно было, что к кораблям пробиться невозможно. Стража пропустила Монсаида в большой двор, и тот, пробыв там часа два, вернулся еще более встревоженным. Он нашел среди воинов старых знакомых и от них узнал печальные вести.

С африканского берега прибыл корабль, и приехавшие оттуда купцы рассказали Заморину о грабежах португальцев в Момбасе и Мозамбике. Воспользовавшись этим, мавры распустили слух, будто бы мореплаватели, изгнанные из Португалии за тяжкие преступления, занимались шпионажем, грабежами на африканском берегу, что письмо от короля Португалии подделано ими. Они советовали Заморину напасть врасплох на португальцев и перебить их. Более того, мавры угрожали, что если Заморин не уничтожит португальцев, все мусульманские купцы покинут Каликут и станут торговать со старинными соперниками Каликута – Кананором и Коилуном. Наконец, по словам Монсаида, мавры дали Вали крупную взятку, чтобы он уничтожил Васко да Гаму и других пленных португальцев. Боясь гнева Заморина, Вали не решается напасть на португальцев сам, но обещал, что если они сами затеют ссору со стражей, не останавливать своих воинов и даже впустить в

подворье для расправы с португальцами спрятанный неподалеку отряд моплахов.

Но среди советников Заморина были индусские купцы. Они надеялись найти в португальцах союзников против захвативших всю торговлю моплахов. Индусы доказывали Заморину, что в Каликуте португальцы не позволяли себе никаких преступлений, что, быть может, слухи о грабежах на африканском берегу – клевета мавров, что, наконец, если Заморин прикажет умертвить португальцев, повсюду про Каликут разнесется плохая слава, послы и торговцы из дальних стран будут избегать Каликутскую гавань и сам он, Заморин, будет и впредь целиком зависеть от милости мусульманских купцов – монопольных хозяев торговли Каликута.

Их доводы оказали свое действие. Днем во двор, где помещались португальцы, пришли Вали и начальник стражи. Они передали приказ Заморина. «Чужеземцы просили разрешения торговать в Каликуте. Пусть они выгрузят свои товары и тогда можно будет отпустить задержанных на берегу людей. Пусть Васко напишет об этом своему брату на корабль».

Но Васко да Гама все еще опасался коварства. Он написал брату: «Мне кажется, что если даже ты пошлешь лодки, переполненные товарами, эти собаки не отпустят меня. Поэтому я умоляю тебя как брат и приказываю как командир, как только ты убедишься, что меня не хотят отпускать, – поднимай паруса и плыви в Португалию сообщить королю о нашем великом открытии. Если я останусь здесь и меня убьют, – ничего не будет потеряно. Если же ты промедлишь, они соберут корабли со всего побережья, нападут на вас и уничтожат, и известие о славном нашем открытии не дойдет до Португалии».

Пауло да Гама прислал на берег товары, и 2 июля Вали снова появился в дверях так надоевшего

португальцам дворика, заявив, что пленники свободны. В тот же день Васко да Гама и его спутники были переправлены на корабли.

ТОРГОВЛЯ

Как только Васко да Гама очутился на флагманском корабле, он немедленно приказал прекратить отправку товаров на берег, заперся с Монсаидом и принялся составлять письмо Заморину.

На другой день Монсаид повез письмо, написанное бисерной арабской вязью. Васко да Гама снова жаловался на мавров, упрекал Заморина, напоминал ему, что «так добрые христиане не поступают», и заканчивал письмо просьбой, чтобы Заморин помог португальцам продать привезенные ими товары.

Через день в гавань прибыл казначей Заморина. Он приказал своим слугам – дюжим молодцам, вооруженным дубинками, – приготовить для португальцев помещение в Пандарани Коллам. Слуги вошли в один из домов. Оттуда слышались плач и причитания. Через час из ворот вышел маленький серый ослик, нагруженный огромными пестрыми вьюками с домашним скарбом, старуха с двумя белыми курами в руках и хромым старик в грязной чалме, тащивший на длинной веревке упиравшегося белого козленка. Вдогонку полетела, видимо, забытая ими цыновка, и на пороге показался смеющийся слуга казначея с метлой в руках.

– Дом для вашей лавки очищен, – сказал казначей португальцам.

Главный приказчик Васко да Гамы, брат Бартоломеу Диаша – Диого Диаш, вместе с писцом Альваро де Брага, Монсаидом, Жоао Нуньешем и несколькими солдатами расположились в завоеванном доме и стали ждать покупателей. В тенистом внутреннем дворе они разложили на цыновках полосатые шерстяные и льняные ткани, красные шапки, желтые куртки,

зеркала, расставили ящики с кораллами, янтарем, стеклярусом, Екатили бочку с ртутью, сложили горкой слитки меди. В углу поставили для продажи столик, покрытый зеленой скатертью. Все это писец Альваро де Брага переписал в специальную книгу.

К вечеру к новой лавке подошли семь мавританских купцов.

– Мы пришли по поручению государя оценить и купить ваши товары, – сказал старший купец.

Португальцы провели мавров во внутренний дворик. Те начали осматривать товары, небрежно пересыпая с руки на руку кораллы, янтарь и бусы, презрительно отвернулись от тканей и даже не взглянули на гордость португальцев – столик под зеленой скатертью. Мавры ничего не сказали и ушли. Португальцы остались в недоумении. На другой день купцы приходили то поодиночке, то по-двое. Они пробовали кораллы на-зуб, щупали красные шапки, спрашивали цену и в ответ только смеялись. Так продолжалось восемь дней. Португальцы поняли, что над ними издеваются. Диого Диаш и Монсаид поспешили к Васко да Гаме.

Было ясно, что мавры организовали бойкот португальских товаров. Монсаид сказал: «Кто же продает здесь, в Пандараяи Коллам? Все торгуют на главном базаре в Каликуте. Сюда никто не придет. Мавры запугали всех, а там все торговцы ходят мимо. Надо просить Заморина, чтобы он позволил перенести товары в Каликут».

Так и сделали. Васко да Гама велел Монсаиду написать новое послание Заморину, и 24 июня Вали пригнал толпу носильщиков. Они взвалили на плечи тюки и ящики с португальскими товарами и под охраной отряда наиров двинулись в Каликут. Когда последний португалец покинул дом в гавани Пандарани Коллам, из-за угла показалась старуха с курицей подмышкой. Она осмотрелась, подождала, пока

португалец завернул за угол, и юркнула в полуотворенные ворота дома. Вскоре из-за угла вышел хромой старик с козленком и осликом, прошел в дом, и слышался шум засова.

В Каликуте португальцам отвели лавку на краю главного базара, против водоема. В середине комнаты Диаш повесил на крюк массивные весы, привезенные из Португалии. В одной комнате разложили товары, а в дальней, полутемной, весь день строгают и пилили. По совету Монсаида для каждого сорта пряностей сооружали отдельные закрома. Потом пригласили индуса-кузнеца, он оковал закрома железными полосами, приделал петли и повесил большие узорчатые замки.

На другой день португальцы снова приготовились к встрече покупателей. У входа в лавку стали солдаты в полном вооружении. Они охраняли лавку от мавров, но им было тайно предписано до последней возможности избегать столкновений. Диого Диаш еще раз осмотрел, все ли в порядке, и стал вместе с Монсаидом у входа, чтобы посмотреть чужую жизнь.

Против лавки португальцев темнел окруженный деревьями водоем. В середине его высилась серая плита. Из нее по медному желобку лилась струя холодной воды. Плита была украшена резьбой. Сверху переплелись две каменные розы, по краям спускался затейливый орнамент, а в центре была арабская надпись.

– Что там написано? – спросил Диаш Монсаида.

– «Водоем соорудил Омар Ибн Ахмад из Джедды. Прохожий, утоляя жажду, помяни его имя», – медленно перевел Монсаид.

Весь день у водоема стояла толчея. Мусульманки, закутанные с ног до головы в белые и синие одежды, стройные индуски с медными кольцами на щиколотках и запястьях, с подсурмленными большими глазами,

приходили за водой, ведя за руку бронзовых голых ребятишек. Их сплетни, шутки и перебранка не прекращались весь день. Под тенью деревьев, пользуясь прохладой, отдыхали и ели путники. С одной стороны вода переливалась через край в большую колоду. Сюда пригородные крестьяне приводили на водопой осликов и упряжных буйволов. Мрачные караванщики с севера пригоняли худых верблюдов, молодые щеголи в пестрых одеждах поили своих арабских жеребцов. Дважды приходили на водопой рабочие слоны с окованными медью клыками, а раз соизволил напиться сам священный бык Шивы – великолепное холеное животное с огромными рогами. Напротив стояли лавки мясников. Тучи черных и зеленых мух кружились над освежеванными бараньими тушами, хотя мясники, рослые веселые бородачи, все время помахивали над мясом волосяными метелками. Поодаль в пыли лежали облезлые желтые собаки с высунутыми от жары языками.

Дальше тянулись лавки торговцев материями. Пестрые вышитые шали, тончайшие муслины, тяжелые парчевые покрывала, полотна самых ярких расцветок были вывешены напоказ и играли на солнце всеми цветами.

Португальцы сразу поняли, что их ткани не могут конкурировать с изумительными изделиями индусских ткачей.

Базар жил своей шумной и пестрой жизнью, не обращая, казалось, никакого внимания на португальцев. Продавцы сладостей пронзительными, истошными криками зазывали покупателей под свои жалкие навесы. Пригородные садоводы разложили прямо на пыльной земле неведомые португальцам плоды: золотистые, нежно-розовые, как будто покрытые пушком, синеватые, черные, – они пахли на солнце сильными чужими запахами.

В толпе шныряли голые мальчишки с кувшинами прохладительных напитков. Маленькая уличная танцовщица плясала на коврике под аккомпанемент бубна. Неторопливо проходили мавританские купцы, степенно разговаривая о ценах и видах на урожай пряностей. Кузнец грохотал молотом, починяя крестьянские мотыги; бродячий жрец с посохом, колокольчиком и нищенской чашей просил подаяния. Стражники Вали волочили в тюрьму упиравшегося воришку. Смуглые горцы торговали друг у друга лошадей.

Время шло. Никто не обращал внимания на португальцев. Казалось, никому не было дела ни до новой лавки, ни до португальских воинов, изнывавших в кожаных кирасах и стеганых кафтанах под отвесными лучами тропического солнца. Но за этим кажущимся безразличием базара скрывалось нечто иное. Всесильные мавританские купцы организовали вокруг португальских товаров заговор молчания. По базару гулял слух, что португальцы – соглядатаи пиратов и работоторговцев, и когда они уедут, над теми, кто с ними торговал, будет учинена жестокая расправа.

Изредка из толпы появлялся какой-нибудь мусульманский воин и что-то вызывающе кричал, показывая на меч. Моряки различали часто повторяемое слово «Португаль, Португаль». Каждый раз, когда около лавки останавливался мусульманский воин, Монсаид нырял в лавку.

– Что говорит этот безбожник? – спрашивали португальцы Монсаида.

– Не стоит переводить, – шептал отсиживавшийся в лавке мавр.

– А все-таки? – настойчиво спрашивал Диаш.

– Нехороший человек, ругается и угрожает всячески, – неохотно отвечал Монсаид, стараясь замять неприятный разговор.

В своих неприспособленных к тропическому климату одеждах португальцы с трудом переносили зной. Воды у них не было. Правда, часто пробегали с кувшинами мальчишки, и моряки не раз с завистью видели, как довольно крикали прохожие, получив за мелкую монетку чашку холодной влаги. Но Диаш боялся, что мавры подсыпят отравы, и не разрешал покупать напитки. Итти через площадь к водоему они не решались, – вооруженные мусульмане все чаще и чаще останавливались перед лавкой. Они появлялись теперь группами и, показывая на лавку и на португальских солдат, неподвижно стоявших на самом солнцепеке, говорили что-то, должно быть, оскорбительное и смешное, потому что окружающие хохотали.

В южной части Португалии, сравнительно недавно отнятой у мавров, еще существовало значительное мавританское население, и португальцы привыкли видеть в маврах сломленных побежденных. А здесь мавры – хозяева положения, они ходят в богатых, но легких, не стесняющих движений одеждах, они глумятся над португальцами...

В португальцах закипала злоба, и они, подобно своему командиру Васко да Гаме, клялись отомстить насмешникам.

Так прошел день. Спустился вечер. Базар затих, хотя на площади виднелись запоздалые торговцы, тянулись крестьянские арбы, запряженные буйволами, да мальчишки с корзинами ловко подбирали в пыли солому и помет.

Диаш решил ночью пробраться к командиру и сообщить ему, как обстоит деда на базаре в Каликуте. Он взял с собой двух солдат и Монсаида, хотя вначале мавр пытался уклониться от опасной прогулки.

...Стемнело. Сразу без сумерек спустилась тропическая ночь. Диого Диаш с товарищами, чтобы не пересекать залитую луной базарную площадь,

выскользнули через маленькую дверцу в заросший травой переулочек и зашагали по улочкам тихого города, стараясь реже попадать на освещенные луной места.

– Большие ворота закрыты, – прошептал Монсаид, – но я знаю проход у реки.

Скоро луна скрылась. Прошел недолгий теплый дождь.

Ночью жизнь восточного города не замирала. Иногда, проходя переулками, португальцы слышали звяканье цимбал, нежную жалобу лютни, голос певицы.

– Молодые люди гуляют, – говорил Монсаид. Из-за высоких оград раздавалось фыркание и сопение буйволов; где-то скрипело колесо, стучал станок ткача, позвякивали молоточки ювелиров. С плоских крыш доносился чей-то приглушенный спор и тонкий писк ребенка. Издали долетало цоканье копыт. За рекой были шакалы. Вдруг крик потряс воздух, на другом конце города ему ответил такой же крик.

– Что это? – с тревогой воскликнули португальцы, хватаясь за мечи.

– Это муэдзин. Он славит Аллаха. Не тревожьтесь, – успокоил Монсаид.

Португальцы подошли к темным стенам и, следуя за Монсаидом, свернули в сторону и начали пробираться между заросшими колючками развалинами. Дождь перестал лить, и снова светила луна.

Монсаид остановился, точно вспомнил что-то, потом быстро пошел вперед и исчез в тени кустов. Португальцы поспешили за ним, задевая головами за ветки и листья.

– Вот и вышли из города, – раздался голос Монсаида. Мавр стоял на ярко освещенной луной площадке. Сзади висели стены. Впереди шумела, впадая в море, река. В рыбацкой слободке на берегу реки у Монсаида были знакомые. Он рассчитывал раздобыть там лодку. Но мавр плохо знал дорогу, а

спрашивать боялся. Два часа блуждали они по извилистым, покрытым рыбьими головами и чешуей улочкам слободки, спотыкаясь о поплавки, перешагивая через старые лодки, пока, наконец, Монсаид не добрался до нужного ему дома. Он осторожно постучал и приглушенным голосом начал торговаться с рыбаком.

Через полчаса узкая парусная лодка выскользнула в море и поспешила к кораблям.

Несмотря на поздний час, Васко да Гама тотчас же принял прибывших. Он выслушал обстоятельный доклад Диаша о неудачной торговле, об интригах и издевательствах моплахов.

– Ничего, друзья мои, – сказал по-португальски командир, чтобы Монсаид, говоривший по-кастильски, не понял его. – Пока мы слабы, мы должны все это терпеть и запоминать. Но будет день, мы вернемся сюда с могучим флотом, и тогда – горе мусульманам. За все обиды мы заплатим им сторицей. А теперь надо просить у Заморина защиты от моплахов.

ССОРА

Утром сочинили новое письмо, и Монсаид опять повез его в город. К вечеру пришел ответ. Повелитель Каликута сообщил, что он приказал поставить у лавки стражу и велел ей, чтобы она держала моплахов на почтительном расстоянии. Далее он писал, что продаст португальцам пряности с собственных складов и примет в обмен португальские товары. Несомненно, на это решение Заморина повлияли уговоры индусских купцов, всеми силами стремившихся причинить ущерб своим соперникам-моплахам.

– Не будьте слишком придирчивы, – наставлял Васко да Гама Диаша и его товарищей. – Помните, выгода от этой торговли будет и так большая, не гонитесь за мелкой прибылью. Уступайте, делайте индусам – чиновникам Заморина – подарки, не придирайтесь, если вам будут приносить непервосортный товар, и не торгуйтесь слишком.

Васко да Гама позволил своей команде посещать берег. Капитаны кораблей отпускали матросов посменно, причем Васко да Гама строжайше запретил морякам разлучаться. Он опасался, что моплахи будут выслеживать и убивать одиноких португальцев.

У берега дежурили стоявшие на якорях португальские шлюпки. Под камзолами у моряков были одеты кольчуги, вдоль бортов лежали пики, а под скамьями мечи. Васко да Гама приказал, чтобы дежурившие в лодках солдаты каждую минуту были готовы притти на помощь своим товарищам на берегу.

Моряки выносили на продажу одежду и безделушки, чтобы на эти деньги купить хотя бы горсть пряностей. Немногие из них знали, почему продаются пряности в Европе, скупали их больше для того, чтобы было чем

подкрепить по возвращении в Португалию рассказы о славном плавании в Индию.

Но Индия разочаровала матросов. На родине они слышали рассказы об Индии – стране, где золото можно собирать лопатами, а пряности растут в таком же изобилии, как жолуди в португальских лесах.

На деле же оказалось не так. Пряности в Каликуте находились в руках крупных торговцев. У мелких купцов покупать перец, имбирь и гвоздику можно было только горстями. Более того, португальцам приходилось продавать свою одежду за бесценок – за рубашку, стоившую в Португалии триста реис, в Каликуте давали лишь тридцать реис. Матросы проклинали «жадных индусов», но приходилось соглашаться. Ни у кого не было с собой золота и серебра. Полученное вперед жалованье они прокутили еще до отплытия или оставили семьям в Португалии.

Бродя по городу, матросы видели настоящую Индию – Индию жалких хибарок и шалашей, Индию измученных крестьян, Индию голода и нужды. За морями толпами ходили нищие. Дети бежали вокруг и просили еды.

На корабли каждый день приезжали с берега гости и торговцы. Васко да Гама, чтобы расположить к себе население, приказал кормить всех, прибывавших на корабли.

Когда весть о том, что чужестранцы кормят бесплатно, разнеслась среди бедного населения, на кораблях нельзя было отбиться от голодных посетителей. Гостеприимство было слишком разорительным, но Васко да Гама считал, что необходимо добиться дружественных отношений с туземцами, а для этого следует поступиться всеми другими соображениями.

Теперь торговля в лавке пошла по-другому. У дверей вместо португальских часовых встали наиры.

Был издан приказ, запрещающий моплахам подходить к лавке.

В лавку пришел главный казначей Заморина, проверил португальские весы и приказал нести пряности. Целый день носильщики тащили мешки перца. Два дня вешали перец, причем писец Альваро да Брага и казначей Заморина вели отдельный счет. После этого перец ссыпали в закрома.

Каждый вечер скупленные за день пряности переносили к берегу и оттуда на лодках доставляли на корабли. В корабельных трюмах плотники под руководством лоцманов из Мелинди сооружали для каждого сорта пряностей непроницаемые перегородки, чтобы пряности не напитались чужими запахами и не понизились в цене. Потом перец исчез. Острый перечный запах сменился пряным запахом имбиря. Три дня грузили имбирь.

Монсаид и Диого Диаш нервничали. С имбирем Заморин и его чиновники явно жульничали. К имбирю была примешана красная глина, якобы «для крепости». Диаш считал, что «это подлинное ограбление португальцев». Но Васко да Гама велел не поднимать шума: «Мы и так получаем пряности по дешевке, а поссориться с ними всегда успеем».

Через три дня имбирь кончился. Его сменила корица. Тут Монсаид возмутился. Предстояло еще брать гвоздику и шафран. Корицу, как легкий товар, по всем правилам, следовало бы грузить последней, но казначей, чувствуя, что португальцы склонны уступать, настоял на своем; пришлось принять корицу раньше времени.

В обмен на пряности индусы получили медь, ртуть, кораллы, янтарь и бусы. Плохо шли ткани, потому что вплоть до того, как англичане уничтожили кустарное ткачество в Индии, индийские ткани ни по качеству, ни по дешевизне не имели себе равных.

Итак, торговля пошла хорошо. Хотя португальцы понимали, что они переплачивают против цен каликутского рынка, и видели, что им подчас дают непервосортный товар, – они были довольны торговлей. Если им удастся привезти товар в Португалию, они все равно получают огромные барыши – так сильно разнились европейские и индусские цены на пряности.

Один Монсаид снова стал нервничать. Через своих друзей оц узнал, что моплахи затеяли новую интригу. На этот раз моплахи использовали уступчивость португальцев при закупке товаров.

– Где это видано, – твердили они, – чтобы купцы платили за пряности такие бешеные деньги, принимали безропотно плохой товар, да еще платили за него, как за хороший? Почему среди португальцев так мало торговцев и так много солдат? И где та «Армада», о которой столько трубили португальцы, когда приехали? Нет, это не мирные торговцы! Это шпионы пиратов, и они, выведав, что нужно, вернутся, чтобы разграбить Каликут.

Наконец просочилось известие о том, что моплахи тайком послали в Красное море быстроходный корабль к египтянам и что мощный египетский флот уже идет в Каликут, чтобы раздавить португальцев.

Это известие встревожило Васко да Гаму. Пора было уходить из Индии. Но командир не хотел показать своего испуга и послал Диаша к Заморину с прощальным письмом и подарками. Но интриги моплахов сделали свое дело. Четыре дня добивался Диаш приема у Заморина. Наконец, его допустили во дворец. Заморин принял Диаша очень холодно, недослушал вступительной речи и сказал, что сам он не хочет смотреть на подарки Васко да Гамы, пусть их передадут приказчику. Приказчик добавил от себя, что перед отъездом Васко да Гама обязан уплатить

шестьсот ксерафинов^[16] пошлины. Диаш, несколько растерянный приемом, обещал передать все это своему командиру.

Диаш покинул дворец очень поздно, провожатых ему не дали, и он пошел к главному базару, рассчитывая заночевать в португальской лавке. Скоро он понял, что его преследуют. Правда, сзади никого не было видно. Преследователи не хотели попадаться португальцу на глаза, но он слышал их шаги в извилистых переулках. Диаш пошел быстрее и вынул кинжал.

Вот и базарная площадь. Он пересек залигую лунным светом площадь и постучал рукояткой кинжала в дверь. Сонный наир впустил португальца, а сам вышел наружу.

Скоро послышался шум шагов преследователей. Они вступили в переговоры с наиром; тот крикнул из лавки своих товарищей. Потом послышался лязг засова. Лавку заперли снаружи, и португальцы поняли, что они в ловушке.

На следующее утро, 14 сентября, по всем базарам и площадям Каликута и Пандарани Коллам ходили одетые в красное глашатаи; они били в барабаны и оповещали население, что Заморин уличил португальцев в шпионаже и запрещает иметь с ними дело. Это слышали лоцманы из Мелинди и сообщили командиру.

Дело было плохо. Худой мир с Заморином окончился, и началась добрая ссора. Васко да Гама не знал, убиты ли Диаш и его товарищи, или попали в плен, а со дня на день в гавани могла появиться египетская эскадра.

14 и 15 сентября на корабли никто не приехал. Сваренная для гостей пища прокисла. Лишь 16-го приплыла барка. В ней сидело пять молодых людей.

Они заявили, что хотят продать драгоценные камни, но по всему было ясно, что это шпионы моплахов.

Тем не менее Васко да Гама приказал обращаться с ними вежливо. На другой день стало ясно, что бойкот португальцев, который пытался организовать Заморин, не удался. К португальцам снова зачастили посетители. На этот раз Васко да Гама присматривался к ним особенно внимательно, и 19 сентября, увидев среди гостей двенадцать человек, богато одетых и, видимо, принадлежавших к знатным семьям, приказал задержать их. С одним из задержанных он отправил письмо Заморину, предлагая обменять захваченных индусов на Диаша и его товарищей, а сам покинул Пандарани Коллам и поплыл к Каликуту. Васко да Гама случайно угадал. Оказалось, что он арестовал очень влиятельных лиц. Их родственники стали упрашивать Заморина согласиться на предложение португальцев. Родственников арестованных поддержали индусские купцы. Нажим оказал нужное действие, и Заморин вызвал к себе Диаша. На этот раз он был приветлив и весел.

– Почему ваш начальник задержал моих подданных? – спросил он.

Диаш, поняв, что Васко да Гама добыл заложников, осмелел.

– Ты сделал нас пленниками, – сказал он. – В ответ наш командир задержал твоих людей.

– Хорошо, – ответил Заморин, – я отпущу вас.

– Требовал ли с вас что-либо мой приказчик? – спросил он, делая вид, что с португальцев требовали уплаты 600 ксерафинов без его ведома. Диаш кивнул головой.

– Неужели ты забыл, – с притворным гневом обратился Заморин к приказчику, – что еще недавно твой предшественник поплатился головой за попытку

вымогательства у купца? А вы идите к себе на корабли и отнесите мое письмо к вашему королю.

Писец вручил Диого Диашу обернутый белой тканью лист какого-то дерева. На нем было написано по-арабски: «Васко да Гама, твой придворный, прибыл в мою страну, чему я очень рад. Земля моя богата гвоздикой, имбирем, корицей, перцем и драгоценными камнями. В обмен я хочу получить от тебя золото, серебро, кораллы и красную ткань».

Португалец поклонился Заморину и покинул дворец.

Диаша и его товарищей повезли к берегу, и 27 сентября к кораблям подошли лодки. На них привезли португальцев. Но Васко да Гама отпустил лишь половину пленных. Шесть человек он решил задержать до тех пор, пока со склада не привезут португальские товары.

На рассвете в маленькой лодочке приплыл Монсаид. Он был весь в грязи, чалма его была завязана небрежно, один конец ее болтался. Обычно холеная и причесанная борода была растрепана, в ней виднелись солома и соринки. В руках он держал небольшой мешок из тисненой кожи. Монсаид попросил провести его к командиру. Когда они остались одни, мавр начал говорить, заикаясь и перебивая самого себя:

– Дом мой разграбили и все расхитили. Вот этот мешок с ценными камнями – все, что я мог унести с собой. Я всю ночь пролежал в сарае соседа, в куче соломы, и слышал, как делили мои вещи, как спорили из-за моего платья, как взламывали мои сундуки, как проклинали мое имя. Они говорят, что я продан христианам, что я переодетый христианин, посланный в Каликут португальским королем, что я ренегат, что меня надо убить. Они убили бы меня, если бы нашли. О, злосчастная судьба моя! Все потеряно, все потеряно! Если ты прогонишь меня – я погиб! – стонал он.

Васко да Гама разрешил Монсаиду остаться на корабле.

К вечеру к кораблям подъехало десять лодок. Прибывшие показывали куски полосатой ткани, взятые с португальского склада в Каликуте, и знаками предлагали обменять их на задержанных португальцами индусов. Но Васко да Гама решил иначе.

– Передай им, – сказал он Монсаиду, который успел почиститься, приодеться и теперь как ни в чем не бывало стоял рядом с Васко да Гамой на корме, – передай им, что это – жалкие остатки товаров, хранившихся в нашем складе. Мне их не надо. Индусов я повезу в Португалию. Пусть они своими глазами увидят, что мавры налгали и что португальцы – не воры и не проходимцы. А мы еще вернемся и отомстим всем злоумышлявшим против нас. Мы покажем, – как отвечают португальцы на оскорбления!

30 сентября корабли тронулись в путь. Два десятка лодок, наполненных вооруженными людьми, пытались преследовать португальцев, но Васко да Гама приказал дать залп из бомбард. Но и это не остановило преследователей. Они охотились за маленьким «Беррио», пытались окружить его и отрезать от остальных кораблей.

Началась гроза. Индийский берег заволокла пелена дождя. Сильный ветер погнал корабли о открытое море. Через несколько часов гроза прошла, и опять заиграло солнце. Но уже не было видно ни лодок преследователей, ни индийской земли.

НА ОСТРОВАХ АНЖЕДИВА

Васко да Гама повел корабли на север, держась на значительном расстоянии от берега. Лишь с верхушки мачты виднелась на востоке темная полоска Индии. Так плыли десять дней. Прибирали трюмы, еще раз проверяли перегородки, отделяющие одни пряности от других. Васко да Гама допрашивал пленников об Индии. По его поручению, писец составлял с помощью мавра-переводчика, со слов пленных, список наиболее ходовых индусских слов. Сюда вошли наименования снастей корабля, напитков, кушаний, оружия, названия животных, частей тела и наиболее употребительные глаголы. Список составляли тщательно. Записав дюжину слов у одного пленного, писец с мавром шли к другому, читали ему записанные слова и проверяли правильность записи.

9 октября Васко да Гама весь день просидел с Монсаидом, составляя письмо Заморину. Утром следующего дня корабли круто повернули к берегу; когда стали ясно видны зеленые поля, желтые обрывы и темные рощицы, с «Сао Габриэля» спустили лодку и высадили на берег одного из пленных индусов. Васко да Гама писал Заморину, что он надеется впредь наладить дружбу и торговлю с Каликутом, просил простить его за захват индусов и обещал привезти их обратно. По словам Васко да Гамы, индусы должны были подтвердить в Португалии его рассказ об открытии Индии.

Когда лодка, отвозившая индуса, возвратилась, корабли снова повернули в море и пошли на северо-запад. 20 октября вдали показались острова Анжедива. Корабли подплыли к самому большому острову и вошли в залив, окруженный высокими лесистыми холмами. В

залив впадал большой ручей. Командир был очень доволен. О такой прекрасной стоянке можно было только мечтать. Спрятанные в укромном заливе, корабли не были видны. Под рукой дрова и вода. Васко да Гама тотчас же послал трех моряков на вершину холма осмотреть окрестности и морскую даль. В глубь острова отправился отряд на рубку леса. На кораблях скребли и мыли бочки для воды.

Остров казался необитаемым. Только через три дня Николау Коэльо, бродивший с отрядом по лесу, наткнулся на развалины какого-то храма. В лесной чаще темнели каменные стены, крыша давно исчезла. Весь храм заплели ползучие растения с мелкими красными цветами, лишь середина храма была очищена от трав и тщательно выметена. Там стояли три полированных камня. Справа, на лесной опушке, Коэльо нашел большой каменный бассейн. Корни лиан и маленьких деревьев расшатывали его стены, некоторые плиты валялись на покрытом хворостом сухом дне. При появлении португальцев на дно скользнула большая зеленая змея, гревшаяся на ограде бассейна.

В лесу было тихо. Наступал вечер. Португальцы расположились на отдых, зажгли костер. Из леса показался грязный, оборванный старик. Увидев, что португальцы, опять принявшие индусский храм за церковь, не разрушили храма, он подошел ближе и начал быстро что-то говорить, оживленно жестикулируя. Лоцман переводил. Из рассказа старика португальцы поняли, что острова эти безлюдны. Сюда заходят корабли только за водой и дровами, а сам старик – священник этой «христианской церкви, разрушенной некогда маврами».

Моряки угостили старика сушеными фруктами и рисом. Утром они поспешили сообщить о найденной церкви Васко да Гаме. Но командир этим не заинтересовался. Если в многолюдном торговом

Каликуте было выгодно молиться в местном храме, делая вид, что принимаешь его за христианскую церковь, то здесь, на пустынном острове, не стоило разыгрывать комедию на потеху старому бездельнику и назойливым обезьянам.

Важнее были новости с моря. Еще на рассвете с наблюдательного поста на холме прибежал, запыхавшись, моряк и сообщил, что на юге видны паруса кораблей.

– Надо потопить их. Иди, Коэльо, на «Беррио» и займись ими, – сказал командир.

Дождавшись легкого бриза, Коэльо неожиданно появился в устье залива и напал на индусов. В сущности, боя не было. Пять кораблей успели уйти, и выстрелы бомбард «Беррио» не причинили им вреда. У шестого сломалась мачта, и парус повис бессильной тряпкой. Матросы корабля бросились в море. Португальцы нашли на захваченном корабле немного кокосовых орехов, кувшины с пальмовым маслом и пожитки бежавших матросов. Лишь позднее португальцы узнали, что корабли эти входили в состав эскадры знаменитого индусского пирата Тиможи, заклятого врага мусульман. Впоследствии Тиможа стал союзником португальцев, по их поручению захватывал и грабил мусульманские корабли.

Через четыре дня караульные снова сообщили, что к острову идут корабли. Один корабль повернул к заливу, а другие стали под защитой высокого берега. Васко да Гама выжидал. Вскоре в заливе показалась большая барка, на корме ее стоял высокий бородатый человек со светлой кожей. Еще издали он крикнул по-испански:

– Господа, я принес вам мир и дружбу, обещайте не трогать меня, и я приду к вам на корабль.

– Ты будешь самым почтенным гостем, приходи, – ответил Васко да Гама.

Прибывший перебрался на «Сао Габриэль» и начал рассказывать. Он – еврей из Гренады, после взятия Гренады испанцами бежал в Турцию, оттуда пробрался в Индию и теперь командует флотом у могущественного государя – султана Гоа. Васко да Гама расспрашивал гренадца, а сам искоса поглядывал на берег. Там, под прикрытием «Беррио», Коэльо с тридцатью воинами пробирался к индусской барке. Васко да Гама продолжал вежливую беседу. Лишь когда он услышал крики и увидел, как португальцы гонялись по палубе барки за индусскими матросами, он подал знак. На почетного гостя набросились, скрутили ему руки и швырнули на палубу.

– Плетей! – крикнул командир.

С пленника содрали богато расшитый халат; на его обнаженные плечи посыпались удары.

– Признавайся, собака, кто подослал тебя. Говори все начистоту, или я велю капать тебе на голову кипящим маслом, и тогда ты разговоришься волей-неволей.

Но гренадец и во время пыток говорил то же, что он рассказал раньше. Он стонал и молил сохранить ему жизнь, обещая делать все, что прикажут португальцы.

– Хорошо, – промолвил Васко да Гама. – Ты должен помочь нам овладеть теми кораблями, что стоят в море. Но помни: попробуешь предать нас, – буду пытаться так, что ты возмечтаешь о смерти.

Избитый гренадец готов был на все. Ночью португальцы отправились в море. Впереди шла захваченная индусская барка. На носу стоял закованный в ручные и ножные кандалы гренадец, за ним португальский солдат с кинжалом в руке. В трюме были спрятаны солдаты. Сзади на некотором расстоянии плыли с потушенными огнями «Беррио» и «Сао Габриэль». Командир сказал, что повесит того, кто промолвит хоть слово.

– Кто идет? – крикнули с индусского судна.

– Свои. – Голос гренадца дрожал. – Я нашел на берегу старых друзей.

Когда барка, захваченная португальцами, подошла вплотную к ближайшему индусскому судну, португальцы бросились на abordаж. Пушкари «Беррио» и «Сао Габриэля» начали почти в упор расстреливать другие индусские корабли. Среди индусов воцарилась паника. Одни прыгали в воду, чтобы добраться вплавь до берега; другие пытались укрыться в трюмах кораблей.

– Бей без пощады! – крикнул с высокой кормы Васко да Гама.

Бой превратился в бойню. К рассвету все, кого португальцы нашли на кораблях, были перебиты. Но некоторым индусам удалось добраться вплавь до острова и укрыться в лесу. Однако Васко да Гама считал, что нужно обезвредить всех. Один, добравшийся до индийского побережья, беглец мог вернуться с могучей эскадрой. Поэтому португальцы весь день ловили в лесу беглецов. На этот раз командир приказал до поры до времени щадить индусов. К вечеру на берегу сгрудилось около сотни пленников. В этой толпе ходил Коэльо. Он отбирал самых сильных. Тридцать шесть человек оставили работать у насосов, по двенадцати на каждое судно. Их заковали в ножные кандалы и заперли в одной из захваченных барок. Остальных португальцы увели на высокий обрыв над морем и там перебили. Каждого пленника ударяли сзади мечом и сталкивали в море.

Эта бойня, это хладнокровное избиение безоружных людей, не воевавших с португальцами, очень характерны для Васко да Гамы.

Во время расправы на кораблях играли трубы и матросы пели песни. Васко да Гама праздновал неожиданно легкую победу.

Через пятьдесят лет величайший поэт Португалии Луис Камознс в полноречивых стихах воспоет пребывание португальцев на островах Анжедива. Он назовет их островами любви и расскажет, как моряков встречала Венера, как богиня любви создала усталым путникам на Анжедива земной рай и как нимфы предсказали Васко да Гаме великолепную судьбу Португалии...

Расправившись с пленными, португальцы ограбили захваченные корабли. Они нашли там маленькие пушки, прекрасные луки с тростниковыми стрелами, длинные тонкие мечи, секиры с двумя лезвиями, кокосовые орехи, рис, сушеную рыбу. Все это они перетащили на португальские корабли, содрали с индусских барок паруса, взяли с них годные на дрова доски, а барки потопили. Покончив с захваченными кораблями, португальцы занялись починкой своих судов, выгрузили на берег пряности, завели корабли на мелкое место и, накренив на бок, очистили их днища.

5 октября, набрав воды, португальцы покинули острова Анжедива. Все рундуки были полны добычей и купленными в Индии товарами: кусками тканей, мешочками с пряностями, узелками с дешевыми украшениями и низкопробными драгоценными камнями.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Обратный переход через океан был особенно мучительным. Ветер дул вяло, словно нехотя. Часто по нескольку дней царил штиль. Аравийский берег дышал жаром. Моряки тщетно искали тени. Нагретые пряности издавали сладкий и острый запах.

Началась цынга. Португальцы попрежнему не знали, как уберечься от нее. На всех кораблях лежали вповалку больные. Почти каждый вечер падре Перо де Ковильянеш пел на корме заупокойные. Моряки стояли с непокрытыми головами и мрачно смотрели, как море поглощало их товарищей, одного за другим. Пауло да Гама, более человечный, чем другие командиры, ободрял больных и ухаживал за умирающими.

Почти каждый вечер освобождались рундуки. Писец Диого Диаш в присутствии двух уполномоченных от матросов вскрывал ключом, снятым с шеи покойного, замок рундука, тщательно записывал и оценивал его содержимое и уносил в трюм, чтобы потом передать по описи наследникам. Все больше рундуков пустовало, так что споры из-за них прекратились.

Цынга подкосила почти весь экипаж. Скоро на каждом корабле осталось лишь по шесть-семь здоровых моряков, могущих взбираться на мачты. Управлять кораблями стало очень трудно. А солнце, казалось, с каждым днем все сильнее накаляло застывшее море и молчаливые корабли.

«Я заверяю всех, – писал автор „Roteiro“, – что если бы подобное положение продолжалось еще две недели – не осталось бы людей для управления кораблями. Мы дошли до такого состояния, что исчезли все узы дисциплины. Мы молили святых покровителей наших

судов. Капитаны посовещались и решили, если позволит ветер, вернуться обратно в Индию».

Лишь 2 января 1499 года показался африканский берег.

По Индийскому океану во время обратного пути португальцы плыли, не видя берегов, 89 дней. Африку мореплаватели увидели к вечеру и, боясь налететь на камни, остановились на ночь.

Они думали, что вышли к африканскому берегу в районе Мозамбика. Утром кормчие определили широту. Оказалось, что португальцы забрались слишком далеко на север. Корабли повернули на юг вдоль африканского берега. Так шли весь день. К вечеру в заливе показался Магадокшо – город арабов-работорговцев, расположенный под 5° северной широты.

На кораблях было очень неблагоприятно. Цынга попрежнему губила моряков. Даже здоровые на вид люди испытывали вялость и апатию, ломоту в ногах и потерю аппетита – первые признаки появления цынги. Пресная вода была на исходе, ее выдавали по мерке.

У берегов Африки прибавились новые мучения. Тучи насекомых осаждали корабли. Стаями прилетали с берега большие черные и зеленые мухи, досаждая морякам и заражая их пищу. Еще больше раздражали москиты. Пользуясь тихой погодой, эти маленькие мучители всюду преследовали моряков; их укусы превращались в подлинную пытку для больных.

Но Васко да Гама боялся итти к берегу, где так заманчиво белели здания Магадокшо. Он понимал, что теперь португальским кораблям, сделавшимся пловучими лазаретами, лучше избегать столкновения с маврами. В Магадокшо могли дойти слухи о столкновениях португальцев с жителями Мозамбика и Момбасы, и мавры Магадокшо, конечно, захотят отомстить за соотечественников, тем более, что в случае удачи наградой за месть станут португальские

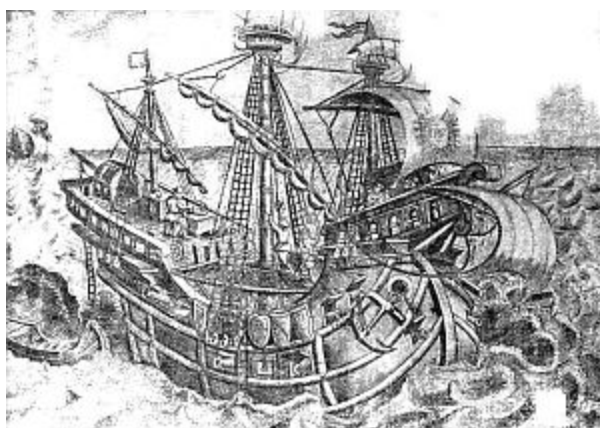
корабли и товары. Поэтому Васко да Гама решил пройти мимо Магадокшо.

Командир и здесь остался верен себе. Проходя мимо Магадокшо, он приказал дать залп из бомбард по городу, который португальцы видели впервые в жизни.

– Надо пострашать их, показать им, что мы сильны, как всегда, – сказал он.

На следующий день попрежнему шли мимо зеленого берега. После полудня, когда корабли огибали скалистый мыс, из-за поворота высыпало множество лодок.

– Это пираты, здесь их логовище, – сказал лоцман из Мелинди.

Определение местоположения судна по солнцу.

Прежде португальцы не боялись бы негров, вооруженных копьями и стрелами, но теперь солдаты лежали вповалку. Если подпустить пиратов к кораблям, всякое сопротивление будет бесполезным. Поэтому командир дал приказ стрелять по пиратам издали. Почти все пушки были больны. Они, кряхтя, поднимались и с помощью более крепких товарищей ковыляли к орудиям. Все знали, что от бомбард зависело спасение. Узкие и длинные пироги приближались, уже видны были белые с красным узором щиты и темные воины с выкрашенными в рыжий

цвет волосами. Слышалась боевая песня. В такт дикому, печальному напеву погружались в воду лопасти весел. Лодки шли полукругом, стараясь отрезать кораблям отступление.

Больные приподнялись на своих ложах из тряпок. Васко да Гама подошел к борту и взмахнул платком. Раздался залп. Весь корабль вздрогнул. Даль заволокло дымом. Послышались залпы с других кораблей.

Дым рассеивался медленно. Наконец португальцы увидели, что полукруг пиратских лодок разорвался на части. Пироги спешили к берегу. Португальцы были спасены.

Корабли пошли дальше. Ночью обеспокоенный вахтенный позвал наверх Васко да Гаму. Командир поднялся на кормовую крепость, оглянулся вокруг и не узнал моря. Темные корабли шли по снежно-белой бесконечной пустыне, сзади за рулем бежали холодные серебристые волны. От этой белизны небо казалось еще более глубоким, еще более черным.

– Что это? – спросил командир лоцмана из Мелинди.

– Море светится, мухи исчезли – будет шторм, – отвечал тот.

Васко да Гама в рупор сообщил эту весть на другие корабли. Начали готовиться к буре. Подняли всех, кто мог хотя бы немного стоять на ногах, укрепляли цепями бомбарды, закрывали парусиной отверстия трюмов, проверили снасти, убрали паруса.

Лоцман оказался прав. С утра начался шторм. Но португальцам, заранее подготовившим корабли, он не принес больших бед. Лишь на «Сао Рафаэле» поломало снасти.

7 января утром лоцман показал на белую полосу, неясно мерцавшую вдали на берегу.

– Мелинди, – сказал он.

Португальцы были счастливы. В Мелинди были друзья, здесь можно было отдохнуть и полечить

больных.

По приказу командира корабли украсили флагами и лентами. Исхудалый трубач заиграл торжественный марш, пушкари дали залп. Матросы кричали от радости.

В Мелинди хищник снова спрятал когти. Теперь Васко да Гама нуждался в помощи, и поэтому все шесть дней, которые португальцы пробыли в Мелинди, он вел себя, как искренний друг султана, помнящий услуги и знающий им цену.

Когда корабли вошли в гавань Мелинди, навстречу им вышли ярко разукрашенные лодки. Посланники султана Мелинди привезли португальцам овец и кур, апельсины и плоды манго того дерева. Султан велел поздравить Васко да Гаму с удачным плаванием, передал, что давно ждал португальцев, и пригласил их во дворец.

Васко и Пауло да Гама спустились в лодку. Султан Мелинди ждал их, стоя по колено в воде. Не доходя до берега, братья да Гама выпрыгнули в воду, чтобы обнять султана. Хозяин повел гостей к берегу. Начался обмен любезностями. Мавр говорил, что рад возвращению своих португальских друзей, что весь его город в их распоряжении.

Капитаны отвечали, что только благодаря помощи султана Мелинди португальцам удалось найти путь в Индию. Они уверяли его, что навсегда чувствуют себя обязанными и готовы служить ему, как своему государю.

Так беседовали они, идя к дворцу султана через окраины города, населенные рабами-неграми. Вокруг были разбросаны в беспорядке круглые плетеные хижины. У дверей хижин женщины толкли просо огромными, высотой с человека, пестами в каменных ступах. Дети, козы, овцы и куры разбегались, поднимая пыль. Стояла нестерпимая жара. За хижинами простиралась большая площадь – рынок рабов.

Скованные подвое или отягощенные деревянным ярмом, сидели в пыли черные люди, тупо глядя прямо перед собой.

Продавали только детей и молодых женщин.

– А где же взрослые мужчины? – спросил Пауло да Гама.

– Их не берут живьем, – ответил султан. – Они непокорны и дерзки, они всегда помнят о потерянной свободе, всегда тоскуют. Их убивают на месте. Мальчики – другое дело. Их души – как воск. Из них можно вылепить превосходных рабов.

Рынок рабов кончился. Капитанов повели по узкому извилистому проходу между белыми стенами. Начался арабский квартал. Стало прохладнее. Деревья склонялись над переулком с обеих сторон и давали тень.

Во дворце продолжали обмен любезностями, началось угощение. Когда речь шла о выгоде, Васко да Гама умел делаться терпимым. Этот человек на индийском берегу всячески подчеркивал свою ненависть к мусульманам, а здесь, в Мельнди, уверял мусульманского султана, что португальцы и впредь будут самыми лучшими друзьями государей Мелинди.

Во время беседы впустили лоцмана, плававшего с португальцами в Индию. Лоцман упал ниц и поцеловал ковер у ног султана. Пользуясь случаем, Васко да Гама попросил султана послать в Португалию тех лоцманов, которые ездили с ним в Индию, чтобы они показали португальцам прямую дорогу в Мелинди. Васко да Гама добавил, что следующий португальский корабль привезет лоцманов обратно, а их семьям он оставит двести крусадо золотом. Султан согласился.

Беседа затянулась до вечера. Гостей провожали на корабли уже при свете факелов.

Султан дал капитанам для передачи королю длинное письмо, – поздравлял его с открытием пути в

Индию и приглашал и впредь присылать корабли.

Начался обмен подарками. Султан послал королю широкую золотую цепь с драгоценными камнями, а королеве – перламутровый ларец, украшенный серебром и слоновой костью, и двадцать золотых колец с дорогими камнями. В ларце лежали белые шелковые ткани и золотая нить, «какой наши люди никогда не видели», как пишет автор «Roteiro».

Султан сделал богатые подарки всем трем капитанам и, кроме того, послал на корабли две лодки, груженные ящиками с белыми шелками и цветными муслинами для команды: «Чтобы никто не был недоволен моей страной», сказал он.

Утром в подарок королеве от султана привезли еще огромный кусок серой амбры, отделанный в серебро. Это был роскошный подарок. При виде его Васко да Гама приказал команде кричать и трубить в трубы.

Надо было отдариваться. Васко да Гама послал на берег десять ящиков кораллов, много янтаря, киновари и ртути, кружев, сукон, сатина, Дамаска, рубашек, зеркал, ножей, красных шапок, стеклянных бус.

Наконец он послал султану свой богато украшенный кинжал и передал подарки его министрам. Щедрость, проявленная Васко да Гамой в Мелинди, отчасти объясняется тем, что португальцы плыли обратно и одаривать больше было некого, а в Мелинди – городе, имевшем большое значение на пути в Индию, надо было оставить о себе самое благоприятное воспоминание.

Состязание в щедрости продолжалось. Султан не хотел уступать. Он приказал скупить по городу у арабских купцов самые лучшие ткани и послал их на корабли. Султан писал, что для капитанов ткани эти, конечно, бедны, но пусть команда оденется в них в день прибытия в Лиссабон. Королю он послал огромный слоновый клык. Португальцев, по его приказу, снабдили продовольствием.

8 января на берегу поставили «падрао» – каменный столб с надписью.

Через два дня под крики команды и звуки труб португальские корабли, украшенные флагами и коврами, покинули Мелинди и двинулись на юг.

Кормчим Васко да Гама приказал посменно стоять на вахте рядом с маврами, расспрашивать их и зарисовывать берега.

Еще в Мелинди ему принесли дневник священника Жоао Фигуэра. Падре умирал от цынги и просил передать свой дневник командиру. Запуска священника заинтересовали командира. Он велел ухаживать за Фигуэра особенно тщательно. Свежие фрукты сделали свое дело, падре поправился, и, уходя из Мелинди, Васко да Гама приказал Жоао Фигуэра с утра до ночи сидеть на носу и записывать все, что случится во время плавания.

Корабли шли тихо, португальцы с трудом меняли курс, очень медленно ставили паруса. Иногда упускали ветер, не успев во-время повернуться. Особенно плохо было на «Сао Рафаэле», и Васко да Гама решил пожертвовать этим судном.

Корабли подошли близко к берегу и стали на якорь. С обреченного судна начали перегружать Пряности, провиант, порох, ядра и матросское имущество. Снимали паруса. Осторожно перенесли с носа деревянную раскрашенную статую покровителя «Сао Рафаэля». Все работали молча. Особенно угрюмы были моряки с «Сао Рафаэля».

Пауло да Гама, со времени отъезда из Мелинди чувствовавший недомогание, в последний раз поднялся на свой корабль, чтобы посмотреть, не забыли ли что-нибудь ценное. Он прошел по ободранным каютам, заглянул в трюм, где валялись мусор и тряпки, прошел по палубе, шагая через доски и обрывки канатов и, еще более угрюмый, покинул судно.

Чтобы «Сао Рафаэль» не достался маврам, его к вечеру сожгли. Теперь легче было ставить паруса, и корабли пошли быстрее.

28 января прошли мимо Занзибара, а 1 февраля остановились недалеко от Мозамбика и знакомого уже острова Сао Жорже, где когда-то силой добывали лоцманов. Мозамбик был скрыт дождевой завесой.

Васко да Гама решил поставить здесь падрао.

Утром 2 февраля шел проливной дождь. Все намокло. Но командир приказал во что бы то ни стало поставить падрао. На берег поехали на трех лодках. С огромным трудом втащили столб на вершину холма, спотыкаясь и падая на мокром, покрытом скользкой глиной и травой обрыве. Пауло да Гама, руководивший установкой падрао, стоял на обрыве на самом ветру. Холодный ветер пронизывал его насквозь. Промокший священник простуженным голосом запел мессу. Матросы никак не могли разжечь огонь, чтобы растопить свинец. Свинцом прикрепляли крест на вершине падрао. Так и не удалось добыть огонь, и Васко да Гама приказал возвращаться на корабли.

Снова двинулись в путь мимо знакомых уже берегов. 3 марта корабли вошли в реку Сао Браз. С этой рекой у моряков было связано много воспоминаний. Здесь сожгли вспомогательное судно, здесь сначала мирно торговали с неграми и демонстрировали друг другу пляски, а потом рассорились. Здесь поставили падрао.

Корабли вошли в устье реки. Берега не изменились. Вот обгорелый остов португальское корабля, а вот и падрао, сделанный из мачты вспомогательного судна. Видимо, негры не решались трогать предметов, оставленных португальцами. В Сао Браз прожили девять дней. Но туземцы помнили, что Диаш убил их соплеменника, а с матросами да Гамы дело чуть не

кончилось ссорой. Поэтому негры не появлялись, а португальцы боялись отойти от берега.

Васко да Гама думал раздобыть у негров провизии. Когда это не удалось, вспомнили про островок в устье реки. Снарядили шлюпки, и целых три дня португальцы ловили, солили и вялили тюленей, пингвинов и запасали воду. Затем покинули Сао Браж и пошли мимо скалистых берегов.

10 марта матрос в «вороньем гнезде» на верхушке мачты увидел высокие черные горы с плоскими вершинами. Все поднялись наверх и смотрели, как корабли, открывшие путь в Индию, огибали мыс Доброй Надежды, – надежды на то, что будет открыта Индия.

Васко да Гама напомнил матросам о попытке мятежа. Кормчие, сославшись на труды и лишения, которые они перенесли в Индии, просили простить их.

Васко да Гама ответил:

– Сам я давно простил вас и хочу просить короля дать вам награду. Но я поклялся и проведу вас по Лиссабону в королевский дворец в цепях.

Черный мыс скрылся из виду. Васко да Гама начал раздачу подарков, полученных от султана Мелинди. Он раздавал матросам ткани, приказывая самим шить одежду, чтобы прибыть в Лиссабон в праздничных нарядах. Рядом с ним сидел бледный Пауло да Гама. Он чувствовал себя все хуже и хуже. По утрам Пауло с трудом поднимался с постели. Здесь, у южной оконечности Африки, дул холодный ветер, и Пауло да Гама дрожал от озноба, но пересиливал себя и старался не кутаться.

Васко да Гама все время с тревогой следил за братом. Было несомненно, что Пауло сильно болен. Но Васко да Гама надеялся, что, вернувшись на родину, Пауло поправится. Надо было торопиться на север, тем более, что на кораблях продолжали заболеть и умирать моряки.

К счастью, дул попутный ветер, корабли быстро бежали вдоль сизо-зеленого берега, рассекая поля желтоватых водорослей. Иногда в водорослях чернели головы тюленей. Корабли вспугивали стайки маленьких серых птичек, взлетающих над водорослями.

Чтобы сократить путь, португальцы ушли от берегов в открытое море. Лоцманы из Мелинди стояли теперь без дела. Португальцы вели корабли сами.

Семь дней дул попутный ветер, потом настал] штиль. Бессильно повисли паруса, чуть плескала за кормой вода. Пять дней царил штиль. Пауло да Гама редко показывался из каюты, и, когда к нему заходили, он только спрашивал, какой ветер. Видимо, больной тосковал по родине. Васко да Гама не отходил от брата. Но они почти не разговаривали друг с другом. Эти суровые люди не привыкли проявлять нежных чувств, и Васко да Гама выражал любовь к брату и тревогу за него, стараясь услужить ему: то поправлял постель больного, то подавал пить.

Штиль сменился штормами. Неделю бури трепали истерзанные корабли. Ночью во время шторма моряки с «Сао Габриэля» потеряли из виду «Беррио».

Коэльо, как это было раньше условлено с Васко да Гамой, поплыл прямо в Португалию и прибыл в Лиссабон 10 июля 1499 года.

«Сао Габриэль» продолжал бороться со штормом. Пауло да Гама больше не вставал с постели.

Наконец «Сао Габриэль» прибыл в Сао Тьяго.

Пауло да Гама был совсем плох. Васко да Гама передал командование кораблем Жоао да Са, а сам нашел каравеллу, чтобы перевезти умирающего брата на остров Терсейру.

Море еще волновалось. Больного капитана с трудом подняли из каюты и долго не могли перенести в лодку, которая то взлетала высоко на волнах, то опускалась куда-то в бездну. Вместе с Пауло переехал и Васко. Он

был весь поглощен тревогой за любимого брата. Пауло да Гама холодно простился с товарищами и безучастно глядел на исчезающий вдали знакомый силуэт «Сао Габриэля».

Каравелла пошла на Азорские острова. Вокруг были незнакомые люди. Но в Сао Тьяго все уже знали о блестящих результатах плавания, и моряки каравеллы старались всячески выказать уважение и восхищение великим мореплавателям.

29 августа прибыли на один из Азорских островов – Терсейру. Васко да Гама перевез брата во францисканский монастырь. Здесь все напоминало родную землю: белые стены, прохладные галереи, внутренние дворики, засаженные цветами, звон колокола на закате, запах роз и дрока.

Больной чувствовал себя все хуже и хуже. Часто сознание изменяло ему, и он воображал, что лежит под небом Альгарве, говорил о соседях и знакомых, вспоминал давно умерших товарищей детских и юношеских лет.

Васко не отходил от брата. Монахи сказали ему, что болезнь Пауло отягчается тоской по родине и что в монастыре, где все так напоминает родные края, больной быстро поправится.

Васко да Гама рассеянно благодарил монахов. Он плохо верил им. Ночью Пауло умер. Васко да Гама, этот железный и жестокий человек, глубоко переживал смерть брата.

Схоронив Пауло, Васко да Гама отправился в Португалию, где его ждала торжественная встреча. 9 сентября корабль, на котором плыл Васко да Гама, прибыл в Лиссабон.

Весть о благополучном окончании плавания в Индию намного опередила корабли да Гамы. Еще в океане, недалеко от островов Зеленого мыса, корабли да Гамы встретила каравелла, плывшая за рабами. Хозяин

каравеллы Артуро Родригеш окликнул: «Чьи корабли, откуда плывете?» Жоао да Са ответил: «Корабли короля Мануэля под командой капитана-командира Васко да Гамы. Плыдем из Индии».

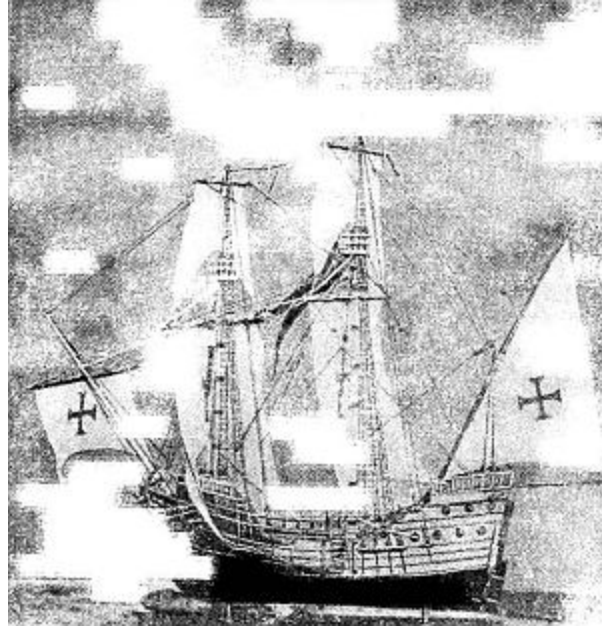
Артуро Родригеш был человеком изворотливым. Он переменял курс и поспешил в Португалию, рассчитывая первым принести весть о благополучном возвращении да Гамы. Четыре дня неслась каравелла. Когда зазеленели берега Португалии, Родригеш пересел в лодку, приказав сыну не приближаться к берегу и не пускать никого на борт каравеллы, чтобы новость не просочилась раньше времени. Высадившись на берег, Родригеш нанял лошадь и поскакал в Эвору. Обросший бородой, испачканный грязью, в обтрепанной одежде прибыл Родригеш во дворец и бросился к королю.

– Государь, я принес вам радостные вест! Надеюсь, вы вспомните, что я первый сообщаю вам их. Васко да Гама возвращается из Индии!

Вскоре прибыл «Беррио», за ним «Сао Габриэль».

Король велел ждать кораблям в устье Тахо, пока не приедет из Терсейры Васко да Гама.

18 сентября состоялся торжественный въезд в Лиссабон участников первого плавания в Индию.

Корабль Васко да Гамы «Сао Габриэль».

На улицах теснился народ, всюду пестрели флаги, гудели колокола, играли трубы. Моряки шли с набережной во дворец, окруженные торжествующей толпой. Матросы надели платья из дорогих тканей, подаренных султаном Мелинди, несли на бархатных подушках драгоценности, подаренные восточными царями Манозю. Среди моряков шли, обращая на себя всеобщее внимание, Монсаид, гренадский еврей, лоцманы из Мелинди и захваченные в Каликуте индусы. Далее звенели цепями кормчие. Им прежде всего был обязан своим успехом капитан-командир, но лучшие кормчие Португалии прошли через родной город, как пленники или осужденные на казнь преступники.

За мореплавателями шла пестрая толпа знатнейших аристократов Португалии. Принцы крови, архиепископы, лучшие воины и знатнейшие придворные окружали невысокого коренастого человека с длинной седеющей бородой. Он один во всей этой пестрой толпе был одет в черные траурные одежды и не улыбался на

шутки придворных. Это был великий Васко да Гама – человек, завершивший дело, начатое Инфанте Энрике шестьдесят лет назад, и проложивший путь в Индию.

НА РОДИНЕ

Прошрое человетства знает немного таких мрачных и кровавых страниц, как история «подвигов» конкистадоров.

Безудержная алчность, грабительские навыки, привитые вековой борьбой с маврами, религиозный фанатизм, превращавший хищнические набеги в «священную войну», хладнокровная жестокость средневекового феодала, чванство и невежество разорившегося дворянина – все эти черты соединились в конкистадоре XV–XVI веков.

Кортес, Писарро и Кесада в погоне за золотом залили кровью Мексику, Перу и страну Чибча,^[17] растоптали древние цивилизации этих стран, обрекли их население на рабство и вымирание. Они ломали и переплавляли в слитки изумительные ювелирные изделия ацтеков и инков, сжигали и разрушали архитектурные памятники, уничтожали созданную трудом многих поколений систему орошения.

Невежественные завоеватели и их сподвижники – католические монахи – ревностно истребляли все памятники письменности покоренного населения, старательно искореняли народные песни и пляски, как «порождение дьявола».

Они были беспощадны к туземцам, истребляли население целых городов или отрубали всем жителям захваченного города носы и уши, как это делал д'Альбукерк в Индии и Аравии, брали в дальние походы толпы скованных и связанных, прикрепленных к одной цепи индейцев, обрекая всех их на гибель от истощения и голода, как поступали Гонсало Писарро и Амброзий Альфингер в Южной Америке, поджаривали, как Кортес, на медленном огне ацтеков, пытая у них, где

запрятаны их сокровища, или, как Васко да Гама, лили по капле растопленное масло на головы туземцев, заподозренных в сговоре с врагами.

Не было такой жестокости, коварства и подлости, которыми не запятнали бы свою память конкистадоры, проложившие капитализму дорогу в тропические страны.

«Обращение с туземцами было, конечно, всего ужаснее на плантациях, предназначенных, как, например, в Вест-Индии, исключительно для вывозной торговли, а также в отданных на поток и разграбление богатых и густо населенных странах, как Мексика и Ост-Индия», пишет Маркс.^[18]

Но в погоне за золотом эти отважные и жестокие воины не щадили не только чужой, но и своей жизни. Великие мореплаватели и конкистадоры XVI века в открытых и завоеванных землях проявляли образцы мужества, настойчивости и хладнокровия, исключительную храбрость, находчивость и умение не теряться в самой трудной обстановке. Они умели во время длительных переходов неделями голодать, питались кониной, крысами, кожей от корабельных снастей и даже трупами своих товарищей, пробирались без проводников по безводным пустыням и тропическим джунглям, пускались без карт в плавание по неведомым рекам и океанам.

Но обычно они оказывались беспомощными, когда дело доходило до защиты перед чиновниками короля прав и привилегий, добытых кровью и лишениями, завоеванных ценою гибели целых цивилизаций.

Возвратившись из удачного плавания, истребив в дальних странах тысячи людей и завоевав новые страны, загорелый, израненный в боях конкистадор сталкивался с вежливыми и тихими людьми в черных одеждах. На их лицах, бледных от постоянного

пребывания в полутемных сводчатых комнатах канцелярий, постоянно играла улыбка. В ответ на требования конкистадора, обычно подкрепленные королевским патентом с щедрыми обещаниями, королевские юристы любезно просили не волноваться и плели тонкую нить доказательств и опровержений, уснащая свою речь латинскими цитатами из Тертулиана или отцов церкви. Они никуда не торопились, целые годы тянули свою нить. В конце концов, окончательно запутавшись и прожившись, конкистадор соглашался на мизерные условия, очень отдаленно соответствовавшие первоначальному соглашению с короной, тем лишениям, которые он перенес, и тем выгодам, которые принесла его деятельность королю. Обычно король выжимал из конкистадора все богатства, добытые зверствами и разбоем, отбирал всякими правдами и неправдами все обещанные награды и привилегии, а потом бросал ненужного ему больше завоевателя, как выжатую губку.

Всем памятна судьба Колумба, открывшего для Испании Новый Свет, – его отправили из Америки в Испанию в цепях, так и не добился он от короны удовлетворения своих претензий. Бартоломеу Диаш, впервые обогнувший мыс Доброй Надежды и открывший португальцам путь в Индию, должен был отдать лучших кормчих своему сопернику Васко да Гаме, который повел португальские корабли по проторенному Диашем пути.

Педро Альвареш Кабраль, открывший Бразилию, был отстранен от всех дел и конец жизни провел в бездействии.

Васко Нуньес де Бальбоа, открывший Тихий океан и проложивший путь в Перу, был казнен по ложному обвинению в измене.

Фернандо Магеллану пришлось бежать со своей родины в Испанию, и только там после долгих мытарств

получил он возможность осуществить свой гениальный план кругосветного плавания. Сам Эрнандо Кортес, завоевавший Карлу V новую империю и уничтоживший великую ацтекскую культуру, был равнодушно забыт правителями Испании. Кабеса де Вака, впервые пересекший Америку от океана до океана, открывший устье Миссисипи и исследовавший Парагвай, был увезен в Испанию в оковах и сослан в Африку.

Гонсало Хименес де Кесада, тридцать пять лет странствовавший по неисследованным землям Южной Америки, завоевавший сказочно богатое государство Чибча и потопивший в крови его своеобразную цивилизацию, из-за лживых обвинений был с позором выслан из Испании. Все они – крупнейшие исследователи и завоеватели XV–XVI веков.

Еще хуже приходилось спутникам конкистадоров – рядовым испанским и португальским матросам. Их уделом были раны и лишения, а в довершение всего их зачастую обсчитывали и обманывали при дележе добычи их собственные командиры. Так поступили, например, со своими спутниками Кортес и Писарро.

Не такова была судьба Васко да Гамы. Этот человек вырос в среде нарождавшегося тогда служилого дворянства. Во время своих плаваний он всегда настойчиво подчеркивал, что он – «слуга и раб короля».

Но в то же время этот «верный исполнитель королевской воли» прекрасно понимал значение своего открытия и сумел получить за него награду даже от короля Мануэля «Счастливого», который прославился своей неблагодарностью. Мануэль проявлял, даже по тем временам, исключительную неблагодарность к блестящей плеяде моряков и воинов, открывших и завоевавших ему новую империю в трех частях света.

Но Васко да Гама никому не позволял умалять цену своих заслуг и сумел добиться у Мануэля награды.

Уже во время триумфального въезда в Лиссабон он получил титул «дом», чем был приравнен к владетельной знати. Король обещал выделить ему земельные угодья, без которых пышный титул «дом» был пустым звуком.

Еще в 1499 году Манозель пожаловал во владение Васко да Гаме его родной город Синеж. В королевской грамоте говорилось: «Патентом, выданным в Лиссабоне 24 декабря 1499 года, король в вознаграждение за доблести Васко да Гамы и великие заслуги, оказанные им при открытии Индии, дарует ему, его наследникам и преемникам город Синеж вместе со всеми доходами, привилегиями и сборами, относящимися к нему, а также право осуществлять гражданское и уголовное судопроизводство, но так как город этот принадлежит ордену Сао Тьяго, – формальная передача владения должна быть совершена после того, как орден получит другой город и испросит разрешение на обмен у святейшего отца».

Казалось, Дом Васко мог быть доволен. Он сам просил пожаловать ему его родной город – рыбацкий и моряцкий город Синеж, и король с необычайной быстротой удовлетворил его просьбу.

Но королевский дар, даже подкрепленный торжественной грамотой, не давался в руки. Началась волокита.

Для обмена Синежа на другой город требовалось специальное разрешение папы. В Рим были посланы инструкции, и португальский посол при папском дворе начал обхаживать влиятельных кардиналов. Наконец в 1501 году после длительной волокиты, интриг и обещаний папская курия позволила ордену Сао Тьяго обменять Синеж на другой город. Но сам орден еще тянул дело.

Васко да Гама нервничал и терял терпение; он прекрасно понимал, что орден Сао Тьяго – большая сила

в Португалии. Командором ордена Сао Тьяго состоял побочный сын короля Жоао II, Дом Жорже, герцог Коимбры, а король Мануэл, двоюродный брат Жоао II, хорошо знал родную историю и прекрасно помнил, как в 1383 году побочный сын короля Фернао, Дом Жоао да Авиш, отстранил законного наследника Фернао и, захватив престол, основал новую Авишскую династию. Поэтому он предпочитал жить в мире с командором Сао Тьяго. Кроме того, орден обладал огромными средствами, и король не раз одалживал у него деньги. Ссора с орденом означала бы, что сундуки Сао Тьяго будут закрыты для короля Мануэля.

Дело с передачей Синежа затянулось. Обиженный мореплаватель почтительно, но настойчиво требовал компенсации. Он неоднократно напоминал королю, какую огромную прибыль принесло его первое плавание, не говоря уже о будущих выгодах открытия морского пути в Индию. В самом деле, деньги, вырученные за привезенные из Индии товары, в шестьдесят раз превышали расходы на экспедицию. От «настойчивого раба» королю приходилось откупаться деньгами.

Королевская канцелярия писала: «Лиссабон, 22 февраля 1501 года. Дом Мануэл приказывает Каса да Мина^[19] платить Васко да Гаме ежегодно по 1000 крусадо золотом до тех пор, пока его не введут во владение городом Синеж».

Но золото из Африки поступало нерегулярно. Тропические бури мешали работам в рудниках, корабли с золотом задерживались в пути. Кроме того, расходы короля поглощали столько золота, что даже богатые африканские рудники не могли насытить португальскую казну.

И Каса да Мина платила неаккуратно. Васко да Гама сердился и вновь напоминал королю Мануэлю о своих

обидах.

Но золота не было, и король просил своего слугу принять в счет недоимок хотя бы хлеб из королевских складов. Васко да Гама согласился, но не скрывал своего недовольства. Король писал: «19 ноября 1501 года, Лиссабон. Король приказывает Гонсало де Секвейра, главному казначею Каса де Сеута, предоставить Дом Васко 15 мойос^[20] пшеницы в счет недополученных им денег с Каса да Мина».

Кроме того, специальным указом король подтвердил присвоение Васко да Гаме титула «дом». Но великий мореплаватель был недоволен, потому что дело с Синежем откладывалось в долгий ящик.

Между тем король снова нуждался в услугах Васко да Гамы.

Мануэль прекрасно понял огромное значение для Португалии открытия пути в Индию, хотя он, как и Васко да Гама, не совсем верил известиям о «христианах» в Индии.

Уже через месяц после возвращения Васко да Гамы из Индии Мануэль писал Фернандо и Изабелле Испанским: «Христианские народы, до которых добрались эти путешественники, пока еще не очень крепки в вере и не целиком еще обращены в нее... Но когда они укрепятся в вере, явится возможность разрушить господство мавров в тех местах. Более того, мы надеемся, что с помощью божьей огромная торговля, которая ныне обогащает этих мавров... перейдет к туземцам и к кораблям нашей страны».

Как бы в ознаменование великих чаяний, связанных с открытием Индии, король Мануэль уже 28 августа 1499 года, через полтора месяца после прибытия «Берриу» в Португалию, принимает новый титул. Он именуется: «Король милостью божьей Португалии и Альгарве как по этой стороне моря, так и за морем, в

Африке, Повелитель Гвинеи и завоевания, мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

Сразу по прибытии Васко да Гамы в Лиссабон в Португалии начали готовить новую экспедицию в Индию, чтобы закрепить достигнутые успехи.

Снарядили тринадцать хорошо вооруженных судов.

На этот раз португальцы рассчитывали укрепиться на индийском побережье. Поэтому в Индию послали много солдат и монахов. Руководителю эскадры Педро Альварешу Кабралю было предложено, «прежде чем атаковать мавров и идолопоклонников материальным мечом, позволить священникам и монахам употребить в дело меч духовный, то есть оповестить им истинную веру».

На кораблях ехали также опытные купцы, которые должны были покупать и продавать от имени короля.

Итак, для завоевания Востока Португалия посылала солдат, монахов и купцов. В дальнейшем этот почин Португалии подхватили другие европейские страны, и в течение нескольких столетий европейское владычество в колониях опиралось на солдат, монахов и купцов.

Васко да Гама принимал самое активное участие в подготовке экспедиции Кабрала. Не менее деятельную роль играл и Бартоломеу Диаш.

На этот раз король Мануэль позволил Диашу сопровождать эскадру. Но и теперь Бартоломеу Диаш не должен был попасть в Индию. Он был назначен начальником золотых месторождений Софала на восточном побережье Африки. Об этих месторождениях сообщал еще Перо де Ковильям; о них прослышал и Васко да Гама. Кабраль должен был захватить эти месторождения и наладить выкачивание золота в Португалию. С Кабралем поехал и ближайший товарищ Васко да Гамы – Николау Коэльо, а также взятый в плен

на островах Анжедива гренадец, который крестился в Португалии и получил имя Гаспара да Гамы.

9 марта 1500 года тринадцать кораблей Кабралья покинули устье Тахо и взяли курс на юго-запад.

Сначала все шло, как и во время прежних плаваний. Но, убегая от негостеприимного африканского берега, Кабраль и Диаш забрались на юго-запад дальше, чем это обычно делали португальские моряки, и утром 22 апреля 1500 года матросы увидели с мачты флагманского корабля на горизонте гору. Подняли все паруса, и подгоняемые попутным ветром корабли подошли к нежданному берегу.

Кабраль и Диаш высадились на пустынном берегу и торжественно объявили открытую землю собственностью короля португальского. На береговом холме был поставлен крест с надписью.

Кабраль отправил один корабль своей эскадры в Португалию, чтобы сообщить королю об открытии на Дальнем Западе за великим морем новой земли – «Земли святого креста» (Терра да Санта Круз).

Эта страна еще долго существовала под именем – «Земли святого креста». Но позднее там нашли дерево, дающее желтую краску. Прежде такое дерево ввозилось из Индии и было известно под именем бразильского дерева. Это было поважнее, чем святой крест. И новая страна стала называться Бразилией.

Сам Кабраль с двенадцатью кораблями поплыл на Восток к мысу Доброй Надежды. Там моряков застал штиль; целую неделю корабли стояли с поднятыми парусами, ожидая ветра.

Внезапно небо почернело, загрохотал гром, и, прежде чем моряки опомнились, налетел сокрушительный ураган. Португальцы не успели даже убрать паруса. Во время бури погибло четыре корабля со всем экипажем. Погиб на виду у открытого им мыса и Бартоломеу Диаш. Мыс Доброй Надежды, который он

первоначально назвал мысом Бурь, оказался для него мысом гибели.

Буря разметала уцелевшие корабли по океану, и Кабраль несколько недель собирал то, что осталось от его эскадры.

Лиссабон в XVI веке.

Лишь 13 сентября с кораблей увидели Каликут.

В Индии Кабралья также ждали неприятности. Вначале все шло хорошо. Кабраль посетил Заморина, и тот позволил португальцам построить в Каликуте факторию. Купцы, присланные королем Мануэлем, начали прибыльный торг. Но португальцы, ослепленные алчностью, не знали предела, а у Кабралья нехватало ума и чутья Васко да Гамы, чтобы предугадать опасность и сдерживать своих спутников.

Чувствуя себя в безопасности под защитой мощной эскадры, португальцы начали хозяйничать в Каликуте, как дома, – португальские монахи всячески навязывали индуистам католичество и оскорбляли мусульман, португальские солдаты часто обращались с туземцами, как с побежденными. Да и сам Кабраль не стеснялся захватывать мавританские корабли в самой гавани Каликута.

Чашу терпения переполнила наглость португальских купцов: они пытались самовольно присвоить себе право первыми отбирать привозимые на

базар товары. Произошло столкновение. Подстрекаемая мусульманскими купцами толпа моплахов напала на факторию и уничтожила пятьдесят находившихся там португальцев. В ответ Кабраль сжег индусские и арабские корабли, находившиеся в гавани, и стал бомбардировать беззащитный Каликут. От португальских ядер быстро загорелись деревянные дома. В огне и под развалинами погибло свыше пятисот ни в чем не Повинных индусов.

Разгромив Каликут, Кабраль поплыл на юг в малабарский порт Кочин. Кочин соперничал с Каликутом по вывозу пряностей. Поэтому раджа Кочина принял португальцев с распростертыми объятиями. Он позволил им построить в Кочине факторию и заключил с ними союз для борьбы с Заморином.

Во время обратного плавания Кабраль потерял еще три судна. И только 31 июля 1501 года его эскадра, сократившаяся более чем наполовину, прибыла в Лиссабон.

ИНТРИГИ

Возвращение Кабраля после плавания в Индию вызвало в придворных кругах Португалии большое разочарование. Правда, далеко на западе Кабраль открыл новую землю и вновь провел корабли в Индию путем, проложенным Васко да Гамой. Но современники Кабраля никак не предполагали, что открытая им на западе лесистая страна сделается самой большой и самой прибыльной колонией Португалии. Между тем Кабраль потерял более половины кораблей, погиб Бартоломеу Диаш – один из лучших португальских моряков. В Индии Кабраль окончательно рассорился с Заморином, и в Каликуте погибло много португальцев.

В глазах Манозля и его приближенных вина Кабраля была очень серьезной.

Все же Кабралю доверили командование новой экспедицией в Индию, а Васко да Гаме, как и во время первого плавания Кабраля, была поручена только подготовка эскадры. Он подбирал команду, вспоминая и разыскивая старых товарищей по первому плаванию в Индию, нанимал кормчих и артиллеристов, выдавал авансы, наблюдал за постройкой и ремонтом десяти кораблей для Кабраля, заботился о провизии, бомбардах, порохе и ядрах, сам отбирал и проверял по спискам товары, предназначенные для индийской торговли.

Васко да Гама работал, как и всегда, чрезвычайно добросовестно и тщательно, но понемногу в нем заговорила зависть. Ему казалось, что Кабралю опять будут преследовать несчастья, ему жалко было отдать в руки неудачника подготовленную с такой любовью и старанием эскадру.

Васко да Гама чаще и чаще думал, что если бы такие корабли были под его началом, он смог бы навести страх на индусов и примерно наказать Заморина, которому он так и не простил тревожной июньской ночи, когда задержанные на берегу португальцы с минуты на минуту ждали нападения и гибели.

Васко да Гама, конечно, забыл, как в 1496-1497 годах Бартоломеу Диаш, заслуженный мореплаватель, проложивший путь вокруг мыса Доброй Надежды, готовил эскадру для неге и как тогда Васко да Гама без угрызения совести принимал это как должное. Теперь он сам оказался в роли Бартоломеу Диаша, а Кабраль, как некогда Васко да Гама, должен был позать результаты его трудов.

Бартоломеу Диаш, по сути дела, разведал самую важную и самую опасную часть пути в Индию. Но превосходный моряк оказался плохим придворным, его быстро затерли в пестрой толпе, окружавшей Мануэля, и Диаш смирился со скромной ролью организатора экспедиции.

Не таков был Васко да Гама. Уверив себя, что с ним поступают несправедливо, он исподволь начал подготавливать почву, чтобы оттеснить Кабралья и самому стать на его место. Васко да Гама стал тщательно подбирать все ходившие в придворных кругах неблагоприятные отзывы, сплетни и злые шутки о Кабрале, старался выведать, кто из королевской семьи настроен против него. Друзья передали ему слова королевы, что никто, кроме Дом Васко, не должен бы плыть в Индию, ибо ему сопутствует удача. Другой раз королевский капеллан сообщил, будто бы король Мануэль очень доволен подготовкой экспедиции, но боится доверить ее Кабралю. Король якобы сказал: «Дай бог, чтобы плавание Педро Альвареша было бы столь же счастливым, что и плавание Дом Васко, ибо,

хотя я знаю Кабраля, как прекрасного моряка, он все же не был счастлив на море».

Васко да Гама понял, что настала пора действовать. Он явился к королю и сказал ему, что хочет сам отомстить Заморину за все обиды, причиненные португальцам, и просит короля послать его в Индию вместо Кабраля. А Кабраль может поплыть в будущем году... Король колебался. Тогда Васко да Гама сказал, чтобы все доходы, которые полагались начальнику эскадры, были сохранены за Кабралем и чтобы приказчик Кабраля поехал в Индию с его товарами. «Со своей стороны, – добавил он, – я выплачу ему две тысячи крусадо и позволю ему ездить на моем верховом коне до того, как будет организована для него эскадра. Хотя, – сказал, улыбаясь, Васко да Гама, – человеку, которого в море преследуют несчастья, надо бы избегать открытого моря».

Используя в своей интриге против Кабраля гибель семи из тринадцати кораблей его эскадры, Васко да Гама старался не вспоминать, что и его собственная экспедиция прошла не так уж благополучно. Из четырех кораблей назад добралась только половина, а из ста семидесяти его спутников домой вернулось всего около семидесяти человек.

Король все еще колебался. Тогда Васко да Гама предъявил ему указ, изданный в 1499 году, когда португальцы вернулись после первого плавания в Индию. Этим указом король Мануэль давал Васко да Гаме право возглавлять все экспедиции в Индию, причем Васко да Гама мог взять на себя командование даже в том случае, если флот находился уже в Белеме и готовился тронуться в путь. Мануэль согласился.

Вызвали Кабраля, и король, позолотив пилюлю всяческими похвалами и обещаниями щедрых наград, объявил ему, что Васко да Гама сам поведет корабли в Индию.

Конечно, Манозль не сдержал своих обещаний. Карьера Кабралья закончилась. Суеверный и неблагодарный Манозль никогда больше не доверял Кабралю командование кораблями. Педро Альвареш Кабраль был отстранен от всех дел и удалился в свои имения. Он прожил до 1526 года и с горечью видел, как другие люди завоевывают португальские колонии в Индии и Африке, как создается слава Васко да Гамы, д'Альбукерка и д'Альмейды.

С удвоенной энергией принялся Васко да Гама за работу. Кабраль был отстранен, и теперь он готовил эскадру уже для себя. Десять крупных судов были почти готовы для плавания. Васко да Гама присоединил к ним шесть каравелл с латинскими парусами. На этих быстроходных каравеллах он собирался заниматься пиратством, вести морские сражения и поэтому укрепил на них бомбарды и заготовил абордажные крючья.

На кораблях поплыло восемьсот солдат, дворян, родственников и друзей Дом Васко.

В хлопотах по организации экспедиции Васко да Гама не забыл и своих личных дел. 10 января 1502 года, за месяц до отплытия Дом Васко в Индию, король Манозль специальным указом отметил, что Васко да Гама завершил дело, начатое Инфанте Энрике: «Открыл 1550 лиг ^[21] берега; кроме того, богатые месторождения золота и множество славных, ведущих большую торговлю городов и поселений и, наконец, достиг и открыл Индию – страну, которую все описания ставят по богатству выше какой-либо другой страны на свете, страну, которую все короли земли желали бы не только завоевать, но хотя бы открыть. Чтобы достичь ее, наше королевство потратило множество судов. Много капитанов и других моряков положили на это свою жизнь...

...Принимая во внимание великие заслуги Дом Васко перед нами и нашим потомством, совершенные во время этого плавания и этих открытий, и великие выгоды, проистекающие из него не только для нашего королевства, но и для всех христиан, а также ущерб, причиненный неверным, которые до сих пор пользовались всеми благами от торговли с Индией», король Мануэль назначил Васко да Гама адмиралом Индии, дал наследственный титул «дом» его брату Айреш и титул «домма» его сестре Тарайже и назначил Васко да Гаме наследственную пенсию в 300 тысяч рейс. Это была очень крупная сумма. Сохранилась любопытная роспись статьям доходов, которые должны были идти на уплату пенсии новому адмиралу Индии. Была введена десятина на улов рыбы в городах Синеж и Вильянова да Мильфонеш; на уплату этой пенсии шел акциз с городов Синеж и Сао Тьяго да Касем, а также особый королевский сбор, с лесов округа Лиссабона.

ВТОРОЕ ПЛАВАНИЕ

Второе плавание Васко да Гамы являлось прежде всего военной пиратской экспедицией. Адмирал собирался сражаться с мусульманами на суше и на море. Для этого он подготовил отряд легких боевых каравелл, причем предложил королю оставить часть кораблей в Индийском океане, чтобы они захватывали и уничтожали мусульманские корабли. Этот пиратский отряд был первой в истории постоянной европейской эскадрой в азиатских водах.

С самого начала Васко да Гама не скрывал пиратских целей своей экспедиции. Даже жалование матросам и солдатам должно было частично идти за счет добычи, захваченной на мусульманских кораблях. Кроме того, всем спутникам Васко да Гамы разрешалось беспошлинно присылать из Индии каждые восемнадцать месяцев по два квинтала ^[22] перца.

Отплытие эскадры назначили на 1 февраля 1502 года, но противный ветер не пускал корабли в море.

По старому обычаю, все отъезжающие оделись в лучшие платья, на проводах присутствовал король.

Побережье Тахо у Белема за годы, прошедшие со времени первого плавания, сильно изменилось.

Через несколько месяцев после возвращения из первого плавания Васко да Гама присутствовал при закладке монастыря Херонимус в Белеме. Здесь, на северном берегу Тахо, в маленькой часовне приюта для престарелых моряков, основанного Инфанте Энрике, Васко да Гама провел ночь накануне отплытия в первое плавание.

Теперь стройка была в самом разгаре. По пыльной дороге из Алькоантары в Белем медленно тащились огромные скрипучие телеги, запряженные волами. Они

везли белый известняк из алькантарских каменоломен. Молчаливые рабы, понукаемые надсмотрщиками, копали под палящим солнцем землю. Весело перекликались молотки каменотесов. На лесах, окружавших колокольню, пела пила. Во дворе будущего монастыря работали редкие в то время мастера по росписи стекол. Всем распоряжался полный и задыхающийся человек в темной, запачканной известью и краской, одежде – Жоао де Кастильо, создатель того причудливого, яркого и своеобразного сочетания мавританского стиля, готики и ренессанса, которое позднейшие исследователи называли манозелино – стилем Манозеля.

Правая часть галлерей была закончена. Позднее ее называли «Каменные джунгли». Королевские гербы, слоны, портреты Инфанте Энрике, Васко да Гамы и его спутников, попугаи, статуи святых, пальмовые и банановые листья, заморские плоды и запутанные арабески – все было перемешано в этом каменном кружеве.

Во временной часовне монастыря, среди лесов, бочек с известью и алебастром и мраморных плит 6 февраля 1502 года отслужили прощальную обедню.

7 февраля утром Васко да Гама со слугами, пажами, трубачами и родственниками, с Гаспаром да Гамой и возвращавшимися на родину послами Кочина и Кананора направился на флагманский корабль «Сао Херонимо». Но кораблям удалось выйти в море только 10 февраля.

В конце февраля флотилия Васко да Гамы прибыла в Порто Дале на африканском берегу, недалеко от Зеленого мыса, чтобы запастись водой и свежими фруктами.

В пустынной гавани встретили португальскую каравеллу, возвращавшуюся с грузом золота из Сао Жорже да Мина. Это была очень удачная встреча.

Когда Васко да Гама приехал из Индии в первый раз, король Мануэль поручил ему показать захваченным в плен индусам, «гренадцу», Монсаиду и лоцманам из Мелинди «все, что есть хорошего в Португалии». Прекрасно зная, какую роль могут сыграть в Индии рассказы жителей Востока, побывавших в Португалии, Васко да Гама тщательно выполнил это поручение короля. Он показал приезжим все, что могло, по его мнению, произвести благоприятное впечатление: торжественный выход короля, богослужение в старинных соборах Лиссабона и Коимбры, бой быков.

строительство каравелл. Все это очень понравилось им, и Васко да Гама мог считать, что с успехом выполнил повеление Мануэля.

Но он не мог держать индийских «гостей» взаперти; об их приезде узнали венецианские и флорентийские купцы и посланники. Итальянцы, как и мусульмане в Индии, понимали, что открытие португальцами морского пути в Индию нанесет сильный удар их посреднической торговле. Они постарались связаться с прибывшими в Португалию индийцами и побольше выведать у них об Индии и ее торговле. Недаром в письмах флорентинцев из Лиссабона неоднократно упоминаются Монсаид и Гаспар да Гама.

Когда Кабраль привез в Португалию послов из Кананора и Кочина, венецианцы познакомились и с ними. Но они не ограничились тем, что расспрашивали индусов об их родине. Венецианцы старались по мере сил раскрыть индусам истинное положение вещей в Европе и, в частности, рассеять с таким трудом созданное Васко да Гамой представление о мощи и богатстве Португалии.

Васко да Гама знал об этих интригах и, увидев теперь каравеллу из Сао Жорже да Мина, поспешил воспользоваться случаем. Под благовидным предлогом он провел индусов на каравеллу и, показав им сундуки с

золотым песком, небрежно добавил, что в Португалию ежегодно приходят двенадцать таких каравелл.

После шестидневной стоянки эскадра Васко да Гамы покинула африканский берег и повернула на юго-запад.

Плавание через Атлантический океан в обход ветров Гвинейского побережья стало у португальских моряков традиционным. На этот раз оно прошло без приключений. Корабли, следуя по пути Кабраля, пересекли весь Атлантический океан и посетили берега Бразилии: Васко да Гама знал о плаваниях испанцев на дальнем западе и хотел закрепить за Португалией открытую Кабралем «Землю святого креста».

Корабли пошли вдоль бразильского берега на юг. Холмы, покрытые кустами, чередовались с устьями рек, заросшими лесом.

Иногда с кораблей видели обитателей этой страны – рослых медно-красных людей с прямыми черными волосами. Изредка голые туземцы подплывали на пирогах к португальским кораблям и протягивали какие-то плоды и ярких крикливых попугаев.

Васко да Гама велел говорить с туземцами по-португальски, по-кастильски, по-французски и по-итальянски. Те ничего не понимали. Тогда Васко да Гама попробовал сговориться с медно-красными людьми через переводчиков, знавших языки арабский, индусский и языки негров. Но и эта попытка оказалась безрезультатной. Туземцы не понимали языков Европы, Азии и Африки.

Пройдя вдоль берега до мыса Санто Агостино, Васко да Гама повернул обратно на восток.

Опять пересекли Атлантический океан и подошли к мысу Доброй Надежды. В Южном полушарии стояла зима. Было холодно. Новички мерзли и проклинали тот час, когда, доверившись людям, побывавшим в Индии, взяли с собой только легкие одежды. Очевидцы гибели Бартолемеу Диаша советовали адмиралу остерегаться

коварного мыса. Дом Васко велел плыть лишь днем, а по ночам спускать паруса. Плыли медленно.

Но, несмотря на все предосторожности, мыс Бурь и на этот раз показал себя. Шесть дней бушевал шторм. Он гнал корабли на северо-восток – с ним португальцам было по пути. Но ветер разметал эскадру по океану, и с адмиралом осталось всего пять кораблей.

Когда шторм стих, португальские капитаны подтянулись, как было условлено, к мысу Течений.

Эскадра соединилась, можно было плыть дальше на север. Но шторм опять начал трепать корабли. Корабль «Санта Елена», на котором капитаном был Педо де Мендоса, налетел на песчаную косу недалеко от Софалы. Ветер и волны со страшной силой обрушились на беспомощное судно. Всю ночь шторм терзал «Санта Елену». К утру он стих. На обездображенном, лишенном мачт, снастей и украшений корабле находились измученные люди. К мели подошли корабли «Бретоа» и «Санта Марта». Сильное волнение долго не позволяло спустить шлюпки. Но капитаны прибывших судов, Жоао Бадарсаш и Франсиско Морекош, проявили исключительную настойчивость и мужество. Они не только спасли товарищей, но перевезли на свои суда и груз «Санты Елены»; затем подожгли покинутый корабль.

В начале июня флот адмирала Индии прибыл в Мозамбик. Более четырех лет назад Васко да Гама побывал здесь. Тогда он хотел заполучить в Мозамбике лоцманов, знающих дорогу в Индию, и выдавал себя за командира турецкой эскадры, но мавры быстро почуяли обман, и дружба в султаном Мозамбика скоро кончилась. В Мозамбике португальцы впервые прибегли к оружию, обстреляв укрепления. В Мозамбике же Васко да Гама начал пиратские нападения на беззащитные лодки и барки.

Теперь белый мавританский город, прятаясь в тропической зелени, был в полном распоряжении Дом Васко. Бомбарды его боевых кораблей могли безнаказанно разрушить и сжечь Мозамбик.

Жители Мозамбика поняли это. Когда португальские корабли появились на рейде, в гавани поднялась паника. С лодок и барок начали спешно выгружать на берег товары. Мелкие лодки вытаскивали на песчаные отмели.

К флагманскому судну поплыла уже знакомая Васко да Гама пестрая лодка со светлозеленым навесом. Гребцы, видимо, спешили и волновались. Лодка неслась, подпрыгивая на волнах.

На борт «Сао Херонимо» поспешно поднялся султан Мозамбика. Адмирал Индии ожидал его, сидя на корме. Султан бросился к ногам адмирала и просил прощения. Дом Васко велел поднять его.

– Теперь ты, наконец, понимаешь, каковы мощь и величие Португалии? – спросил адмирал, показывая на белые паруса португальской эскадры.

– Молю о прощении, клянусь быть верным другом вашим, – отвечал султан.

– Дайте ему кусок ткани и отправьте на берег, – сказал адмирал.

С берега начали приезжать торговцы живностью, зеленью и фруктами. Султан прислал овец и кур. Васко да Гама считал, что португальцам необходимо иметь на африканском побережье несколько опорных баз. Он знал, что нельзя опираться только на Мелинди, где дружески расположенного к португальцам султана может сменить какой-нибудь фанатический мусульманин. Поэтому он приказал морякам, солдатам и монахам соблюдать в Мозамбике самую строгую дисциплину и ни в чем не обижать местных жителей.

По требованию португальцев султан выделил им в гавани удобное место; туда с разных кораблей привезли

заранее заготовленные и размеченные балки, брусья и доски, и на глазах изумленных мавров началась сборка еще одной каравеллы.

Тем временем адмирал послал две каравеллы под командой Перо Аффонсо д'Агийяра в Софалу.

Еще Перо де Ковильям, соглядатай короля Жоао II, посетил Софалу и в своем отчете советовал ему захватить этот крупнейший тогда центр добычи золота на всем восточном побережье Африки. Кабраль завязал сношения с негритянским правителем Софалы. Теперь Васко да Гама направил в Софалу д'Агийяра, чтобы подарками и обещаниями он окончательно привлек на сторону португальцев государя Софалы. Д'Агийяр выполнил свою миссию очень удачно. Куском красной ткани, пестрыми одеяниями, большим фламандским зеркалом, ножами и красными беретами он привел в восхищение властителя Софалы – молодого негра-язычника. Повелителя Софалы особенно поразили нити пестрого стекляруса. В свою очередь, он преподнес португальцам связку золотых ожерелий и поклялся луной, солнцем, своей головой и животом в вечной дружбе королю Манозлю. Д'Агийяр наладил в Софале очень прибыльную торговлю, меняя ткани и стеклярус на золотые слитки. В Софале была построена фактория, и д'Агийяр оставил там много товаров под присмотром приказчика Гонсало Байшо.

С этими хорошими новостями д'Агийяр вернулся в Мозамбик. Но Васко да Гама знал, что вывоз золота из Софалы контролируется Ибрагимом, мавританским эмиром города Килоа. Попытка Кабралья запугать Ибрагима не удалась. Теперь адмирал решил подчинить Португалии «дерзкого и злонамеренного» эмира Килоа.

Новая каравелла была собрана. Дом Васко выделил для нее экипаж, вооружил бомбардами, снабдил всем необходимым. Командиром он назначил Франсиско Серрано – лучшего друга Фернандо Магеллана,

сыгравшего в дальнейшем большую роль в истории первого кругосветного плавания.

Серрано должен был защищать португальские фактории в Мозамбике и Софале.

Дом Васко поспешил в Килоа. Гаспар Корреа пишет: «Килоа стоит на острове, который окружен со всех сторон морем, но со стороны суши пролив мелок – даже во время прилива воды там по колено. Это – большой город с хорошими каменными штукатуренными домами и террасами. Дома богато украшены деревянной резьбой. Город спускается к берегу и окружен со всех Сторон стенами. В нем насчитывается двенадцать тысяч жителей.

Окрестности изобилуют деревьями и садами всевозможных растений: цитронов, лимонов и самых лучших на свете апельсинов, сахарного тростника, винных ягод, гранатов. Там множество стад, особенно овец с огромными жирными хвостами.

Улицы города очень узки, а дома очень высоки – по три, по четыре этажа. Наверх можно забраться по террасам, так как дома эти стоят близко друг от друга. В порту множество судов. Мавру, владеющему этим городом, подчинен только самый город, а не окрестности».

Теперь Васко да Гама уже не был безвестным бродягой, принужденным терпеть обиды и унижения от индийских и африканских царей. В Индийский океан он возвращался грозным и жестоким повелителем морей. Всюду требовал беспрекословного повиновения, а с непокорными расплачивался казнями, пытками, грабил и топил их корабли, бомбардировал беззащитные города.

В Килоа он решил продемонстрировать мощь Португалии.

Утром корабли Васко да Гамы развернулись и окружили город на острове. Адмирал приказал

выстрелить в воздух. С кораблей видели, как в городе поднялась суматоха, загоняли стада, запирали ворота, на городские стены тащили оружие.

Дом Васко послал на берег мавра-лоцмана с письмом к эмиру Ибрагиму. Он предлагал повелителю Килоа явиться для переговоров, обещая полную неприкосновенность. Если же эмир не явится, Дом Васко угрожал притащить его на корабль силой.

Ибрагим, эмир Килоа, долго не решался ехать на корабль, справедливо не доверяя обещанию португальцев. Среди его приближенных был богатый и влиятельный мавр Магомет Аргун. Магомет Аргун давно замышлял заговор против эмира. Надеясь, что Васко да Гама захватит Ибрагима в плен, он всячески уговаривал эмира Килоа посетить корабль португальцев.

На другой день Ибрагим объявил португальцам о своем согласии приехать на корабль.

Эмира встречали с большими почестями – навстречу ему послали пестро украшенные лодки с почетным караулом, трубачами и барабанщиками.

Васко да Гама объявил Ибрагиму:

– Мы желаем дружбы с тобой. Дружба наша принесет тебе и твоему городу много чести и прибыли, ибо корабли португальские будут приезжать к тебе и торговать с твоим народом. Будь другом и братом короля Португалии – моего господина.

Ибрагим поспешно согласился, радуясь, что легко отделался от захватчиков. Но Васко да Гама продолжал:

– Будучи другом и братом повелителя Португалии, ты должен поступать так, как другие его друзья: каждый год платить ему деньги или дарить драгоценности.

Ибрагим понял, чего хотел португалец.

– Ты хочешь, чтобы я стал не другом и братом твоего короля, а данником и вассалом, – этому не бывать, – сказал он. – Если бы я знал, что ты хочешь

сделать меня пленником, я бы не пришел, но бежал бы в леса. Лучше быть шакалом на свободе, чем борзой собакой на золотой цепочке.

Васко да Гама встал и широким взмахом руки показал на белые паруса боевых кораблей, окружавших Килоа.

– Я раб короля, – сказал он, – и действую по его приказу. Не подчинишься, – мои пушки уничтожат твой город, перебьют твоих подданных. Иди домой, но я приду за тобой и уничтожу тебя, беги в лес – мои борзые вытащат тебя оттуда.

И Васко да Гама приказал готовиться к бою. Запела труба на «Сао Херонимо»; ей ответили трубы на других кораблях. Забили барабаны, на палубы судов выбежали воины, на ходу застегивая латы и надевая шлемы.

Ибрагим сдался, обещал платить дань и тут же уплатить пиратам выкуп за себя и за свой город. Эмир обещал собрать и прислать на корабль браслеты и жемчуг ценностью в шесть тысяч крусадо или раздобыть золота на эту сумму.

– А кто останется у нас заложником? – спросил Васко да Гама.

Хитрый эмир предложил в заложники Магомета Аргуна, добавив, что он «знатный и богатый человек».

Ибрагим решил, что, подсунув португальцам в заложники своего врага, он окажется в выигрыше. Быть может, португальцы замучают Магомета Аргуна, и тогда у эмира будет одним влиятельным врагом меньше. А может быть, Магомет Аргун вынужден будет откупиться. Тогда враг Ибрагима понесет огромные убытки.

С берега привезли Магомета Аргуна. Это был важный старик в богатой одежде. Васко да Гама решил, что он годится в заложники, и отпустил Ибрагима на берег, заставив его подписать «договор о дружбе» с португальцами.

Вскоре из города прибыли лодки с рисом, курами и овощами. Капитан послал Ибрагиму обычные подарки – куски тканей и погремушки. Для богатого эмира Килоа такие подарки являлись, пожалуй, не меньшим оскорблением, чем злополучные португальские подарки Заморину. С кораблей стали спускать на берег команду. Но Ибрагим не спешил с выкупом. Васко да Гама давно решил, что пора трогаться в путь, но выкупа все еще не было. Адмирал Индии призвал к себе заложника и приказал ему написать письмо Ибрагиму с напоминанием о выкупе. К вечеру негр на маленькой лодке привез вежливый, но насмешливый ответ Ибрагима. Эмир Килоа предлагал Магомету Аргуну самому заплатить за себя выкуп.

– Что это значит? – гневно спросил Васко заложника.

Тот ответил:

– Ибрагим – мой враг. Он нарочно послал меня заложником. Если я заплачу за него, он будет доволен. Если я не заплачу и ты замучаешь меня – он будет счастлив.

Васко да Гама расхохотался:

– Вот ловкий мавр. Но мы выколоти́м из тебя выкуп.

Старика раздели, избили плетью и, связав по рукам и ногам, бросили в лодку на солнцепек. Через два часа Магомет Аргун прохрипел, что хочет видеть командира. Адмирал велел привести заложника. Избитый старик не мог идти, и его приволокли.

– У меня дома есть ожерелье; оно стоит десять тысяч крусадо, – сказал мавр адмиралу Индии.

– Пошли за ним, – кратко ответил Дом Васко. Через час человек, посланный с письмом мавра к нему домой, вернулся с ожерельем. Васко да Гама посмотрел на драгоценные камни, взвесил ожерелье на руке.

– Напоите мавра водой, оденьте его и проводите с почестями, – приказал он.

Дела в Килоа были кончены. Васко да Гама заключил выгодный договор и получил богатый выкуп с Магомета Аргуна. Моряки и солдаты отдохнули. Португальцы раздобыли свежую провизию. Пора было плыть дальше, в Индию. Но непредвиденное обстоятельство задержало португальцев в Килоа.

Португальские дворяне, воины и моряки ласками и обещаниями заманили на корабль многих женщин Килоа. Это были пленницы, попавшие в гаремы мавров Килоа из глубины Африки, из Индии, Ирана и Леванта. Их держали взаперти, и они тосковали на маленьком островке Килоа. Португальцам удалось соблазнить и заманить на корабли около двухсот невольных обитательниц Килоа.

Узнав, что многие португальцы прячут этих женщин у себя, Васко да Гама приказал под страхом смерти привезти всех невольниц на флагманский корабль и переправить их на берег. Женщины пришли в отчаяние. Они знали, что в Килоа их ждет мучительная смерть. Многие бросились с лодок в море, но их выловили. Васко да Гама был неумолим. Он заявил, что на кораблях нехватит для женщин провизии и что вообще их присутствие внесет смуту и беспорядок.

Несмотря на протесты многих португальцев, плачущих невольниц перевезли на берег и роздали их хозяевам. Только у сорока женщин не оказалось хозяев. Видимо, мужья отреклись от них, и за ними никто не пришел. Этих женщин Дом Васко вернул на корабли, запер под охраной в особых помещениях и по приезде в Индию торжественно окрестил.

Покинув Килоа, португальцы поплыли в Мелинди. Но противный ветер помешал кораблям подойти к городу, и Васко да Гама, обменявшись приветственными посланиями с султаном Мелинди, поспешил в Индию.

Когда африканский берег скрылся из виду, на флагманском корабле раздался тревожный сигнал.

Впереди белели паруса пяти кораблей. Все выбежали на палубу. Бомбардиры стали у орудий; офицеры и солдаты, надев латы и шлемы, разбирали пики и мечи, вытаскивали абордажные крючья. В трюме цирюльник разостлал на полу белое полотно и готовился принимать раненых. Корабли выстроились в боевом порядке. Но тревога оказалась ложной. Это были португальские корабли – вспомогательная эскадра, посланная вдогонку адмиралу Индии. Эскадрой командовал родственник Дом Васко – Эстевао да Гама.

Корабли встретились в открытом море и поплыли на восток, пересекая Индийский океан. Португальцы торопились. Стая кораблей, подгоняемая попутным ветром, летела, подняв все паруса. На восток мчалась стая гонимых португальского короля, неся смерть и порабощение жителям Индии.

РАСПРАВА

Еще в Португалии Дом Васко вместе с королем Мануэлем наметили основные вехи португальской политики на Востоке. Теперь, на пути в Индию, он снова тщательно продумывал и уточнял отдельные детали. Пиратские нападения на корабли и ограбления незащищенных индийских и африканских городов уже перестали удовлетворять Васко да Гаму. Португалия должна была сделаться владычицей Индийского океана и госпожей заморской торговли Индии. Для этого, по мнению адмирала Индии, надо было сокрушить мавританское мореплавание, навсегда порвав вековые торговые пути из Индии в Аравию, Иран и Египет через Аден, Ормуз, Александрию, силою повернуть торговлю на новый португальский морской путь – вокруг мыса Доброй Надежды.

Чтобы осуществить этот план, по мнению Дом Васко, необходимо было безжалостно уничтожать мусульманские суда, дерзнувшие выйти в открытое море без разрешения новых хозяев океана – португальцев. Далее, важно было, поддерживая до поры до времени хорошие отношения с дружественно настроенными городами, вроде Мелинди и Кананора, беспощадно сокрушать всех сопротивлявшихся португальцам, и в первую очередь старого врага Португалии – Заморина. Все действия Дом Васко во время второго плавания в Индию были подчинены осуществлению этой задачи.

На этот раз португальцы вышли к берегам Индии у гавани Дабул, недалеко от Гоа. Корабли вошли в бухту, спустив паруса. Адмирал торопился на юг и запретил морякам и солдатам отлучаться на берег. К кораблям поспешили лодки со всякой снедью, и, пока матросы

запасали на берегу воду, на кораблях закупали фрукты, живность и овощи.

Корабли поплыли на юг. Показались знакомые зеленые острова Анжедива. За мысом виднелись желтые и красные паруса.

– Это корабли разбойника Тиможа, – сказал Гаспар да Гама.

Легкие каравеллы Эстевао да Гамы поспешили в бой, но суда с желтыми и красными парусами оказались проворнее: они повернули к материку и укрылись в устье реки Онор.

Васко да Гама решил уничтожить гнездо индусских, пиратов – конкурентов португальцев на больших дорогах океана.

В устье реки вошли лодки под командой Эстевао да Гамы. Португальцы обстреляли и взяли штурмом палисады, сооруженные пиратами по берегам реки, добрались до пиратского поселения и сожгли его. Но на другой день и сами португальцы совершили разбойничье нападение на мирный индийский порт Батикала, подожгли корабли в гавани, разрушили укрепления и убили многих защитников города.

Городские власти послали на корабль адмирала Индии депутацию. Перед этими людьми Дом Васко впервые сформулировал португальские требования. Он заявил:

– Король Португалии – повелитель морей – всего мира. Поэтому все жители портов и речных устьев, выходя в море, должны платить ему дань. Три запрета вводит король Манозель: привозить турок или как-либо помогать им, торговать перцем и посещать Каликут. Кто нарушит эти три запрета, тот погибнет мучительной смертью, его город разграбят, товары отнимут и корабли его сожгут. А в знак покорности вы должны заплатить выкуп золотом и серебром.

Порт Батикала торговал рисом, сахаром и железом. Драгоценных металлов у него было мало, и адмирал Индии милостиво согласился взять выкуп первосортным рисом.

Итак, мавры, некогда предостерегавшие Заморина против Васко да Гамы, оказались правы. Скромные гости из-за моря, платившие за все втридорога и просившие, как милости, разрешения торговать в Каликуте, выведав все, что надо, теперь возвращались в Индию жестокими владыками морей. Они грабили и разрушали города, сжигали корабли и убивали всех непокорных.

Получив з порту Батикала рис и обязав раджу Батикала ежегодно снабжать португальцев рисом, адмирал Индии повел корабли на юг, к Каликуту.

Через день португальцы увидели в море дальний парус. Эстевао да Гама погнался за неведомым кораблем и остановил его. Затем произошла одна из самых отвратительных сцен во всей деятельности Васко да Гамы. Ее подробно описал Гаспар Корреа.

«Этот большой каликутский корабль плыл из Аравии с большими богатствами и попался нашим каравеллам. На нем ехал владелец – самый главный и богатый купец из Каликута... Каравеллы заставили это судно стать на якорь около флагманского корабля. Когда капитан-командир узнал, что это – каликутское судно, он велел разграбить его. Португальцы поехали туда на лодках и целый день возили оттуда грузы на португальские корабли, пока не опустошили весь корабль. Капитан-командир запретил привозить с корабля мавров и потом велел сжечь корабль.

Когда капитан корабля узнал об этом, он попросил разрешения повидать Дом Васко и сказал ему:

– Господин, ты не выиграешь ничего, убив нас, прикажи заковать нас в кандалы и отвезти к Каликуту. Если мы не нагрузим твоих судов бесплатно перцем и

другими пряностями, сожги нас. Подумай, ты теряешь такие богатства из-за желания нас убить. Помни, что даже на войне щадят тех, кто сдается, а мы ведь не сопротивлялись вам, примени же к нам правила великодушия.

А капитан-командир ответил:

– Тебя сожгут живьем потому, что ты советовал повелителю Каликута убить португальцев и разграбить факторию, и хотя ты так богат, что берешься наполнить пряностями наши корабли, – ничто не остановило бы меня предать тебя сотне смертей, если бы я мог это сделать.

Затем Васко да Гама приказал отправить мавра на его корабль и поджечь мавританское судно. Но не успели еще португальцы вызвать с мавританского судна своих товарищей, которые там грабили, как мавры, схватились за оружие и начали сражаться, как приговоренные к смерти, убивали одних и ранили других, заставив португальцев бросаться в море. Тогда мавры отрубили якорный канат, чтобы добраться до берега или продать свою жизнь подороже. Их окружили лодки с вооруженными людьми, и мавры, которых было более семисот, оказали сильное сопротивление. Они были храбрые воины и предпочитали погибнуть от мечей, чем сгореть живьем.

Франсиско Марекош, видя, что корабль мавров идет к его судну, приказал зацепить мавританский корабль канатом и подтянуть к португальскому судну. Но мавры бесстрашно бросились на abordаж и захватили бы португальское судно, если бы на помощь не поспешили лодки с воинами, перебившими мавров.

Капитан-командир приплыл сам на маленькой лодке, приказал всем своим людям покинуть мавританское судно и велел потопить его выстрелами да фальконетов. Так и сделали. Мавры плавали вокруг, а наши преследовали их на лодках и убивали копьями.

Случилось так, что мавр, плывший в воде, нашел в воде копье. Он поднялся над водой, насколько мог, и швырнул копье в лодку. Копье пронзило и убило одного матроса. Это г. оказалось мне замечательным случаем. Я записал его». [\[23\]](#)

По словам других португальских летописцев, участников второго плавания Васко да Гамы, на мавританском судне возвращались паломники из Мекки. Среди них было много женщин и детей. Когда португальцы подожгли корабль, «многие женщины метались, поднимая на руки своих маленьких детей и, протягивая их к нам, старались возбудить в нас жалость к этим невинным». [\[24\]](#)

Это был первый пример зверской расправы португальцев с неповинными моряками и пассажирами мавританских судов, расправы, соответствовавшей плану уничтожения мавританского мореплавания в Индийском океане. Позднее португальцы все чаще и чаще применяли такие расправы, справедливо вызывая к себе жгучую ненависть населения восточных стран.

Когда эскадра прибыла в Кананор, раскинувшийся на маленьком островке и близлежащем побережье, навстречу поспешили португальцы, оставленные Кабралем в индийском городе. Они сообщили адмиралу Индии, что дела идут успешно, торговля португальскими товарами и скупка пряностей дают большой барыш.

Васко да Гама посетил раджу Кананора – дряхлого семидесятилетнего старика – и его племянника – будущего наследника престола. Старик быстро утомился торжественным приемом, приветственными речами, обменом подарками, шумной музыкой и удалился во внутренние покои, оставив племянника и министров обсуждать дела с португальцами.

Васко да Гама договорился с кананорцами о постройке в Кананоре крупной фактории. Португальцы получали право возводить вокруг фактории укрепления и ставить пушки. Васко да Гама спешил покончить дела в Кананоре и скорее попасть, в Каликут. Он говорил: «Я тороплюсь в Каликут, чтобы передать Заморину богатые подарки за хороший прием, оказанный Кабралю в Каликуте».

Ночью, накануне отплытия из Кананора, на борту флагманского корабля собрались все капитаны и начальник фактории в Кананоре – Гонсало Жиль Барбоза. Адмирал велел Гонсало исподволь превращать факторию в базу для португальских кораблей в Индии; понемногу – чтобы не вызывать подозрений – скупать и запасать рис, сахар, мед, масло, кокосовые орехи, сушеную рыбу, плести канаты и веревки.

Затем он разделил эскадру на несколько частей и приказал капитанам крейсировать вдоль берегов Индии, захватывать, грабить и топить все корабли, кроме судов из Кананора, Кочина и Коилуна. Начальникам португальских факторий в этих городах адмирал приказал выдавать специальные документы, удостоверяющие, что судно идет из дружественного португальцам города.

Организовав пиратство в индийских водах, Дом Васко поспешил к Каликуту. 30 октября 1502 года португальцы подошли к городу.

Сначала Васко да Гаму ждало большое разочарование. Знакомая гавань была пуста. Жители Каликута уже знали о нападении португальцев на Батикала и о зверском уничтожении каликутского судна. Поэтому они поспешили спрятать свои корабли в устье реки, куда португальцам трудно было пробраться.

Даже каликутские рыбаки не доверяли больше ласковым заморским гостям и не рисковали показываться в гавани.

Еще в Кананоре адмирал получил два письма от Заморина. Позднее, когда корабли Дом Васко стояли уже в каликутской гавани, привезли еще два письма.

Заморин просил мира и обещал охранять имущество и жизнь португальцев. Кроме того, Заморин сообщал, что шлет 20 тысяч крусадо – в возмещение понесенных португальцами убытков, что он арестовал двенадцать мавров, зачинщиков нападения на португальскую факторию, и собирается передать их португальцам. Васко да Гама ответил издевательским письмом. Он требовал, чтобы Заморин возместил все убытки, понесенные португальцами при разграблении фактории; выдал ему виновников нападения и изгнал из своего города всех каирских и арабских мавров. В заключение он добавлял, что король Португалии может, если захочет, сделать повелителем Каликута любое пальмовое дерево.

Посланники португальского адмирала повезли письмо Заморину. Они ехали на конях Заморина по тем узким улицам, где несколько лет назад их приветствовала пестрая восточная толпа. Теперь на пути тоже было много людей, но вслед португальцам слышались одни проклятия. Лишь обнаженные мечи наиров удерживали толпу от нападения. Многие жители Каликута оплакивали своих близких, погибших на потопленном португальцами судне, и жаждали отомстить за их зверское убийство.

Прочитав письмо, повелитель Каликута понял, что португальский адмирал ищет ссоры. Но все же он вежливо ответил на его вызывающее письмо, прислав к Васко да Гаме своего жреца. Заморин писал, что не понимает, почему Васко да Гама настаивает на отмщении и на возмещении убытков, так как, захватив мавританское судно и уничтожив его экипаж, португальцы с лихвой возместили убытки и отомстили маврам. Согласиться же на требование Васко да Гамы

выселить из Каликута всех каирских и аравийских мусульман. Заморин не мог, так как в Каликуте жило около 4 тысяч арабов и египтян вместе с их родственниками и домочадцами – индийскими мусульманами. Выселение их нанесло бы смертельный удар Каликуту. Наконец, Заморин сообщал, что арестованные зачинщики предлагают за себя большой выкуп, и просил португальского адмирала его принять.

Получив письмо, Дом Васко прервал переговоры и открыл военные действия. Гаспар Корреа, всячески восхваляющий Васко да Гаму, невозмутимо рассказывает о страшных зверствах португальцев.

«Тогда он велел всем судам подойти ближе к берегу и весь день и всю ночь бомбардировал город, причинив, этим большие разрушения. Ой прекратил стрельбу лишь потому, что стрельба расшатала корпус португальских кораблей... Когда он это делал, в гавань вошли два больших корабля и двадцать две груженных рисом малабарских самбуки и лодки. Когда наши увидели их, за ними погнались каравеллы, и они не могли ускользнуть, так как были тяжело нагружены рисом... Шесть командиров самбук явились к капитану-командиру и заявили, что они из Кананора и назвали имя приказчика Рюи де Манданья и других португальцев. Капитан-командир был очень доволен и отпустил их. Зато он приказал разграбить шестнадцать самбук и два больших корабля... Затем капитан-командир приказал отрубить всем захваченным в плен руки, уши и носы и положить все это в маленькую лодку и туда же положить жреца, повесив ему на шею его отрубленные руки, нос и уши^[25] и письмо на пальмовом листе к Заморину, в котором он советовал сделать карри^[26] из того, что привезет ему жрец. Когда так поступили со всеми индусами, он приказал связать их ноги вместе. У них не было рук, чтобы развязаться, а

чтобы они не развязались зубами, он приказал выбить им зубы клепками от бочек, и они забили им зубы в глотки. Потом их навалили на корабль друг на друга вперемежку с их кровью. Сверху он велел покрыть их циновками и пальмовыми листьями и, подняв паруса, пустить корабль по ветру к берегу, а сам приказал стрелять по нему. Там было более восьмисот мавров. Маленькую лодку, где был жрец и все уши и руки, он тоже приказал послать под парусами к берегу, а по ней запретил стрелять. Корабли эти быстро добрались до берега, и там толпа начала спасать из огня тех, кто был еще живым, громко оплакивая их». [\[27\]](#)

Но даже эта невиданная жестокость не удовлетворила Васко да Гаму. Он велел казнить тридцать пленных – уроженцев Каликута, дожидаться прилива и бросить в море лишённые рук, ног и голов тела, чтобы прилив принес их к стенам Каликута. На некоторых телах он приказал привязать записки, в них говорилось: «Хотя казненные не были повинны в гибели португальцев, все же с ними расправились так потому, что они – жители Каликута. Зачинщики измены пусть ждут еще более жестокой мести».

...Всю ночь по берегу передвигались огоньки. Жены и матери казненных разыскивали, пытаясь опознать, приносимые прибоем обезображенные тела.

Во всех этих омерзительных расправах, навеки запятнавших память о Васко да Гаме, поражает сочетание самого разнузданного и вместе с тем методического садизма с холодным расчетом. Изощренно издеваясь над неповинными моряками, подвергая их гнуснейшим пыткам и оскорблениям, живьем сжигая женщин и детей, адмирал Индии ни на шаг не отходил от своей цели – сокрушить мусульманское мореплавание в Индийском океане любыми средствами.

Во время этих диких зверств произошел очень характерный для Васко да Гамы случай. Некоторых пленных моряков он приказал повесить за ноги на мачтах их кораблей и потом расстрелять из арбалетов. Португальский офицер, которому было приказано это сделать, внезапно остановил солдат, начавших уже привязывать к ногам индусов веревки, и поспешил к Васко да Гаме.

– Что вы медлите? – спросил грозный адмирал.

– Светлейший господин, они говорят, что они христиане – те самые настоящие индийские христиане, которых мы тщетно ищем по всему индийскому побережью, – ответил португалец.

И в самом деле, – это были индийские христиане – остаток некогда значительной христианской общины, основанной в Индии много веков назад сирийскими миссионерами. О них говорили все старинные описания Индии. Официальной целью первого плавания Васко да Гамы являлись как раз поиски этих христиан. Тогда португальцы, ища союзников в Индии, готовы были считать христианами всех немусульман. Теперь, наконец, они наткнулись на настоящих единоверцев. Васко да Гама подумал немного и сказал:

– Приказа своего менять не буду. Если это христиане, пусть священник исповедует их перед смертью. Иди выполняй повеление.

Священник благословил моряков, и португальцы, подвесив пленных за ноги на мачтах, расстреляли из арбалетов людей, на поиски которых шестьдесят лет посылались португальские корабли.

Васко да Гама очень хорошо умел подчинять свою религиозную нетерпимость политическим целям: был лучшим другом мавра – султана Мелинди, воевал с индуистом Заморином и в данном случае подвергал позорной казни христиан-моряков лишь за то, что они плыли по Индийскому океану так, как плавали их деды

и прадеды, и этим, сами того не ведая, нарушили его волю.

...Пора было покидать Каликут, хотя Заморин не был сломлен. Напротив, зверства португальцев только озлобили жителей Каликута.

Через два дня адмирал еще раз обстрелял охваченный ужасом и ненавистью город, поджег взятые в плен корабли и отплыл в Кочин. Он послал вперед на легких каравеллах Висенте Содре. Когда паруса каравелл Содре еле виднелись на горизонте, к флагманскому кораблю подплыла индусская лодка с четырехугольным парусом. На борт поднялся гонец от раджи Кананора. Старый раджа жаловался, что богатый мусульманский торговец Ходжа Мехмед Маркар, нагрузив корабли товарами, не платит ни владельцам товаров, ни пошлин ему, радже. Раджа просил «повелителей морей», португальцев, навести порядок и заставить дерзкого мавра уплатить долги.

Васко да Гама был очень доволен. Португальцы становились подлинными владыками морей и вершителями правосудия на индийских берегах. Такой случай нельзя было упускать. Быстро набросав несколько слов на обороте письма раджи, он показал послам Кананора на белевшие вдали паруса каравелл Висенте Содре и сказал:

– Догони его и передай это письмо. Он накажет мавра и водворит справедливость.

Быстрая индусская лодка скоро нагнала каравеллы. Висенте Содре круто изменил курс и пошел к Кананору. Около островка, где были расположены склады кананорских купцов, стояло готовое к отплытию арабское судно. На португальский корабль явились советники старого раджи. Висенте Содре сказал им:

– Я сожгу или потоплю корабль вместе с командой.

– Не делай этого, – поспешно промолвил старый советник, седой и высохший индус. – Пусть не говорят в

других странах, что плавать в Кананор опасно, что португальцы по просьбе нас, кананорцев, сжигают или пускают ко дну купеческие корабли. Напугай его, и он все уплатит.

Позвали Ходжа Мехмед Маркара. Гордый холеный мавр поднялся на палубу. Висенте Содре произнес длинную речь о том, что купец – не вор, купец должен быть честным, должен платить долги. Мавр выслушал его молча, потом сказал:

– Ты силен. Я исполню твою волю, – и покинул корабль.

К следующему утру на корабль Содре привезли расписки, свидетельствующие о том, что купец расплатился со всеми долгами. «Пусть плывет с миром», решил Содре. Но в это время португальцу передали, будто бы мавр всячески поносил раджу и заявил, что если бы не португальцы, жители Кананора не дождались бы от него уплаты долгов.

Висенте Содре послал за советниками раджи и велел мавританскому купцу приехать снова.

– Он все уплатил, он ничего не должен, пусть едет, – твердили встревоженные советники раджи. Ходжа Мехмед Маркар был одним из самых влиятельных купцов на всем Малабарском побережье, и кананорцы начинали уже жалеть, что обратились за помощью к португальцам, таким рьяным ревнителям справедливости.

– Он оскорбил раджу Кананора – друга португальцев, и будет жестоко наказан, – решил Содре.

Несмотря на просьбы индусов, с мавра содрали одежду. Содре приказал двум неграм-рабам бить его плетью по животу и спине, измазать рот грязью и, привязав к его рту кусок свинины, продержать два часа под раскаленными солнечными лучами. После этого он позволил соотечественникам мавра забрать его и отплыть из Кананора.

Ходжа Мехмед Маркар стал непримиримым врагом португальцев и всегда искал случая отомстить за оскорбление, нанесенное ему Содре. В 1508 году он добился присылки в Индийский океан мощного турецко-египетского флота под командой Мир Хуссейна. На реке Чаул Мир Хуссейн неожиданно напал на португальцев и разбил их; в бою погиб единственный сын португальского вице-короля Дом Лоренсо д'Альмейда. Так Ходжа Мехмед Маркар отомстил своим врагам.

В Кочине Васко да Гама заключил с раджей выгодное для португальцев торговое соглашение, потратив много времени на сличение португальских гирь с индийскими и определение соотношения между португальской и индийской монетами.

Когда Васко да Гама находился в Кочине, он получил письмо от рани Коилуна.^[28]

Коилун славился своим высококачественным перцем. Обычно товары из Коилуна вывозились за море через Кочин, причем раджа Кочина получал от этой транзитной торговли большие доходы.

Теперь рани Коилуна, решив наладить торговлю с португальцами, минуя посредников, приглашала португальского адмирала прибыть в Коилун и заключить такой договор, как и в Кочине.

Сначала Дом Васко не знал, как поступить. В Коилуне пряности были дешевле, чем в Кочине, да к тому же Дом Васко всегда опасался попасть в зависимость от одной базы или от одного источника вывоза пряностей. Соблазн заключить соглашение с рани Коилуна был очень велик.

По только что заключенному с раджей Кочина договору португальцы обязались в Южной Индии покупать пряности только в Кочине. Было ясно, что раджа Кочина не захочет отказаться от сулившей ему большие доходы посреднической торговли. Тогда

адмирал Индии пошел на очередную хитрость. Он написал рани Коилуна, что не в обычае португальцев нарушать договоры и в чем-либо допускать ложь и обман; поэтому он просил рани добиться от раджи Кочина разрешения торговать с португальцами. В то же время он очень искусно, исподволь уверил раджу Кочина, что португальцы не хотят распылять корабли и людей и не собираются строить фактории в Коилуне, даже если раджа Кочина им это разрешит.

Следуя правилам восточной вежливости, раджа Кочина согласился на просьбу рани, будучи глубоко уверен, что разрешение это не повлечет никаких последствий, так как португальцы и не помышляют об учреждении факторий в Коилуне. Этого только и добивался адмирал. Приличия были соблюдены, и он мог с чистой совестью строить факторию в Коилуне.

Во время переговоров в факториях шла бойкая торговля, трюмы кораблей наполнялись пряностями.

Когда Васко да Гама был в Кочине, к нему прибыла делегация от индийских христиан, подданных раджи Кочина. Они слышали, что у индийских берегов появились корабли из христианской страны и что капитан! кораблей ищет индийские христиан. Послы просили у адмирала защиты от притеснения мусульман и язычников.

Рассказ индийских христиан несколько не заинтересовал Васко да Гаму. Если португальцы станут защищать их, они поссорятся с раджей Кочина. Кроме того, Васко да Гама был озабочен более серьезными делами – подготовкой обратного плавания и устройством факторий. Ему было некогда. Вновь обретенным единоверцам он сказал холодно и надменно, что спешит в Португалию и там доложит королю об их просьбе.

Однажды вечером Васко да Гаму спешно позвали во дворец. Встревоженный раджа Кочина передал ему

донесение кочинских шпионов из Каликута: Заморин вместе с богатыми мавританскими купцами собрал боевой флот и готовится напасть из португальцев. На другое утро к командиру привели посланца из Каликута. Заморин еще раз предлагал мир. Но Васко да Гама заподозрил, что брамин, передавший письмо, – соглядатай, подосланный Заморином. Под пыткой брамин признался, что он шпион. Тогда адмирал приказал отрезать ему уши и губы, пришить собачьи уши и в таком виде отослать в Каликут.

Последние дни, проведенные в Кочине, прошли в больших хлопотах. Васко да Гама готовил флот к обратному плаванию и еще раз давал наставления начальнику фактории. Адмирал оставлял в Индийском океане восемь каравелл под командой Висенте Содре – первую постоянную эскадру европейцев в восточных водах. Содре должен был защищать, в случае опасности, португальские фактории и захватывать мавританские корабли.

Эскадра адмирала прошла Каликут ночью. Но когда рассвело, показался флот Заморина. Начался неравный бой. У португальцев была мощная артиллерия и более совершенные корабли. Пушки португальцев сокрушили главную мачту на большом мавританском судне. Она обрушилась с грохотом на палубу, перебив и изранив многих бойцов. Но когда расстояние между врагами сократилось, град стрел засыпал португальцев. Малабарские лучники с их громадными, в полтора человеческого роста, луками причиняли португальцам большой урон.

– Готовься к abordажу! – крикнул с кормы флагманского корабля Васко да Гама.

«Сао Херонимо» и главный корабль Заморина быстро приближались друг к другу. Мавры спустили паруса и шли на веслах. Слышалась жалобная песня

прикованных к веслам рабов, крики надсмотрщиков и хлопанье бичей...

Португальцы отбросили арбалеты и копья и взялись за мечи, абордажные крючья и топоры. С треском столкнулись суда. От толчка многие попадали на палубу. Португальцы бросились на абордаж. Их встретили отборные воины Заморина – наиры. Бойцы Заморина перед сражением заранее надели богатые украшения, чтобы явиться на тот свет во всем великолепии. Они самоотверженно защищали свой корабль, не раз отбрасывая португальцев; в трюме цырюльника стонало много раненых. Но закованные в латы португальцы одержали верх. Воины Заморина дрогнули.

– За Португалию! – крикнул Васко да Гама. Другие корабли Заморина были далеко отогнаны огнем португальских пушек и не могли помочь обреченному судну. Началась бойня. Индусы и мавры яростно защищались во всех уголках своего корабля. Когда последний защитник большого корабля и трех маленьких барок был убит, а остальной флот Заморина скрылся в устье реки, начался грабеж. В каютах португальцы нашли богатые ткани, золото и серебро и много спрятавшихся женщин. Дом Васко выбрал десять самых красивых женщин, чтобы подарить королеве португальской. Остальных он роздал офицерам и солдатам.

С факелами шарили португальцы по темному трюму корабля. В одной из каморок из тьмы выплыло страшное улыбающееся лицо. Золотая многорукая богиня с ожерельем из маленьких золотых черепов плясала на спине черепахи. Этого идола Васко да Гама также приказал сберечь для короля Маноеля. Когда грабеж кончился, португальцы подожгли Поврежденный корабль, и эскадра поплыла к Кананору. В Кананоре адмирал Индии отдал последние распоряжения Висенте

Содре и начальнику фактории. Раджа Кананора позволил португальцам окружить факторию каменной стеной и поставить на углах пушки. Так португальцы исподволь создали в Кананоре небольшую крепость.

28 декабря 1502 года эскадра адмирала Индии покинула Кананор.

Дул попутный ветер, и даже тяжело нагруженные корабли легко бежали через Индийский океан. Васко да Гама хорошо снарядил свои суда в Индии. Поэтому по пути в Португалию он останавливался лишь в Мозамбике и в двух местах Южной Африки, чтобы пополнить запасы пресной воды.

1 сентября 1503 года флот Васко да Гамы вошел в устье Тахо. Родные места сильно изменились. Начинало сказываться открытие морского пути в Индию. Устье реки сильно оживилось. Одновременно с эскадрой адмирала Индии в устье Тахо вошли три фламандских корабля с грузом сукон, зеркал и гобеленов, две каравеллы из Сао Жорже да Мина, две фелюги из Орана, груженные коврами, и легкий, изящный венецианский корабль «Аннунсиата», пришедший за пряностями. На берегах строились склады, верфи и лавки. На новой набережной толпились торговцы.

Лиссабон становился мировым портом.

НА ПОКОЕ

По мнению короля Манозля, второе плавание Васко да Гамы прошло не менее удачно, чем первое. Если тогда Васко да Гама открыл морской путь в Индию, то теперь он расправился с мусульманами – соперниками португальцев, навел на них страх и положил начало португальскому господству в Индийском океане.

Кроме того, Васко да Гама привез большую добычу, – выкуп, полученный в Килоа, подарки индусских и африканских царьков, королевскую долю в имуществе, награбленном во время пиратских «подвигов» в Индийском океане.

Наконец трюмы кораблей адмирала Индии были полны пряностями, красителями, ароматичными веществами и другими ценными товарами.

Король принял мореплавателей милостиво. Он приказал, чтобы с 1 января 1504 года адмиралу Индии платили ежегодно по 400 тысяч рейс пенсии.

Васко да Гама.

Вскоре по возвращении из второго плавания в Индию Васко да Гама женился на девушке из родовитой и влиятельной семьи. Добытые в Индии сокровища и королевская пенсия сделали его очень богатым человеком. Венецианский посланник в Лиссабоне писал в 1502 году, что во всей Португалии только шесть знатнейших дворян и семь князей церкви богаче адмирала Индии. Венецианец добавлял также, что Васко да Гама «обладает очень вспыльчивым характером и не выражает никакой благодарности за те милости, которыми его осыпают».

Адмирал Индии снова был недоволен королем Мануэлем. Васко да Гама считал, что он обойден и обижен. Вернувшись из Индии, он выяснил, что дело с передачей Синежа находится в прежнем положении. Нетерпеливый мореплаватель решил действовать явочным порядком.

В осенний ветреный день он явился в родной Синеж. Белый городок изменился мало. Все так же почти все

мужчины города уходили в море за рыбой, все так же в бурную погоду стояли на краю обрыва над морем женщины и вглядывались в туманную даль; все так же пахло рыбой и мокрыми сетями на берегу, и попрежнему спорили и сплетничали старухи у каменного колодца.

И все же открытие Индии внесло некоторые изменения даже сюда, в заброшенный рыбацкий Синеж. Кормильцы многих семей служили в королевском флоте и плавали в дальних неведомых морях, завоеывая для короля Манозля славу и могущество. Некоторые вернулись на родину и хвастались заморскими кинжалами, мавританскими серьгами и рубцами от ран, полученными в морских сражениях. Многие женщины в черном каждую субботу ходили в приземистую старинную церковь и ставили свечи за упокой души моряков, утонувших у мыса Доброй Надежды, убитых в боях с маврами или скошенных где-то за морем лихорадкой и цынгой.

В городке появились новые товары. В саду соседнего монастыря высаживали в грунт первые апельсиновые деревья, ввезенные тогда из Азии; городские модницы щеголяли в индийских тканях, и бывалые люди говорили на площади не только о рыбе, и погоде, но и о дальних плаваниях, ценах на африканских рабов и перец, выгодах и невзгодах службы в королевском флоте.

Васко да Гама приехал в Синеж с женой и двумя детьми, родственниками, домочадцами, слугами и рабами. Из Лиссабона в Синеж потянулись возы с богатой утварью, мебелью, одеждами, коврами адмирала Индии. Он поселился сначала в отчем доме; но когда-то просторный дом, где Васко да Гама провел детство, показался тесным. Да и не пристало адмиралу Индии, сеньору Синежа, жить в низком белом доме на тихой, заросшей травой улочке. Васко да Гама решил

построить дворец, достойный его заслуг и славы. И здесь, как и во всех случаях, он не стал откладывать своих намерений. На краю города над морем он облюбовал пустырь. Когда-то там было мавританское кладбище с маленькой мечетью. Потом новые завоеватели превратили мечеть в часовню, старательно выкопали и разбили арабские могильные плиты.

Король давно уже отдал бывшее кладбище ордену Сао Тьяго; но место это считалось нечистым, и монахи забросили его. Залитый солнцем, наполненный щебнем от разбитых надгробных плит, пустырь постепенно зарос колючим кустарником и диким виноградом. Он сделался прибежищем бродячих кошек и коз и любимым местопребыванием мальчишек Синежа, игравших здесь в осаду Сеуты, битву при Альжубаротте и в открытие Индии.

Васко да Гама считал, что, хотя официальная передача Синежа еще не состоялась, королевская грамота дает ему право считать себя полновластным властелином родного города. Поэтому, не спрашивая разрешения, он начал стройку на приглянувшемся месте. Купленные на лиссабонском рынке гвинейские негры-рабы под присмотром отставных моряков, спутников Васко да Гамы по плаваниям, корчевали кусты, очищали землю от щебня, тесали камни. Не довольствуясь этим, Васко да Гама, как и подобало настоящему сеньору, решил использовать труд своих «подданных». Он приказал, чтобы раз в неделю все рыбацкие лодки перевозили грузы для строившегося дворца – известь, камень, лес и продовольствие для рабов, занятых на постройке.

Наконец, не ожидая, пока сборщики податей, назначенные королем и орденом, соберут деньги, он отдал распоряжение своим приказчикам самим собирать налоги и десятину.

– Все равно из этих денег платится часть моей пенсии, – говорил он. – Я не хочу мириться с тем, что эти крючкотворы и казнокрады соберут деньги, увезут в Лиссабон, а потом известят меня, что налоги поступали плохо, и я должен повременить с получением пенсии.

Дом Луис да Наронья, назначенный орденом правитель Синежа, был совсем запуган адмиралом Индии. Правитель Синежа делал вид, что не замечает самоуправства Васко да Гамы, старался не попадать в ту часть города, где строился дворец, а потом, совсем перетрусив, сказался больным и лег в постель.

Но действия Васко да Гамы не на шутку рассердили лиссабонских заправил ордена. На адмирала Индии посыпались жалобы. Командор ордена употребил все свое влияние при дворе и добился изгнания Дом Васко из Синежа.

В конце марта 1507 года в Синеж прибыл казначей ордена Сао Тьяго – родной дядя адмирала Индии, Жоао да Гама. Приезжий, высокий и важный старик, не остановился в доме племянника, а проехал в дом Луиса да Наронья. Сначала Жоао да Гама предложил правителю Синежа передать адмиралу Индии волю короля. Но правитель Синежа так растерялся, что старик решил сам посетить племянника.

На другой день после приезда он нанес визит знаменитому мореплавателю. После приветствий и расспросов о родственниках Жоао да Гама протянул Дом Васко письмо, подписанное секретарем короля. Король предлагал адмиралу Индии в течение тридцати дней покинуть город Синеж вместе с женой и домочадцами, с тем чтобы ни он, ни жена его, ни домочадцы впредь не въезжали в город или его окрестности без разрешения командора Сао Тьяго. Если кто-либо из них въедет в город, он уплатит штраф в размере 500 крусадо, а кроме того, подвергнется тем наказаниям, которые полагаются за невыполнение волн

короля. В конце письма король Манозель приписал, что тому же наказанию будет подвергнут и сам Заско да Гама, если он не прекратит строительство в Синеже.

Васко да Гама кончил читать. Кровь хлынула ему в лицо. Он тяжело дышал. Оба молчали. Наконец казначей ордена спросил племянника:

– Что же передать в Лиссабоне? – Скажи, что я выполню волю короля, – медленно промолвил адмирал Индии.

Через три недели Васко да Гама со всем семейством навсегда покинул родной Синеж и переселился в Эвуру. Эвура была знатным городом. На лето туда приезжал король, а с ним перекочевывал из Лиссабона и весь двор. Тогда в Эвуре устраивались празднества и приемы, гремели турниры, совершались торжественные богослужения.

В Эвуре адмирал Индии обосновался прочно. Он построил себе дворец на одной из главных улиц. Дворец этот вызывал изумление всех современников. Вопреки старым обычаям, заимствованным у мавров, Васко да Гама приказал разрисовать наружный фасад своего дворца сценами из индийской жизни, изображениями слонов, обезьян и тигров, силуэтами пальм и платанов. Дворец так выделялся среди других зданий Эвуры, что от него получила название даже улица, где он находился. До сих пор ее зовут «Улица раскрашенного дома», хотя святейшая инквизиция, которой потомки адмирала Индии продали дворец, содрала с фасада все украшения.

На «Улице раскрашенного дома» адмирал Индии зажил жизнью богатого и знатного сеньора. В дни церковных праздников Дом Васко с супругой, шестью детьми, свитой родичей и прихлебателей чинно направлялся в старинный собор. Он не пропускал боев быков, считался большим знатоком оружия и с

удовольствием присутствовал на всевозможных турнирах.

Герб Васко да Гамы.

В большие праздники – на рождество, двенадцатую ночь, день всех святых – во дворец адмирала Индии приходила бродячая труппа комедиантов.

Завесив коврами и пестрыми тряпками часть галлерей внутреннего двора, комедианты показывали веселые и печальные «действия», сочиненные придворным актером и поэтом Жилем Висенте. Актеры разыгрывали мрачные и торжественные церковные представления вроде «действия о мудрых королях», представляли брызжущие смехом и солеными остротами сцены о невежественных, но самонадеянных

докторах, о сутягах, обманутых стряпчими, и о ловком школяре, быстро излечившем от черной меланхолии хорошенькую жену мельника.

Под аккомпанемент лютни актер пел старинные песни о Сиде-кампеадоре, о мавританских воинах, об осаде Танжера и приключениях Амадиса Гальского.

Часто кавалькада всадников направлялась за город. Адмирал Индии с родственниками и друзьями ехал в свои имения, расположенные на лесистых нагорьях Синтры. По склонам стояли сосновые леса, раскинулись оливковые сады, подернутые серебристой дымкой, зеленые рощи пробкового дуба и ровные ряды виноградников. На холмах торчали бурые, заросшие плющом и диким виноградником развалины – памятники мавританских войн. В узких долинах прятались деревушки: белые и голубые дома с черепичными кровлями, темные кипарисы на сельском кладбище, высокая колокольня, окруженная густым церковным садом.

Вдали простирались темносиние вершины Синтры. Там были охотничьи угодья адмирала Индии. Кавалькада проносилась сюда по горной дороге, обдавая пылью встречных пастухов с овечьими стадами, крестьянские телеги, запряженные волами и, маленьких осликов, нагруженных хворостом.

В горных угодьях охотились на волков, медведей и серн, состязались в благородном, достойном фидальго, искусстве фехтования и стрельбы из лука.

Когда король приезжал в Эвуру, Дом Васко присутствовал на всех приемах, пирах и развлечениях, хотя попрежнему был недоволен королем. Он не мог забыть позорного изгнания из Синежа, несмотря на то, что король старался загладить свою вину.

Еще в ноябре 1508 года король просил Луиса д'Арка передать адмиралу Индии свои права на губернаторство в городе и округе Вильяфранка де

Кейра. Но и здесь адмиралу Индии не повезло. Д'Арка сделал вид, что соглашается, но потом начались всевозможные проволочки и юридические споры. Дело затянулось, и Дом Васко стало ясно, что из этого ничего не выйдет.

Недовольный адмирал Индии снова напомнил о себе королю. Манозель очень нуждался в Дом Васко. Всякий раз, когда дело касалось заморских владений Португалии, король вынужден был призывать к себе адмирала Индии и советоваться с ним. Манозель пытался умерить недовольство Васко да Гамы новыми подачками и привилегиями, приказывал судьям Сао Тьяго де Касем, Синежа и Вильянова да Мильфонеш содействовать во всем приказчикам Васко да Гамы, собиравшим десятину. В июне 1513 года король разрешил Дом Васко посылать в Индию своих уполномоченных для торговли и привозить беспошлинно закупленные в Индии товары.

Но адмирал Индии был достаточно богат, и теперь с обычным упорством добивался от короля обещанных земельных пожалований и званий.

Никто еще не вел себя с королем Манозелем так, как дерзкий, вечно недовольный, вечно ворчливый адмирал Индии. Но Манозелю приходилось терпеть. Он знал, что старый мореплаватель – один из самых верных и самых ценных его приближенных.

Не получая обещанного, Васко да Гама решил пойти на крайний шаг. В августе 1518 года он послал королю письмо, в котором напоминал, что титула графа, обещанного ему еще восемнадцать лет назад, он до сих пор не получил и, как видно, не получит. Король, очевидно, не нуждается в его услугах, не дает ему никаких поручений и не посылает в плавания. Поэтому адмирал Индии просил разрешения покинуть Португалию и перебраться в Испанию.

Письмо это заставило Мануэля серьезно задуматься. Совсем недавно Мануэль поссорился с одним из лучших своих моряков, Фернао Магальяйс, и жестоко обидел его. Разгневанный Магальяйс эмигрировал в Испанию и принял там кастильское подданство. Даже имя свое он переделал на испанский лад и стал называться Фернандо Магеллан. Теперь агенты короли Мануэля доносили, что Магеллан готовит экспедицию в страну пряностей, причем хочет проникнуть туда не вокруг Африки, как плавали португальцы, а с запада, из новых испанских колоний. Правда, агенты короля Мануэля не жалели ни средств, ни сил, чтобы сорвать снаряжавшуюся экспедицию. Они готовили убийство Магеллана, натравили на него уличную толпу в Севилье, подкупом и интригой добивались замедления подготовки эскадры; их наемники поставляли Магеллану испорченные продукты и гнилые снасти. Но если Магеллан все же прорвется в море и доберется до «Островов пряностей» с запада, португальская монополия, купленная ценою стольких усилий и крови, рухнет. Теперь еще один мореплаватель хотел покинуть Мануэля. Отъезд Васко да Гамы вызвал бы скандал по всей Европе. Надо было задержать старого адмирала в Португалии, и король написал Васко да Гаме:

«Дорогой адмирал, мы приказываем вам остаться в нашем королевстве до конца декабря этого года, и мы надеемся, что за это время вы увидите, какую ошибку вы хотели совершить, и пожелаете и впредь служить нам и не вступать на задуманный вами опасный путь. Но если вы и тогда захотите уехать, мы не будем задерживать ни вас, ни жену, ни детей ваших, ни вашего движимого имущества.

Дано в Лиссабоне. 17 августа 1518 года.

Король».

Теперь король Мануэль предпринял спешные шаги. Он уговорил своего племянника Дом Хаиме, герцога

Браганца и Гийомар, обменять пенсию Васко да Гамы на принадлежавший Дом Хаиме титул графа Видигейра и на все земельные участки плодородного графства Видигейра, находившегося недалеко от Эвур.

На этот раз дело шло необычайно быстро, и уже в декабре 1519 года адмиралу Индии был торжественно пожалован титул графа Видигейра.

Но, награждая адмирала Индии привилегиями и пенсиями, даруя ему титулы и часто прибегая к его советам, король Мануэл не думал больше посылать старого моряка в Индию.

С Васко да Гамой повторилось то, что случилось с Бартоломеу Диашем и Кабралем. Его тоже заставляли томиться в бездействии.

Король считал, что старый адмирал и так уж слишком возомнил о себе и чересчур настойчиво требует награды, всюду напоминает о своих заслугах, не стесняясь, критикует состояние дел в Индии и даже распоряжения самого короля Мануэля. И король предпочитал обходиться без адмирала Индии.

Между тем индийские дела все чаще привлекали внимание Мануэля и заставляли его отрываться от сложных комбинаций, искусных интриг и от большой игры, которую он вел много лет, чтобы объединить под своей властью весь Пиренейский полуостров.

СОЗДАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ

Когда флот Васко да Гамы покинул индийские воды, Заморин Каликута решил, что настало время отомстить португальцам. Он предложил радже Кочина выдать португальцев, оставленных Васко да Гамой в фактории. Раджа отказался. Тогда Заморин с пятидесятитысячным войском обрушился на Кочин, разбил армию раджи и взял город. Раджа с остатками армии и португальцами бежал на маленький остров в океане.

– Но уже в апреле 1503 года у индийских берегов появился новый португальский флот. В числе его командиров были Афонсо д'Альбукерк и Дуарте Пашеко Перейра – два человека, которым суждено было прославиться в Индии.

Появление португальских кораблей так напугало войска Заморина, что они без боя покинули Кочин. Португальцы вернулись в Кочин, усмирили непокорных вассалов раджи и с разрешения раджи построили в Кочине форт. Камня под рукой не было, португальцы соорудили мощные палисады с башнями по углам. В Кочине остался Пашеко Перейра, а д'Альбукерк вернулся на родину.

После его отъезда Заморин в союзе с другими князьями Малабарского побережья и отрядами моплахов снова осадил Кочин. Он напал на португальцев с суши, где собрал 46 тысяч бойцов, и с моря, откуда португальцам угрожал флот в 280 кораблей.

Но Пашеко Перейра и сто португальцев кочинского гарнизона, а также войска Кочина проявили поразительную храбрость и изобретательность.

Отражая яростные атаки войск Заморина на форт, они ухитрялись делать смелые вылазки, неожиданно появлялись в тылу врагов и наносили им ответные удары. Позднее к Кочину подошли суда португальской эскадры, крейсировавшей в море, и Заморину пришлось ограничиться осадой Кочина с суши. После пятимесячных боев Заморин принужден был снять осаду и возвратиться в Каликут.

Защита Кочина показала всю силу и слабость португальцев в Индии. Дисциплинированные, прекрасно вооруженные, закованные в латы, снабженные мощными быстроходными кораблями, португальцы могли побеждать своих многочисленных врагов. Но отсутствие устойчивой базы делало португальскую торговлю, да и самое могущество португальцев в Индии, зависимыми прежде всего от флота.

Пока флот находился в Индийском океане, португальцы были почти непобедимы, но когда флот возвращался на родину, ставились под угрозу не только все позиции, захваченные португальцами, но и самая их жизнь. В Индии необходимо было создать постоянный флот и армию и прежде всего упорядочить управление португальскими силами, чтобы не приходилось каждый раз посылать на Восток новую эскадру с новым командиром.

По совету Васко да Гамы, король Мануэль учредил звание вице-короля Индии. Вице-король посылался в Индию на три года. К востоку от мыса Доброй Надежды его слово было законом.

Первым вице-королем был назначен Франсиско д'Альмейда.

Отплытие его в Индию было ускорено непредвиденным обстоятельством. Арабские купцы, торговавшие с Индией, стали жаловаться турецкому султану на насилия португальцев.

Турки уже почувствовали, как быстро отозвалось появление португальцев в Индии на резком снижении доходов Турции и Египта от торговли пряностями. Поэтому турецкий султан пригрозил, что если бесчинства португальцев не прекратятся, он прикажет разрушить христианские «святыни» в Иерусалиме, в Вифлееме и на Синае. Настоятель одного из крупнейших синайских монастырей отправился к папе, чтобы просить воздействовать на португальцев.

Но король Мануэль, всюду прикидывавшийся «защитником христианства», относился к судьбам палестинских «святынь» совершенно равнодушно. Он поспешил отправить на Восток новые войска, не дожидаясь нежелательного вмешательства папы.

Были приняты меры, чтобы ускорить снаряжение эскадры д'Альмейды. Он отплыл из Португалии в марте 1505 года с двадцатью двумя кораблями. Половине их предстояло возвратиться обратно с индийскими товарами, а остальные одиннадцать оставались в Индийском океане в распоряжении вице-короля. Помимо матросов, на кораблях ехали 1 500 бойцов.

Уже на африканском побережье д'Альмейда начал проводить в жизнь планы Дом Васко. Ловко вмешавшись в династические распри в Килоа, он изгнал одного эмира и посадил другого, и от своего ставленника добился права соорудить в Килоа форт. Д'Альмейда построил на острове Килоа хорошо укрепленную крепость, оставил там 550 человек гарнизона, бригантину, каравеллу и поплыл к Момбассе.

Момбасские власти попытались не допустить высадки португальцев; тогда д'Альмейда напал на Момбассу и сжег город до основания. Были построены еще форты в Мозамбика и Софале.

Так португальцы закрепляли свое влияние на африканском побережье. В Мелинди и Софале правили дружественные португальцам царьки, Момбасса была

разрушена, а в Килоа сидел португальский гарнизон. Д'Альмейда пересек Индийский океан и соорудил форт на острове Анжедива. Потом он поспешил в Кочин, который избрал местопребыванием португальских властей в Индии. В Кочине д'Альмейда короновал специально привезенной из Португалии золотой короной молодого раджу, наследовавшего старику, другу португальцев.

Из Кочина д'Альмейда начал исподволь укреплять португальское могущество в Индии. Он вступил в переговоры с раджой самого сильного южноиндийского царства Вижайянагар и послал экспедицию на юг в поиски Маледивских островов. Португальцы не нашли Маледивских островов, но зато случайно открыли дорогу на Цейлон, откуда мавры привозили корицу.

Создав несколько укрепленных пунктов на западном и восточном побережьях Индийского океана, д'Альмейда решил, что увлекаться захватом новых территорий не следует. Выше всего он ставил могущество на море и думал, что захваченные земли только отвлекут внимание и силы португальцев от их прямой задачи – укрепления господства на море. Он советовал королю Манозю заключить союзы с индусами против мусульман и охотно пользовался услугами индусского пирата Тиможа, про которого д'Альбукерк говорил, что он «возвысился от пиратства до высоких почестей».

Д'Альмейда писал Манозю, что португальцам следует наладить прежде всего торговлю самыми прибыльными товарами – перцем, рабынями, шелком, конями – и заканчивал письмо следующим советом: «Морское могущество превыше всего. Избегайте захвата новых земель, не стройте новых крепостей, кроме тех случаев, когда это совершенно необходимо для защиты ваших факторий от внезапного нападения. Мы не можем тратить на это наших моряков».

Закрепление португальцев в Индийском океане уже начало сказываться на восточной торговле пряностями. Португальцы беспощадно топили груженные пряностями корабли, шедшие из Индии в Красное море и Персидский залив. Подвоз пряностей в порты Леванта сильно сократился. С другой стороны, на лиссабонский рынок стало поступать все больше и больше индусских товаров, и цены на них сразу резко упали.

Больше всего от нового морского пути из Европы в Индию страдали Египет и Венеция. Естественно, что мусульманские владыки Египта и христианнейшая сеньория Венеции скоро нашли общий язык в борьбе против новых конкурентов в Индии.

На решение египетского султана повлияли и неоднократные просьбы о помощи индийских мусульман.

В египетских портах Красного моря начали строить огромный флот. Большую помощь египтянам оказала Турция, в то время самая мощная морская держава Средиземноморья. Турки прислали в Египет моряков и командиров, корабельных дел мастеров и бойцов.

Венеция тоже поспешила помочь египетскому султану в подготовке эскадры против португальцев. Венецианские галионы и каравеллы везли в египетские порты лучший корабельный лес Далматинского побережья и то, чего более всего не хватало египтянам, – пушки и снаряды. На венецианских кораблях прибыли в Египет судостроители, пушкар и мореходы. Они обучали египтян строительству кораблей, искусству стрельбы и кораблевождению.

В 1508 году египетский флот под начальством Мир Хуссейна покинул Суэц и двинулся на юг по Красному морю. Под Чаулом Мир Хуссейн внезапно напал на португальскую эскадру и разбил португальцев. В бою погиб командир эскадры – единственный сын вице-короля – Дом Лоренсо д'Альмейда.

После победы Мир Хуссайна под Чаулом владычество португальцев в Индийском океане, казалось, висело на волоске. К победителю присоединились Заморин Каликута, правитель Диу – Малик Айяз и властители многих городов Малабарского побережья.

Узнав о поражении португальцев и гибели сына, старый вице-король бросился навстречу египтянам.

2 февраля 1509 года португальцы подошли к Диу, где Мир Хуссайд и Малик Айяз собрали 200 кораблей. Начался бой. У португальцев было гораздо больше пушек, чем у их противников, а стрелы малабарцев не могли причинить существенного вреда закованным в латы воинам д'Альмейды. Решающую роль сыграло умение португальцев вести морской бой. Португальцы одержали полную победу. Сам Мир Хуссайд был ранен и бежал в Диу. Франсиско д'Альмейда захватил, разграбил и сжег большую часть вражеских кораблей.

Битва под Диу решила вопрос о господстве на Индийском океане. Правда, турки и египтяне пытались еще несколько раз помочь своим индийским союзникам и единоверцам, но дело ограничивалось присылкой солдат, командиров и пушек. Никто уже не решался оспаривать господство Португалии на море.

В ноябре 1509 года, после длительного сопротивления, закулисной борьбы и интриг, Франсиско д'Альмейда принужден был передать управление Индией Алфонсо д'Альбукерку.

На пути в Португалию корабли д'Альмейды остановились недалеко от мыса Доброй Надежды, чтобы набрать свежей воды.

Португальцы за все время их владычества на Индийском океане всегда считали мыс Доброй Надежды досадным препятствием на пути в Индию – страну золота и алмазов. Земли, лежащие около этого мыса, их никогда не интересовали, и, стремясь в Индию, они

несколько сот лет проходили мимо самых богатых в мире месторождений алмазов и золота Южной Африки.

Во время стоянки у мыса Доброй Надежды португальцы, по обыкновению, позволяли себе насилия над местными жителями – готтентотами. Они отняли у туземцев их быков, а потом попытались даже захватить в рабство нескольких мужчин и женщин.

Готтентоты принуждены были взяться за оружие. В схватке были убиты тогда два португальца. Офицеры д'Альмейды потребовали, чтобы их командир организовал карательную экспедицию и «примерно наказал дикарей». Д'Альмейда с трудом согласился. Кряхтя, высадился он на берег и полусуто сказал своим спутникам: «Куда вы тащите мои шестьдесят лет?»

Португальцы были уверены в победе и шли, как на прогулку, но неожиданно встретили жестокий отпор. Нагие готтентотские воины смело сражались с латниками д'Альмейды. Их закаленные на огне деревянные копья наносили португальцам большой урон. Португальцы дрогнули. Д'Альмейда приказал отступить к лодкам. Но готтентотские юноши быстро погнались стада между португальцами и берегом. Отступление было отрезано, и все португальцы перебиты. Так погиб Франсиско д'Альмейда – первый португальский вице-король Индии, гроза египтян и арабов – погиб под ударами деревянных копий нагих готтентотов Южной Африки.

Франсиско д'Альмейда.

Аффонсо д'Альбукерк, один из самых крупных полководцев во всей истории Португалии, придерживался иной точки зрения на индийские дела, чем его предшественник.

В то время как д'Альмейда и частично Васко да Гама считали достаточным обеспечить португальское господство на Индийском океане и повернуть поток пряностей в русло португальской торговли, д'Альбукерк считал необходимым создание португальской колониальной империи – первой колониальной державы европейцев на Востоке. Он находил, что Португалия должна владеть всеми пунктами, контролирующими вход в Индийский океан, и, кроме того, должна создать колонии на индийском и африканском берегах. Только тогда, по мнению д'Альбукерка, Португалия станет неуязвимой на Востоке.

Португальцы уже контролировали вход в Индийский океан с запада у мыса Доброй Надежды, и д'Альбукерк решил захватить рынок пряностей – Малакку,

запиравшую вход в Индийский океан с Востока, Ормуз, запиравший устье Персидского залива, и Аден, стороживший вход в Красное море.

Еще в 1507 году, когда вице-королем был д'Альмейда, Афонсо д'Альбукерк, посланный к Адену ловить и топить корабли с пряностями, нарушил инструкцию короля и предпринял экспедицию к аравийским и персидским берегам, захватив Куриат и Москат. Он сжег Москат, истребив почти все население города, и лишь немногих отпустил на свободу, отрезав им носы и уши. Затем он появился в Ормузе и, разгромив ормузский флот, заставил султана заключить договор. Султан Ормуза становился вассалом и данником Португалии; кроме того, португальцы получили в Ормузе место для крепости и фактории. Но недовольство командиров португальского флота, считавших, что д'Альбукерк нарушает инструкции короля Манозля, заставило д'Альбукерка покинуть Ормуз.

Сделавшись правителем Индии, д'Альбукерк хотел приступить к осуществлению своего плана, но это ему не удалось.

Когда д'Альмейда затягивал передачу правления в руки д'Альбукерка, король, желая ускорить дело, послал в Индию маршала Португалии – Фернао до Коутиньо. Маршал требовал, чтобы португальцы отомстили Заморину Каликута. Напрасно д'Альбукерк доказывал, что это опасное, да и ненужное предприятие. До Коутиньо клялся, что ему стыдно скрестить меч с полуголыми неграми и что он войдет во дворец Заморина с хлыстом в руках.

И д'Альбукерк принужден был уступить: португальцы ворвались в Каликут и в самом деле захватили дворец. Но когда солдаты грабили дворец, наиры окружили их и в узком проходе перебили почти всех. Был убит маршал и многие знатные португальцы.

Д'Альбукерк, находившийся на берегу, бросился на помощь товарищам, но был серьезно ранен. Его вытащили из схватки с проломленной головой и с пронзенной рукой.

Теперь, наконец, д'Альбукерк остался повелителем Португальской Индии и начал осуществлять свои планы. Прежде всего он решил завладеть давно облюбованной им Гоа. Слабый гарнизон города сдался, и д'Альбукерк тщательно укрепил город. Но прежний правитель Гоа, Адиль Хан, собрав большую армию, осадил португальцев и принудил их покинуть город и укрыться на кораблях. Муссоны мешали кораблям преодолеть мели, пересекавшие устье реки, и флот д'Альбукерка оказался в ловушке. На кораблях начались голод и цынга.

Адиль Хан прислал д'Альбукерку провизию. Он писал, что хочет одолеть португальцев не голодом, а силой. Однако д'Альбукерк, опасаясь, что Адиль Хан поймет, в каком тяжелом положении находятся португальцы, с извинениями вернул провизию назад, написав, что португальцы ни в чем не нуждаются. Более того, когда к д'Альбукерку явились парламентареры Адиль Хана, на кораблях португальцев гремел пир, столы ломились от яств, бойцы и моряки поднимали чарки и пели застольные песни. На самом деле это был спектакль, специально инсценированный д'Альбукерком для послов Адиль Хана. Провизию и вина взяли из неприкосновенных запасов, предназначавшихся для раненых и больных. Голодным бойцам д'Альбукерка запрещено было прикасаться к закускам и винам.

Лишь в августе муссоны прекратились, и флот д'Альбукерка получил возможность уплыть из Гоа. Но в ноябре 1510 года д'Альбукерк вернулся и снова захватил город. Три дня в Гоа шли убийства и грабежи. Были перебиты все мусульмане без различия пола и

возраста. Став господином Гоа, д'Альбукерк решил превратить этот город в столицу Португальской Индии.

«В Кочине, – писал д'Альбукерк королю, – нельзя срезать ветки без разрешения раджи. Если один из моих людей откажется заплатить на базаре требуемую цену или затронет мусульманскую женщину, форт подвергается осаде. В Кочине лишние 500 человек вызывают голод. Там нет ни мяса, ни рыбы, а куры слишком дороги.

В Гоа множество говядины, рыбы, хлеба и овощей, и лишние 2 000 человек никак не отразятся на снабжении города. В Гоа есть пушкари, оружейники, столяры, судостроители, – все, что нам нужно».

Д'Альбукерк твердо решил сделать Гоа столицей португальских колоний. Он развил лихорадочную деятельность – строил крепость, церковь и дома, чеканил монету, сооружал корабли. Д'Альбукерк принимал меры, чтобы португальцы прочно осели в Гоа, наделял их землею; женил португальских солдат и матросов на мусульманских и индусских женщинах. Против этого стало протестовать духовенство. Тогда д'Альбукерк заявил:

– Хорошо, пусть эти браки не совсем соответствуют законам христианства, но зато они полностью отвечают целям д'Альбукерка.

Энергичная деятельность д'Альбукерка многим не нравилась. В Португалию посылались жалобы. Д'Альбукерка обвиняли в том, что он готовил из Гоа столицу для собственного княжества. Короля Мануэля убеждали, что надо отказаться от Гоа.

Д'Альбукерк не сдавался и писал Васко да Гаме: «Король вам верит. Просите его удерживать Гоа до дня страшного суда».

Но осторожный адмирал Индии принадлежал к старой школе. Он многого не одобрял и не считал нужным поддерживать д'Альбукерка перед королем.

Сам же Манозель только мешал д'Альбукерку. Король писал ему, что, быть может, в самом деле не стоит создавать столицу в Гоа, и настаивал, чтобы д'Альбукерк уговорил старого союзника португальцев – раджу Кочина – принять христианство. Д'Альбукерк уклончиво отвечал, что раджа под влиянием бесед с ним очень заинтересовался христианством, но что раджу торопить не следует.

Д'Альбукерк был занят более серьезным делом, чем беседы о вере с раджей Кочина. Он воспользовался тем, что португальцы поссорились с султаном Малакки, явился с португальской эскадрой под Малакку и 25 июня 1511 года начал штурм города. У д'Альбукерка было всего 600 португальцев и немногим больше малабарских индуев, в то время как в Малакке скопилось свыше 20 тысяч бойцов. Но среди защитников Малакки не было единодушия. Малакку населяли арабы, моплахи, малайцы, яванцы, индусы из Гуджерата и с Малабарского побережья, китайцы, сиамцы и даже жители островов Риу-Киу. Эти люди не доверяли друг другу, все время ожидали измены и предательства.

Д'Альбукерку удалось переманить на свою сторону китайских торговцев и главарей индусской и яванской колоний. В августе после длительной бомбардировки и кровавого уличного боя Малайка пала. Из Малакки д'Альбукерк завязал сношения с Явой, Сиамом и Бирмой и послал Франсиско Серрано на поиски Молуккских островов.

Итак, спустя всего четырнадцать лет после того, как корабли Бартоломеу Диаша впервые показали на неизведанном Индийском океане, португальские корабли уже бороздили просторы Тихого океана.

Когда д'Альбукерк вернулся в Индию, ему пришлось опять защищать Гоа не только от внешних врагов –

мусульман, вновь осадивших Гоа, но и от советников короля Португалии.

В 1513 году д'Альбукерк снарядил экспедицию против Адена. Он строил грандиозные планы – собирался захватить Аден, Мекку и Медину с помощью абиссинцев, присылавших послов в Гоа, повернуть течение Нила в Красное море, чтобы уморить голодом мусульманский Египет, захватить Суэц и Александрию, Синай и Иерусалим. Он писал королю о походе на священные города мусульман: «Это всего один день пути. Какое сопротивление могут оказать маломощные гарнизоны, когда их всего двадцать человек в Джедде и, быть может, двадцать пять в Мекке? Остальные – мирные отшельники, с которыми легко справятся шестьсот или семьсот португальцев. Мне, государь, это предприятие кажется настолько простым, что я откошусь к нему, как к уже совершенному делу».

Захватив гроб Магомета, д'Альбукерк думал обменять его на Иерусалим. Завоевание Адена и Ормуза и разгром аравийских городов должны были раз навсегда прекратить доступ в Индийский океан самым могучим врагам португальцев – туркам.

«Турки могущественны, – писал д'Альбукерк, – у них много артиллерии, и они умеют строить подобные нашим корабли. Они ненавидят нас и жаждут разрушить все, чем мы владеем. Они хорошо снабжены аркебузчиками и бомбардирами, пушкарями, такими же опытными, как и наши, судостроителями, достойными соперничать с нашими, кузнецами, столярами и конопатчиками такими же, как наши».

Экспедиция в Красное море окончилась неудачей. Правда, португальцы навели ужас на все красноморское побережье, но штурм Адена не удался, и португальцам пришлось отступить.

В Красном море д'Альбукерк получил хорошие новости из Индии. Старого Заморина, непримиримого

врага португальцев, отравил родной брат, Новый повелитель Каликута заключил с португальцами мир и позволил им построить крепость в Каликуте.

Потерпев неудачу под Аденом, д'Альбукерк решил вознаградить себя в Ормузе. В те времена персидский порт Ормуз считался одним из самых крупных портов мира. Он вел торговлю не только с Индией, Африкой и Аравией, но и с Сиамом и Китаем. О его блеске богатстве говорили и венецианец Марко Поло и перс Абдур-Раззак и русский Афанасий Никитин. Арабская пословица гласила: «Земля – кольцо, а Ормуз – жемчужина в нем».

Аффонсо д'Альбукерк.

В Ормузе еще в 1507 году была основана португальская фактория. Появившись в 1515 году под Ормузом, д'Альбукерк вмешался в дворцовые смуты. Он вызвал к себе в лагерь для объяснений претендентов на престол и, недослушав их доводов, крикнул своему офицеру: «Убей его!», указав на одного из претендентов – Райе Ахмеда. Португальские офицеры бросились с кинжалами на Райе Ахмеда и, убивая его, в

спешке поранили друг друга. Тут же, на глазах у д'Альбукерка и пораженных родственников покойного, его тело ограбили, срезав кинжалами золотые украшения. Д'Альбукерк торжественно поздравил население города с освобождением от «изменника» Райе Ахмеда и посадил на престол соперника убитого. Новый шейх, уstraшенный расправой, стал послушным орудием в руках португальцев. Он помнил старую турецкую пословицу: «Целуй руку врага, если не можешь ее отрубить». Так д'Альбукерк стал хозяином Ормуза.

Таким образом, д'Альбукерк осуществил почти всю намеченную им программу завоеваний. Малакка, Гоа и Ормуз были захвачены португальцами. Не удалось взять только Аден. Но завистливый король Манозель стал опасаться д'Альбукерка. Все чаще и чаще отменял он распоряжения правителя Индии, отказывал ему в помощи, ставил заведомо невыполнимые требования. Повсюду уже знали, что король боится д'Альбукерка. Посол персидского шаха Ибрагим Бега, выполняя поручения своего повелителя, приглашал д'Альбукерка поступить на службу к персам и говорил ему. «В Португалии вас никогда не оценят!».

Сам д'Альбукерк понимал, что его отставка близка. Хотя друзья, успокаивая его, говорили, что король поручит ему важные посты в Португалии, но д'Альбукерк отвечал:

– Португалия слишком маленькая страна. Сможет ли она поставить передо мной задачи, равные хотя бы шестой части тех, которые я разрешаю в Индии?

В Ормузе д'Альбукерк заболел, и 8 ноября 1515 года направился в Индию. Он был очень болен и почти все время лежал. В море корабль д'Альбукерка повстречал мавританское судно из Индии. Судно везло письмо д'Альбукерку о том, что в Индию прибыл его преемник. Больной завоеватель сразу почувствовал себя хуже, и

15 декабря 1515 года на корабле, на рейде Гоа, д'Альбукерк скончался близ завоеванной им столицы португальских колоний.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ИНДИЯ

К концу царствования короля Мануэля Португалия находилась на вершине блеска и могущества. Ее владения раскинулись в четырех частях света – от Бразилии до далеких Молуккских островов в Тихом океане и от Лиссабона до мыса Доброй Надежды в южной части Атлантики. Португальские крепости тянулись вдоль всего африканского побережья – от Марокко до Сомали, высились на островах Индийского океана, у входа в Персидский залив, вдоль побережья Индии, на Цейлоне, на Малаккском полуострове и на полулегендарных Молуккских островах среди волн Тихого океана. Никто не решался оспаривать португальское господство. В Лиссабон отовсюду стремились корабли. Город быстро превратился в крупнейший в мире рынок африканских рабов, пряностей и тропических товаров. Сервантес писал, что «Лиссабон – величайший город Европы, где богатства Востока разгружаются для распределения по всему миру» («Персилес и Сигисмунда»).

Венецианской торговле был нанесен сокрушительный удар. Плавание Васко да Гамы в Индию положило начало упадку великой Адриатической республики. Перерезав пути из Индийского океана в Турцию, Египет и Иран, португальцы существенно затруднили дальнейшее усиление Турции. Огромные прибыли от заморской торговли и сокровища, награбленные на Востоке, обогатили португальский двор и знать Португалии. В португальских городах и поместьях вельмож короля Мануэля развернулось строительство дворцов, церквей и замков. Из Фландрии, Италии, Египта и Индии съезжались искусные резчики

по камню и дереву, позолотчики и каменотесы, художники и архитекторы.

В суровых и простых замках португальских феодалов появились персидские и индусские ковры, фламандские гобелены и зеркала, венецианские стекла, марокканские подушки из тисненой кожи, итальянские картины, дамасские и толедские клинки.

Среди челяди встречались рабыни из Явы, Аравии и Цейлона, рабы из Бразилии и Гуджерата. На полях феодалов работали невольники из Гвинеи. Двор короля Манозля славился невиданными до тех пор блеском и роскошью. Португальские вельможи старались не отставать от своего короля.

Но весь этот внешний блеск прикрывал застой и гниение. Положение колониальной державы требовало от маленькой Португалии огромного напряжения. Прежде всего стала ощущаться нехватка людей. Во время плавания на Восток множество бойцов и моряков погибло не столько в боях с врагами, сколько от болезней – цынги, холеры, дизентерии и лихорадки. Многие умирали от заражения ран; в тропическом климате самые пустячные ранения заживали очень медленно, а невежественные цирюльники, по совместительству исполнявшие обязанности лекарей, обычно были беспомощны, когда приходилось иметь дело с нагноениями и воспалениями.

Очень скоро, снаряжая эскадру на Восток, португальские командиры стали испытывать затруднения при наборе команды. Становилось все труднее и труднее подбирать опытных моряков.

Уже в 1505 году первый вице-король Индии Франсиско д'Альмейда, снаряжая эскадру, не мог укомплектовать ее опытными моряками и принужден был набирать в матросы крестьянских парней, никогда не видевших моря. На одной из каравелл эскадры д'Альмейды команда не умела даже отличить правую

сторону от левой. Капитан каравеллы Жоао Хомеш повесил на одном борту связку лука, а на другом – связку чеснока и командовал:

– Руль к чесноку! Руль к луку!

В Индии ветеранов заменили преступники и подростки. Вербовщики обходили тюрьмы в поисках желающих ехать в Индию. Смертную казнь, осуждение в тюрьму или на галеры заменяли отправкой в Индию. Всем преступникам, согласившимся поступить на индийскую службу, объявлялась амнистия. Впоследствии одним из таких преступников оказался величайший поэт Португалии Луис Камозэнс. В самой Португалии отлив мужчин на Восток был так значителен, что для обработки полей феодалов и другой тяжелой работы приходилось прибегать к ввозу невольников из Африки. Очень скоро во многих районах Португалии создались подлинные рабовладельческие хозяйства. В Португальской Индии все было основано на труде рабов.

Приток драгоценных металлов из новых колоний произвел в Португалии и Испании подлинную «революцию цен», как говорит Маркс. Драгоценные металлы сильно упали в цене, а цены на все товары поднялись в несколько раз. Но в самой Португалии открытие морского пути в Индию не повлекло за собой существенных социальных сдвигов. В Португалии власть светских и духовных феодалов всегда была чрезвычайно сильна. В XIV–XV веках португальские короли сломали сопротивление городов, отстаивавших старые вольности, а купечество никогда не играло сколько-нибудь значительной роли в жизни страны.

Большой удар экономике Португалии был нанесен изгнанием евреев и мавров. Евреи жили в Португалии исстари, были уравнены в правах с остальным населением. Первые португальские короли подтвердили все вольности евреев. Но позднее, под

влиянием духовенства, начались преследования. Евреев заперли в особые кварталы – «юдереи» – и заставили носить отличную от всех одежду. Начались погромы.

Но до поры до времени короли Португалии защищали своих еврейских подданных, так как получали от еврейского населения очень большие доходы. С евреев взимались три разных подушных налога, специальным сбором облагалась всякая вещь, которую покупал еврей. Еще в середине XV века министром финансов Португалии был знаменитый еврейский ученый Исаак Абарбанель. Когда евреев изгнали из Кастилии, Жоао II за большой выкуп дал им временный приют в Португалии, но когда срок кончился, он заставил кастильских эмигрантов покинуть Португалию, а тех, кто остался, обратил в христианство.

Мануэль прекрасно понимал, каким выгодным источником дохода является еврейское население. Вначале он и не помышлял об изгнании евреев. Но Мануэль, надеясь объединить под своей властью весь Пиренейский полуостров, усиленно добивался руки Изабеллы, дочери Фернандо Арагонского и Изабеллы Кастильской. Принцесса Изабелла, как и ее мать, была изуверкой и покорно слушалась своих духовников. Она поставила условием брака изгнание евреев из Португалии.

В 1496 году, в год, когда Васко да Гама поплыл в Индию, король Мануэль издал указ об изгнании евреев.

Не желая лишаться подданных, приносивших такие значительные доходы, Мануэль приказал насильно крестить всех еврейских детей и подростков от четырех до двадцати лет, а также очень многих взрослых. Но духовенство не оставляло в покое «новых христиан», обвиняло их в ересь, святотатстве и колдовстве и натравливало на евреев невежественную паству. Так, в апреле 1506 года, во время чумы, два доминиканских

монаха организовали в Лиссабоне еврейский погром. С криками «Ересия, Ересия!» погромщики убивали «новых христиан» и грабили их имущество. Было убито около 2 тысяч человек. Погромы еще более усилили эмиграцию португальских евреев в Италию, Африку, Турцию и Нидерланды.

С изгнанием евреев и мавров Португалия лишилась многих искусных ремесленников и торговцев. Португальские купцы и ремесленники были слишком слабы, чтобы занять место изгнанников.

Сама политика португальских королей препятствовала образованию крупной купеческой прослойки. Очень рано почти все виды торговли с Индией были объявлены королевской монополией. Эта монополия распространялась, в частности, на торговлю перцем, имбирем, мускатным орехом, мускатным цветом, гвоздикой, корицей, бразильским деревом.

Королевские монополии очень затрудняли развитие и без того хилой португальской буржуазии. Очень скоро в торговле и ремеслах Португалии стали играть решающую роль иноземцы, выходцы из стран, более развитых экономически, чем Португалия. Торговля и ремесла целиком перешли в руки иностранцев – фламандцев, немцев, венецианцев, ломбардцев, флорентинцев.

В Португалии все более усиливались власть короля и гнет католического духовенства. Но сами португальские феодалы не умели удержать сокровищ, добытых грабежом и торговлей на Востоке. Они тратили огромные средства на пиры, наряды и турниры, на «дела благочестия». Очень скоро большинство знатных семей Португалии запуталось в долгах и заложило свои драгоценности у ломбардских ростовщиков. Остальное население Португалии – крестьяне, моряки и рыбаки – жило слишком бедно и на свои нищенские заработки не могло покупать

восточные товары. Начался застой. Восточные товары, золото, драгоценные камни и пряности просачивались через Португалию и обогащали другие страны – Голландию, Англию, долину Рейна.

В самой португальской колониальной империи было неблагополучно. Только немногие люди, подобно Афонсо д'Альбукерку, мечтали о великой колониальной империи на Востоке. Большинство португальских командиров считало, что Индия нужна Португалии только как арена для пиратства и место скупки пряностей.

Поборы, издевательства, грабежи и зверские жестокости, лицемерие и коварство вооружили против португальцев население восточных стран. Индусская поговорка того времени гласила: «Счастье, что португальцев так же мало, как тигров и львов, – иначе они истребили бы весь род человеческий».

Все португальцы в Индии получали паек от казны. Они считали себя господами и гнушались всякой работы, взваливая все на плечи многочисленных рабов, а торговлю предоставляли индусам и маврам. Каждый проходимец, приезжавший из Португалии, претендовал в Индии на титул «дом» и старался окружить себя рабами. Толпы бездельников, целыми днями игравших в кости и карты, жевавших бетель или кутивших опиум, наполняли португальские владения на Востоке. В 1539 году из 16 тысяч португальцев, живших в Индии и получавших казенный военный паек, можно было рассчитывать только на 2 тысячи человек, если бы понадобилось привлечь в армию гражданское население. Среди португальских солдат очень скоро оказались и предатели. Уже в 1510 году, когда д'Альбукерк осаждал Гоа, на стороне его противников сражался отряд португальских ренегатов под командой Фернао Лопеша.

Да и сами правители Индии были далеко не безупречны. В Индию ехали искатели приключений, те, кто рассчитывал на легкую наживу; в колониях процветали казнокрадство и взяточничество.

После смерти Афонсо д'Альбукерка король Мануэл старался больше не посылать в Индию крупных людей. Он опасался, что, укрепившись, вице-король далекой Индии откажется повиноваться Португалии. Если д'Альбукерк не жалел ни средств, ни сил для создания португальской колониальной державы, то последующие губернаторы видели в Индии только место, где можно было быстро разбогатеть за счет туземцев, казны и своих соотечественников.

Каждый новый губернатор являлся со сворой голодных приверженцев; и тогда в Португальской Индии сменялись все гражданские и военные чиновники.

Полномочия губернатора длились, как правило, три года; и за это короткое время он и его приспешники торопились как можно больше обогатиться.

В погоне за легкой наживой португальские командиры не останавливались перед прямым предательством отечества. Их поступки скоро подорвали всякое доверие к законам португальцев, к их клятвам и обещаниям. Так, один из португальских командиров напал на святилище дружественного индусского государства, разграбил и сжег его, а жрецов подверг изощренным пыткам, чтобы выведать у них, где спрятаны сокровища храма.

Второй командир, заключив торжественно мир с маврами, на другой же день нарушил его, оправдываясь тем, что представитель мавров клялся на короне, а португалец, пользуясь неосведомленностью мусульманина, целовал сборник песен. Третий, когда капитан индусского корабля обратился к нему за письменным разрешением на выход в море, написал по-

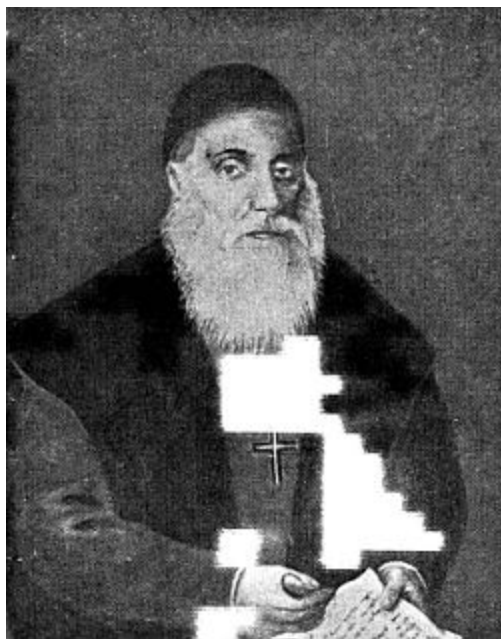

португальски, что он советует португальским капитанам, которые встретят это судно в море, ограбить его. Четвертый – за солидную взятку предоставил португальскую каравеллу в распоряжение султана Адена – врага португальцев. Пятый продал маврам пушки и порох из португальской крепости.

Португальские чиновники в колониях составляли списки «мертвых душ» на получение пайков, посылали в Португалию испорченные и засоренные товары, скрывали от казны и делили между собой добытые в боях ценности. Они наживались также и на своих соотечественниках. Торговля чинами и должностями была почти легализована, судьи брали взятки открыто. Задерживая платежи матросам и солдатам, чиновники короля Мануэля дожидались, пока матросы и солдаты, доведенные до крайности, соглашались на третью или четвертую часть своего жалования.

Доходы чиновников в колониях почти официально исчислялись по двум статьям – «жалованию» и «поступлениям», причем обычно «поступления» превышали «жалование» в шесть-семь раз.

Так складывалась обстановка в Индии к 1521 году, когда умер король Мануэль «Счастливый». К новому королю, Жоао III, из Индии посыпались жалобы. Писали не только португальцы.

Васко да Гама в старости.

Индусские власти Кананора жаловались, что португальцы, выдавая капитанам кораблей разрешения на плавание в Индийском океане, нарушают собственные правила: грабят и топят суда, имеющие такие разрешения.

Король сменил губернатора Индии Диого Лопеш де Секвейру и назначил вместо него Дом Дуарте де Менезеш. Но этот губернатор оказался еще хуже своего предшественника. С лихорадочной поспешностью он набивал карманы и сундуки, не стесняясь никакими средствами для обогащения. Его мздоимство и казнокрадство превзошли все, что знала до сих пор Португальская Индия. Его ставленники старались не отставать от губернатора.

Лиссабонский двор был завален жалобами, просьбами о правосудии и петициями. Тогда Жоао III вызвал из Эзуры старого Васко да Гаму и предложил ему поехать в Индию, чтобы навести там порядок. Старый адмирал Индии согласился. Как и король Жоао III, он считал, что все зло – в недостойных людях,

которым доверили индийские дела. Он не мог, конечно, понять, что причины неблагополучия, царившего в Португальской Индии, лежат гораздо глубже.

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Четырнадцать кораблей эскадры адмирала Индии с трудом разместились в когда-то пустынном устье Тахо. За четверть века вокруг все изменилось. Кончилось время плаваний в замкнутых бассейнах Средиземного, Балтийского и Северного морей. Лиссабон оказался на перекрестке великих океанских дорог. Корабли, пришедшие из четырех частей света, толпились у входа в португальскую столицу. Из Африки везли скованных черных рабов, кремовую слоновую кость, дорогие перья для эгретов, пахучую амбру, терпкие смолы. Индия, Цейлон, Малакка и неведомые «Острова пряностей» посылали перец и хлопок, мускус и ревень, мускатный цвет и кинжалы, гвоздику и ткани. Корабли из Мадейры привозили вина; с острова Сао Томе шел сахар; из Марокко – кожи и шкуры. Славные фламандские города посылали зеркала, сукна и сыр; Шотландия и Норвегия слали сельди и треску; Ормуз – шелк и рис; французы привозили бархат, тафту, шляпы, чулки и башмаки; венецианцы – дорогое стекло и гобелены. Из других городов Португалии привозили в столицу для переотправки за море соль, вина, оливковое масло и фрукты.

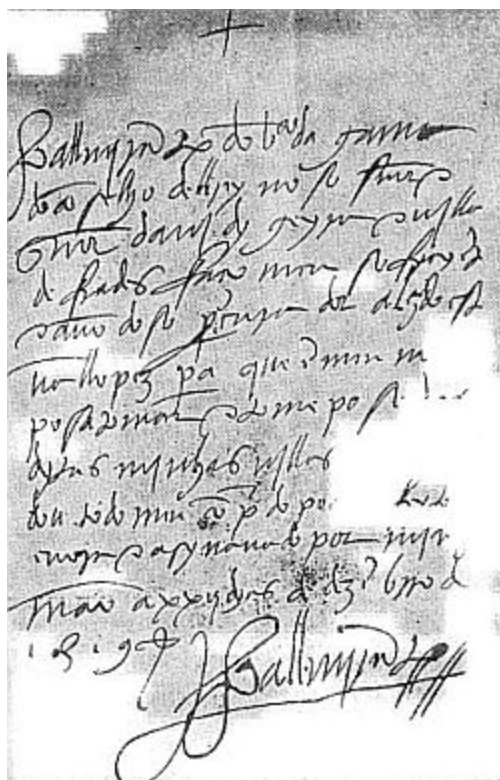
Флот был готов к отплытию. Наконец на борт флагманского корабля поднялся сам адмирал Индии – коренастый старик с длинной белой бородой. Адмиралу шел шестьдесят пятый год. На нем был темносиний берет и мантия рыцарей ордена Креста. Тяжелый меч висел на поясе. Позвякивали серебряные шпоры.

Со старым адмиралом ехало двое юношей – его сыновья Дом Эстевао и Дом Пауло. Вице-короля сопровождала многочисленная, пестро одетая и хорошо упитанная челядь – мажордом, слуги с серебряными

булавами, два пажа с золотыми цепями на шеях, много лакеев и телохранителей, стражников и посыльных в ливреях дома да Гама.

Старый адмирал считал, что нужно поразить воображение жителей Востока пышностью и роскошью. Он взял с собой богато украшенные серебряные сосуды, фламандские ковры и парчевые скатерти. Дом Васко любил щеголять щедростью и широким гостеприимством. Корреа пишет, что во время третьего плавания в Индию «слуги приносили к его столу огромные блюда, как королю, причем стольник подносил ему рукомойник и полотенце, и все вели себя так, словно присутствовал король».

В свите адмирала находились самые знатные дворяне Португалии; они оказывали ему королевские почести, опускались на одно колено, когда говорили с ним. В эскадре Васко да Гамы было три тысячи человек. Явившись на корабль, адмирал обследовал амунизию, запасы провизии и снаряжения. Он нашел все в порядке. Пора было двигаться в путь. Но адмирал Индии вспомнил об одном неотложном деле.

Автограф Васко да Гамы.

На все корабли поплыли посланцы адмирала. Они прочли вслух, а затем прикрепили к мачтам приказ. Дом Васко писал, что за последние годы бывали случаи, когда на корабли, направлявшиеся в Индию, проникали женщины. Адмирал запрещал брать в путешествие женщин «как потому, что этим губятся их души, так и потому, что из-за них возникают ссоры и дуэли».

Адмирал приказывал:

«Женщины, обнаруженные на кораблях, после того как эскадра покинет устье Тахо, будут публично высечены; если это будут мужние жены – их немедленно после порки отправят в цепях в Португалию; если рабыни – их следует конфисковать. Те, кто их взял с собой, будут отправлены в цепях в Португалию...

...Капитаны, которые обнаружат у себя на корабле женщин, но не донесут об этом адмиралу, будут

лишены доли в морской добыче».

Этот приказ вызвал на кораблях большое недовольство. Безвозвратно ушли в прошлое те простые и суровые времена, когда и для матросов и для командиров действовал один жестокий закон моря. Португальские фидальго развратились и обленились. Они привыкли плавать и жить на Востоке с удобствами. Но, зная суровый нрав великого мореплавателя, никто не решался высказать недовольство вслух.

9 апреля 1524 года корабли покинули Португалию. Плавание по Атлантическому океану прошло без всяких приключений. Стояла прекрасная погода. Старый адмирал после стольких лет вынужденного бездействия снова вел эскадру по морским просторам. Он подолгу стоял на открытой кормовой башне. Соленый ветер ласково трепал его белую бороду. Васко да Гама посвежел и помолодел. Приближенные с удовольствием замечали, что он стал даже добрее, меньше распекал за провинности, подолгу беседовал с моряками и изредка даже шутил с ними. Правда, это были довольно своеобразные шутки.

На корабле графа Видигейра плыл кормчий Диого Ботельо, которому впоследствии суждено было совершить замечательно смелое плавание из Индии в Португалию на лодке.

В 1524 году Диого Ботельо – первоклассный кормчий, но очень вспыльчивый человек, сидел в лиссабонской тюрьме. Он не поладил с королем, и Мануэль «Счастливым», опасаясь, что Ботельо последует примеру Магеллана и покинет Португалию, велел посадить его за решетку.

Дом Васко, зная, что Ботельо – один из лучших кормчих Португалии, попросил нового короля отпустить Ботельо в плавание. Король согласился, но с тем, чтобы Ботельо не возвращался в Португалию без королевского согласия.

В дороге Дом Васко часто советовался с молодым кормчим, но всегда давал ему понять, что он едет в ссылку.

– У всех хороших кормчих бывают безумные прихоти, – говорил адмирал. – С вами надо обращаться строго. Вот если бы король велел отрубить Магеллану голову, когда тот посмел обидеться на то, что ему не прибавили жалования, – все шло бы прекрасно, и Магеллан не совершил бы своих открытий в ущерб Португалии. Да и вы, Ботельо, смотрите, куда завела вас ваша гордость. Вы – превосходный кормчий – едете ссыльным в Индию!

Адмирал подолгу расспрашивал об индийских делах, и все удивлялись, что этот старик, проживший в своем эвурском доме почти двадцать лет, не оторвался от индийских дел и был в курсе самых мелких вопросов португальской политики в Индии. Видимо, все эти годы он пристально следил за переменами, совершавшимися в Индии, все взвешивал и обдумывал и обо всем составлял свое собственное мнение.

Мыс Доброй Надежды прошли благополучно. Теперь португальцы не нуждались в мавританских лоцманах: их собственные кормчие уверенно вели корабли по знакомому пути. Но недалеко от Мозамбика на флагманском корабле сломалась рея. Пришлось завернуть в Мозамбик. 14 августа подошли к берегу. На корабль поспешили португальцы – командир крепости и начальник фактории. Прибыл также арабский султан Мозамбика – послушная игрушка в руках португальцев.

Как все изменилось! Двадцать семь лет назад здесь, в этой гавани, Васко да Гама пытался достать лоцманов и тщетно искал пресную воду. Тогда приходилось действовать обманом или силой, а теперь португальцы – властители моря, и царьки прибрежных городов выполняют все их желания.

Но хорошее настроение адмирала скоро сменилось гневом. В Мозамбике выяснилось, что, несмотря на строжайший приказ адмирала, три молодые женщины не захотели покинуть своих возлюбленных и решили плыть в Индию на кораблях графа Видигейра.

Васко да Гама разгневался. Он приказал привезти молодых женщин на флагманский корабль и запереть их в трюме, как самых тяжких преступниц. Когда кое-кто из командиров попробовал вступиться за ослушниц, адмирал пришел в такую ярость, что два дня никто, кроме его сыновей, не решался заговаривать с ним.

Отплыли из Мозамбика к Мелинди, но противный ветер не позволил тяжелым кораблям подойти к берегу. Тогда Васко да Гама послал в Мелинди Одну из каравелл под командой уроженца Майорки – Мосем Гаспар Гомема. Гомем передал султану Мелинди, старому другу Васко да Гамы, богатые подарки и извинения адмирала. Затем каравелла Гомема поплыла вдогонку за флотом адмирала. Но майорканец не поладил со своей командой. Его матросы и кормчий составили заговор, убили капитана и поплыли к аравийскому побережью, чтобы заняться пиратством. Много позднее на поимку бунтовщиков была послана из Гоа эскадра; они были привезены в Индию и повешены. Другой корабль из эскадры адмирала погиб недалеко от Мелинди, наскочив на скалы.

8 сентября эскадра находилась в открытом море. Стоял жаркий день. Спокойное море отливало серебром. Внезапный толчок потряс судно до основания. Моряки решили, что корабль налетел на камни. Быстро убрали паруса, спустили шлюпки и начали выгружать провизию. Вдруг второй удар обрушился на судно. Посыпались ящики и бочки; с места сорвались пушки и покатались по наклонной палубе, сбивая людей. Море, казалось, кипело, хотя ветра не было. Огромные валы в беспорядке налетали

друг на друга и рушились со страшным грохотом. Новые удары привели португальцев в смятение. Началась паника. Но внезапно с кормовой башни раздался громкий голос адмирала: «Друзья, успокойтесь! Само море дрожит при виде португальцев. Не бойтесь, – это землетрясение».

Последовало еще несколько ударов, но паника уже прекратилась. Португальцы ловили взбесившиеся пушки и ящики и прикрепляли их веревками к бортам.

Вдруг разразился проливной дождь, едва не потопивший лодки, которые португальцы спустили в море после первого удара. Во время землетрясения погиб один человек. Это был лакей адмирала. Думая, что корабль наскочил на камни, он бросился в море и утонул.

На другой день португальцы встретили мавританское судно. Адмирал вспомнил старину.

Он сам руководил боем, громко отдавая приказания, а когда окруженное со всех сторон мавританское судно было взято на абордаж, не сдержался и захлопал в ладоши.

Как всегда, португальцы разграбили и потопили корабль и умертвили всех захваченных в плен мавров, кроме лоцмана. Адмирал велел пленному лоцману вести корабль самым коротким путем к Индийскому берегу. Корабли плыли четыре дня. Моряки жадно вглядывались в даль, а берегов все не было видно. Снова на корабле началось смятение.

Дело в том, что виднейшие астрологи, составляя гороскоп на 1524 год, предсказали: «Или всемирный потоп, или, по крайней мере, никогда невиданное наводнение, ибо все планеты сошлись в созвездии Рыб». Многие, поверив этому предсказанию, забросили все свои дела и ждали потопа. Некоторые португальские вельможи построили себе убежища в высоких горах и заготовили там сухарей.

Теперь, не видя берегов, спутники адмирала вообразили, что во время землетрясения вся суша на земле была поглощена океаном и им «некуда будет пристать».

Васко да Гама приказал попытать лоцмана, думая, что тот намеренно вел корабли португальцев по неверному пути. Но оказалось, что лоцман неправильно понял слова адмирала, и вместо того, чтобы провести эскадру к ближайшему берегу, вел их к гавани Чаул.

15 сентября корабли подошли к Чаулу. Это был первый индийский город на пути Васко да Гамы. По обычаю, он принял в Чауле титул вице-короля. Теперь к востоку от мыса Доброй Надежды слово его было законом. Гаспар Корреа пишет: «По отношению ко всем людям, находившимся по ту сторону мыса Доброй Надежды, он был наделен судебной и законодательной властью, равной власти самого короля. Он относился к людям с большим пренебрежением и в любой момент мог разгневаться, был весьма вспыльчив. Его очень боялись и уважали. Он был очень сведущ во всех делах».

Оказалось, что прежний губернатор Дом Дуарте де Менезеш находился в Ормузе, где вел очень прибыльный торг с маврами. Вице-король распорядился, чтобы в Чауле Дом Дуарте не позволили сойти на берег, дали бы ему не более чем на четыре дня провизии и не выполняли никаких его распоряжений.

24 сентября 1524 года Васко да Гама прибыл в Гоа. Знать столицы собиралась достойно встретить нового вице-короля. Были заготовлены богатые подарки, монаху-доминиканцу поручили прочесть соответствующую этому случаю проповедь. В знатных домах готовились к пирам и приемам.

Но старый адмирал удивил всех. Он рассердился, когда узнал о приготовлениях, и согласился только на торжественный въезд в город. На другой день он с

головой окунулся в будничную работу. Палата города Гоа писала королю:

«Многие направлялись к нему с подарками, так как принято делать подарки вновь прибывающим губернаторам, но он не взял ничего ни у христиан, ни у мавров, ни даже у города, что показалось всем чрезвычайно странным, ибо, по давно заведенному обычаю, все принимали подарки».

Но у Васко да Гамы были иные понятия о чести. Старый служака видел, что в Индии неладно и думал поправить дело строгой дисциплиной. У Дом Васко не было широкого кругозора д'Альбукерка, и он полагал, что строгостями, правосудием и личным примером можно навести порядок.

Через два дня после приезда вице-король осмотрел Гоа. Ему очень понравилась прекрасная крепость, новая каменная набережная и строящийся госпиталь. Но у вице-короля был секретный меморандум с очень тяжелыми обвинениями против строителя этих прекрасных сооружений, капитана Гоа – Франсиско Перейра.

– Хотел бы я, сеньор Перейра, – промолвил он, – чтобы у вас во всех делах был такой же порядок, как в строительстве.

Затем вице-король начал «осуществлять правосудие». Узнав, что Перейра незаконно присвоил себе имущество многих португальцев, он приказал, чтобы Перейра выплачивал по первому требованию всем, кто предъявит претензии.

Перейра пытался просить вице-короля, чтобы с него получили «по закону», но Васко да Гама выгнал его и закричал вдогонку:

– А вы, вы грабили по закону, сеньор Перейра?

В три дня Перейра был разорен.

Потом адмирал вспомнил о трех женщинах, все еще сидевших взаперти в трюме флагманского корабля, и

приказал их публично высечь.

Португальцы начали протестовать. Они считали недопустимым, чтобы «на глазах черных» секли португалок. Они собрали большую сумму для выкупа, посылали к вице-королю депутацию, но старик был неумолим. Он выгнал даже монахов, явившихся к нему с распятием уговаривать смилостивиться над осужденными.

Утром по улицам Гоа прошли одетые в красное глашатаи. Они били в барабаны и кричали: «Да здравствует правосудие короля, нашего повелителя! Приказано высечь этих женщин потому, что они не уважали правосудия и переехали через море в Индию, несмотря на запрет».

Приказ вице-короля был приведен в исполнение.

Через несколько дней после приезда вице-короля в Гоа к нему явились новые просители. Это были оборванные, загорелые и изможденные кастильцы – моряки с «Тринидада», одного из двух судов Магеллана, которые объехали вокруг Южной Америки и пересекли Тихий океан. 27 апреля 1521 года на маленьком островке Мактан, прикрывая отступление товарищей, погиб сраженный в неравном бою Фернандо Магеллан.

Лишенные руководителя, моряки долго блуждали среди Филиппинских островов, заводя дружбу и ссоры с местными раджами, грабя случайно подвернувшиеся джонки. Многие моряки были захвачены на глазах у товарищей в плен и вероломно покинуты соотечественниками. Некоторые, прельщенные соблазнами тропических островов, бежали с кораблей.

Корабль «Виттория» ушел вперед и добрался в конце концов до Испании, а «Тринидад» захватили португальцы. Более двух лет томили они моряков «Тринидада» в тюрьмах различных городов Востока и, несмотря на их мольбы, не отпускали на родину. Многие моряки умерли.

Узнав, что в Гоа приехал новый вице-король – великий мореплаватель Васко да Гама, – испанцы с огромным трудом добились, чтобы их допустили к повелителю Португальской Индии. Они надеялись, что моряк Васко да Гама сделает для них больше, чем королевские чиновники.

Перед Васко да Гамой стояли люди, совершившие впервые в истории небывалое плавание вокруг света. После стольких лишений и бедствий эти герои добрались до владений дружественной страны и теперь мечтали о том, чтобы попасть, наконец, на родину.

Васко да Гама был моряком. Он понимал, что эти люди совершили невиданный подвиг. Но прежде всего он был португальским вице-королем Индии. Португальцы всегда скрывали от испанцев морские карты и неверно указывали расположение родины пряностей – Молуккских островов.

Португальцы пытались с самого начала расстроить экспедицию Магеллана, а когда это не удалось, посылали специальные эскадры к мысу Доброй Надежды и к устью реки Ла-Платы, чтобы перехватить Магеллана. И теперь перед Васко да Гамой стояли люди, преодолевшие все эти препятствия, люди, узнавшие новый путь в Индию, раскрывшие тайну Тихого океана и Молуккских островов, спутники того самого Магеллана, которого так ненавидел Васко да Гама.

Вице-король долго слушал просьбы испанцев. Наконец тихим движением руки отослал моряков прочь. Дом Васко приказал оставить испанцев в Индии и в Европу не пускать...

Как было заведено исстари, к новому вице-королю потянулись просители. Попасть к нему, против обыкновения, было легко. Двери его комнаты всегда были открыты, и всякий мог войти к адмиралу. Но очень скоро просители перестали надоедать старому

адмиралу. Он отказывался от подарков и, что еще более поражало, экзаменовал тех, кто претендовал на должности, расспрашивал кандидатов в начальники фортов о военных приемах и заставлял писцов писать.

– Все вы прибыли сюда нищими и хотите разбогатеть! – кричал он и безжалостно увольнял и сажал в тюрьму всех виновных в нерадении, взяточничестве и казнокрадстве.

Когда он узнал, что госпитали переполнены больными и симулянтами, он запретил принимать больных, не имеющих ран или язв, а также класть в больницу раненых на дуэлях.

– Я знаю средство, которое вылечит почти всех больных, – заявил он и приказал раздать всем португальцам на набережной Гоа талоны на получение доли в имуществе, добытом в захваченном на пути в Индию мавританском судне. Собралась огромная толпа, началась давка. Все симулянты, а также те больные, которые могли двигаться, поспешили на берег. Васко да Гама запретил принимать их обратно в больницу.

Зная, что многие командиры португальских крепостей тайком распродавали пушки и ядра, адмирал под страхом смерти приказал вернуть все казенное огнестрельное оружие. Целые дни он занимался делами, посещал гавань, наблюдал за разгрузкой и погрузкой кораблей и каждый день удивлял жителей Гоа новыми распоряжениями – то мелочными: запрещал морякам носить плащи; то серьезными: снимал с казенного пайка португальцев, которые женились и осели в Гоа.

Покончив с делами в Гоа, адмирал отплыл в Кочин. Он ехал медленно, часто приказывал заворачивать в устья рек и заливы, осматривал их и выбирал места для новых укреплений. По дороге его приводили в бешенство мавританские пираты. Их легкие подвижные корабли, казалось, насмехались над неуклюжими

талионами вице-короля. Гаспар Корреа пишет: «Они рыскали кругом, как легко вооруженные всадники вокруг рыцаря в латах».

Еще в море старый адмирал стал чувствовать недомогание. Странная боль в затылке затрудняла движения. В Кочин он прибыл ночью. На корабль явились командир крепости и начальник фактории; адмирал слышал о последнем, как о честном и сведущем человеке. Вице-король встретил их приветливо, расспрашивал о делах Кочина, но скоро, отпустил, сославшись на усталость.

И в самом деле, за последнее время все чаще и чаще им овладевала какая-то слабость.

Он испытывал иногда странное безразличие. Но усилием воли он стряхивал усталость и снова погружался в работу.

В Кочине он вел такую же жизнь, как и в Гоа: рано вставал, днем не отдыхал, вникал во все мелочи, пытаясь в кратчайший срок все исправить. Васко да Гама не видел, что вся португальская колониальная держава подгнила и что лишь отсутствие настоящих соперников спасает до поры до времени португальские владения в Индии. Он был требователен и раздражителен и не давал покоя португальским чиновникам, привыкшим в Индии к безделью. Он приказал построить корабли, по скорости не уступающие кораблям мавританских пиратов, но, посетив верфь, где стояли почти готовые суда, остался ими очень недоволен и велел их сжечь.

– Надо, чтобы наши суда могли поймать мавров, а вы неудачно подражаете им, – заявил он.

Как-то вечером он работал один. Дверь тихо отворилась. Адмирал поднял голову. Перед ним, согнувшись в поклоне, стоял высокий бритый человек в черном.

– Кто ты? – спросил король.

– Я генуэзец, мастер кораблей, – отвечал пришелец. – Ваша светлость хочет иметь быстроходные корабли. Я берусь построить такие, что поймают и комара.

– Когда? – спросил, приподымаясь, адмирал Индии.

– Через три недели, – ответил мастер.

Васко да Гама велел предоставить генуэзцу людей и материалы, и работа закипела. Через три недели первые пять быстроходных кораблей были готовы ринуться в погоню за пиратами. Адмирал позаботился и об экипаже для этих судов. Он приказал выплачивать гребцам двойное вознаграждение и отдавать им все, что будет найдено на палубе захваченных кораблей. Гребцы должны были брать с собой в трюм шлемы, мечи и латы, чтобы во время рукопашного боя превращаться в солдат.

Камознс.

В начале декабря Васко да Гама стал чувствовать себя совсем плохо. На затылке и шее образовались нарывы, и адмирал не мог повернуть головы. Это очень раздражало его, и он срывал свой гнев на окружающих.

Но старый адмирал не хотел признаться даже себе, что он болен, пересиливал себя и старался работать попрежнему.

Наконец в Кочин прибыл прежний губернатор. Он все время оттягивал приезд, надеясь, что за это время будет готов флот, возвращавшийся в Португалию, и он уедет, избегнув объяснения с грозным вице-королем. Дом Дуарте, боясь, что вице-король конфискует накопленные им в Индии сокровища, запер их в сундук и поручил одному из своих приспешников, священнику Падре Жоао, спрятать сундук в укромное место. Темной ночью Падре Жоао вместе с индусом-рабом Дом Дуарте поехали на берег и зарыли сундук в прибрежном песке. Чтобы отметить клад, они положили сверху бычий череп, а утром против черепа священник сделал зарубку на монастырской стене. Но когда через три дня священник и раб решили выкопать клад, они не нашли места, где он был спрятан. Какой-то прохожий толкнул ногой череп, и клад был потерян. Дом Дуарте пришел в ярость. Целую неделю Падре Жоао и индус каждую ночь приплывали к берегу и до утра копали песок. Когда они совсем отчаялись, индус случайно наткнулся на сундук.

Васко да Гама приказал, чтобы Дом Дуарте де Менезеш, не сходя на берег, пересел, как арестант, на «Кастелло», один из отправлявшихся в Португалию кораблей, и сдал дела представителям Васко да Гамы. Но Дом Дуарте узнал о болезни вице-короля и надеялся, что он умрет, не успев принять дел, а тогда Дом Дуарте опять останется губернатором до тех пор, пока Лиссабон не удосужится прислать ему замену.

Он решил затягивать передачу дел и отказывался пересечь на отведенный ему корабль.

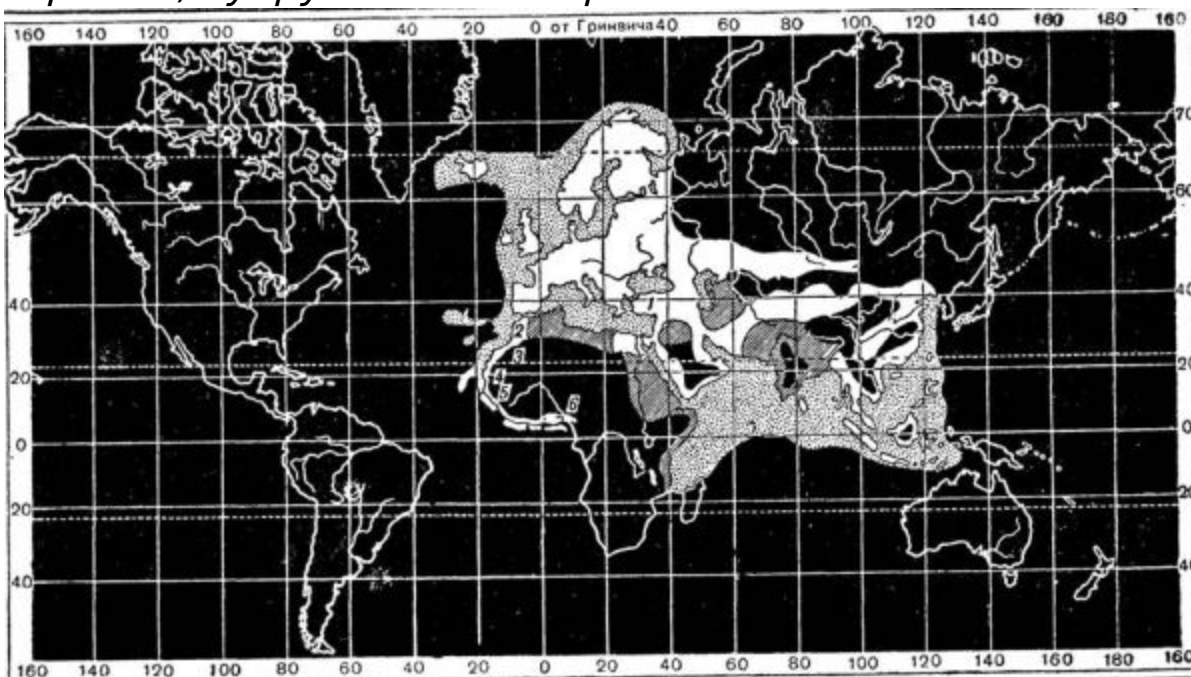
Васко да Гама понял, на что надеется Дом Дуарте. Адмиралу было очень плохо. Боль в затылке не давала

ему заснуть. Дом Васко становилось трудно говорить. Часто сознание изменяло ему.

Но вице-король велел перенести себя к окну и послал на корабль, где был Дом Дуарте, чиновников, приказав им, если Дом Дуарте в последний раз откажется пересесть на «Кастелло», – вызвать с корабля всю команду, а потом расстрелять корабль пушками других кораблей.

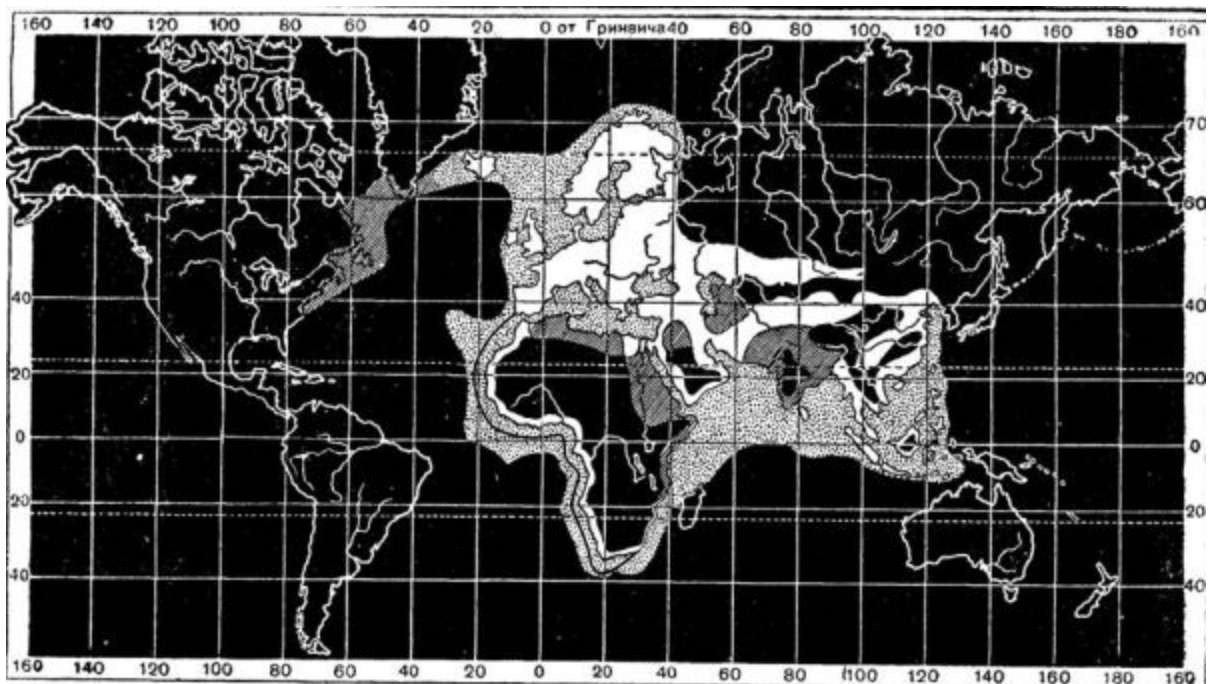
Через час он увидел, что от обреченного им ра гибель корабля отчалила лодка с Дом Дуарте и его свитой и поплыла к «Кастелло». Утром флот покинул Кочин и поплыл на родину.

Черным на картах закрашены области, не известные в то время жителям Западной Европы. Белым – известные земли. Заштрихованы – малоизвестные области или земли, о которых европейцы некогда имели представление, но потом сведения о них затерялись. В Азии оставлены белыми области, посещенные де Плано Карпинн, Рубруквисом и Марко Поло.

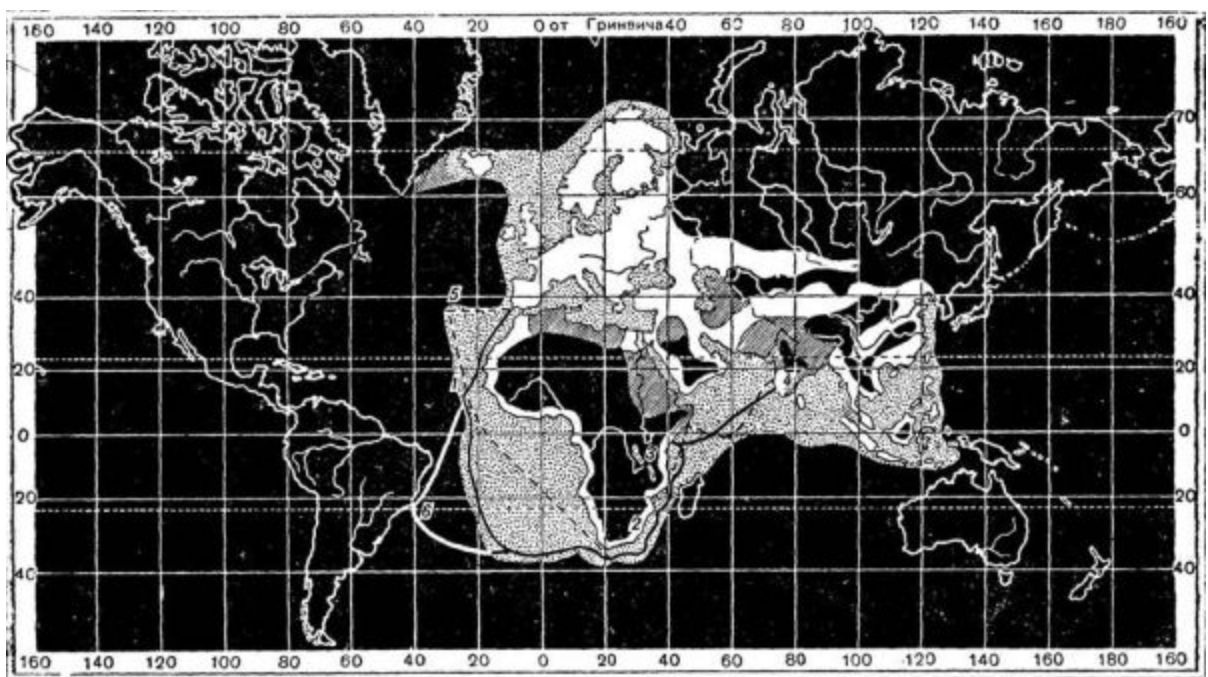

Открытия капитанов инфанте Энрике.

1 - Османская империя. 2 - Сеута. 3 - Мыс Божадор. 4 - Мыс Бранко. 5 - Зеленый мыс. 6 - Гвинея.

Плавание Бартоломеу Диаша.

Первое плавание Васко да Гамы и открытие Бразилии.

*1 - Острова Зеленого мыса. 2 - Наталь. 3 - Мелинди.
4 - Каликут. 5 - Азорские острова. 6 - Бразильский
берег.*

Днем состояние Васко да Гамы ухудшилось. Боль в затылке мучила его, но он крепился. Когда ему становилось лучше, он призывал писца и хриплым, прерывающимся голосом отдавал распоряжения. Ему все время казалось, что он упустил из виду что-то важное и значительное, а в голову назойливо лезли всевозможные мелочи, и Дом Васко диктовал удивленному писцу указ об увольнении мелких чиновников, о запрещении морякам кораблей, заходивших в Кочин, сходить на берег, о подсчете испорченного перца в королевских складах...

Васко да Гама сознавал, что все это – не стоящие внимания пустяки, но важного он никак не мог вспомнить. Вице-король Индии продолжал цепляться за власть, которой он добивался более двадцати лет. Но власть ускользала из его ослабевших рук, и адмирал слышал, как в соседней комнате шептались о его преемнике.

К вечеру адмиралу сделалось хуже. Он почти не мог говорить. Теперь у него не было сил крепиться. Он позвал священника и свидетелей и стал медленно диктовать завещание. Он завещал своим сыновьям увезти на родину всех слуг, привезенных в Индию, и тайно выплатить крупные денежные суммы женщинам, высеченным в Гоа, «дабы они могли найти себе достойных мужей».

По встревоженным лицам врачей и родных Васко да Гама понял, что дело плохо. Совсем стемнело. Адмирал выслал всех из комнаты и остался один. В душной, неподвижной атмосфере Кочина его мучил озноб.

На рассвете 24 декабря 1524 года Васко да Гама скончался.

Так умер человек, совершивший одно из самых замечательных открытий в истории путешествий, кровью и железом проложивший путь колониальному могуществу Португалии.

Васко да Гама удостоился такой чести, которая не выпадала на долю ни одному конкистадору. Величайший поэт Португалии Луис Камозэнс, написал о первом плавании Васко да Гамы знаменитую поэму «Лусиады».

Но феодальная Португалия не смогла удержать огромную колониальную империю. Потомки Васко да Гамы и его преемников д'Альмейды и д'Альбукерка не сумели сохранить их наследия.

Через сто лет после первого плавания Васко да Гамы в Индийском океане появились голландские корабли, и судьба португальской колониальной империи была решена. Сначала голландцы, а после англичане изгнали португальцев из Индии, Индонезии и Южной Африки.

Сейчас жалкие остатки португальских владений еще существуют по берегам Индии. Макао славится знаменитым игорным притоном.

Но деятельность Васко да Гамы имела большое значение для Португалии и для всего мира.

Открытие морского пути в Индию наряду с открытием Америки оказало огромное влияние на судьбы человечества.

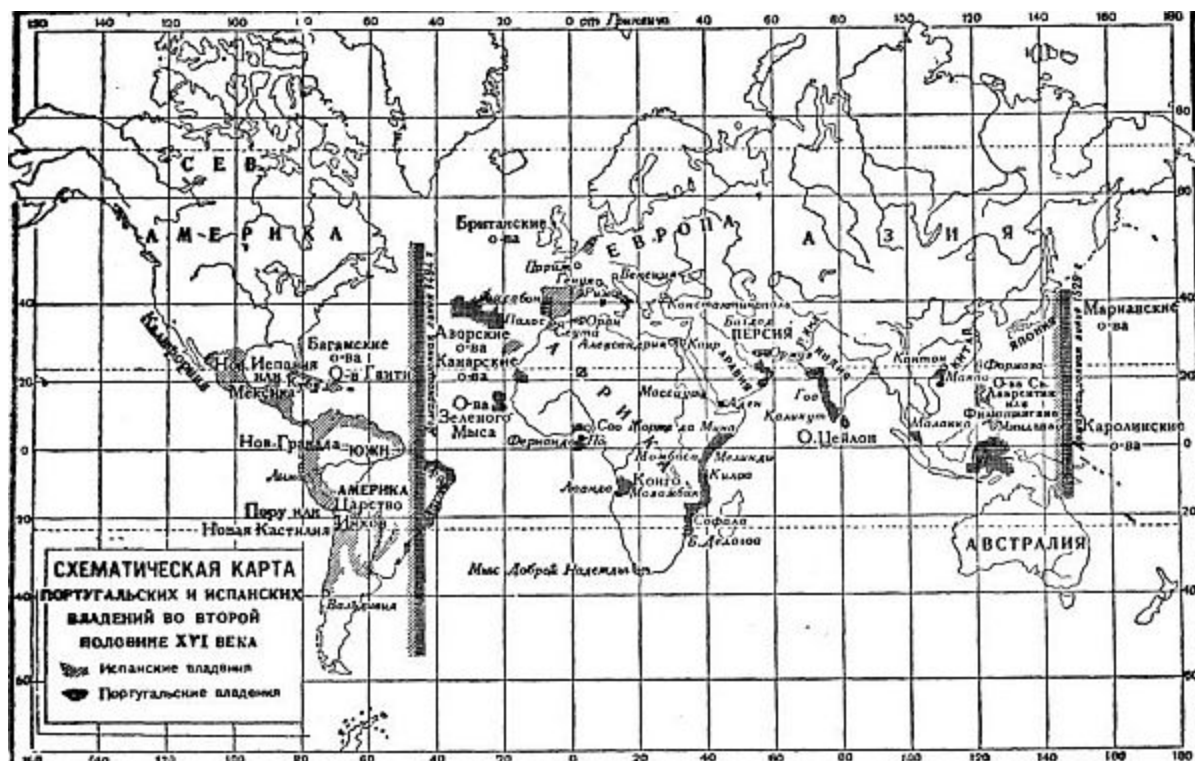
Из замкнутых морских бассейнов европейские народы впервые вышли на простор океанов. Средиземноморские страны – Венеция, Генуя, Флоренция, Каталония, Левант – уступили место новым странам, расположенным на берегах Атлантического океана – сначала Испании и Португалии, а потом Голландии, Франции и Англии.

Камоэнс.

Открытие морского пути в Индию и плавания Колумба ознакомили европейцев с неведомыми заокеанскими странами, дали мощный толчок развитию науки и искусства, вызвали к жизни расцвет географии, кораблестроения, математики, астрономии. Эти открытия повлекли за собой невиданные сдвиги во всем экономическом укладе средневековой Европы.

Но для восточных народов открытие морского пути в Индию знаменовало начало порабощения, начало эпохи колониального угнетения.

ЭПИЛОГ

Шел 1567 год. После смерти великого Васко да Гамы прошло более сорока лет. Над столицей Португальской Индии, над «Золотой Гоа» спускался вечер.

Высокий одноглазый человек, отставной воин и моряк «Южной Армады», Луис Камознс допил свою чарку под матерчатым навесом таверны «Серебряный шар».

Кругом шумел базар Гоа. Надрывались торговцы, зазывая покупателей; мавры-барышники с гиканьем проносились по площади, показывая арабских жеребцов толстому индусу, приказчику мелкого горского раджи. В таверне шла игра. Чернобородые, загорелые солдаты пропивали и проигрывали в кости и карты серьги, браслеты нитки дешевого жемчуга, добытые во время грабежа цейлонских городов. Около таверны, под тенью монастырской стены, иранец играл с португальцами в шахматы на деньги. Дальше тесный кружок людей обступил невысокий столик. Слышались восклицания, смех, Это был бой петухов.

Фидальго на прогулке в Гоа.

Толпа расступилась. Рабы, одетые в пестрые ливреи, расчищали дорогу дородному всаднику на

пышно убранной лошади. Негр в красном тюрбане защищал господина от солнца огромным зонтом. Португальские фидальго любили эти вечерние прогулки по городу в носилках и на богато убранных конях со свитой рабов. Но не всякий мог содержать коня, рабов и богатые украшения. Поэтому часто несколько фидальго приобретали и содержали вскладчину весь набор, необходимый для прогулок. Пока один из них совершал торжественную прогулку по городу, вызывая восхищение красавиц, любовавшихся им из-за опущенных штор, остальные дожидались в таверне своей очереди.

Из-под навеса таверны «Серебряный шар» Камознс видел невдалеке рынок рабов. В португальских колониях все покоилось на труде невольников. Непрерывные набеги на индийское и африканское побережья и разбойничьи захваты кораблей поставляли в Гоа множество рабов. Город Гоа гордился своим невольничьим рынком. По количеству продававшихся рабов Гоа уступала только Лиссабону, где продавали невольников из всех частей необъятной португальской державы, и Алжиру, где торговали пленниками – добычей пиратских набегов.

Камознс видел тесные стойла, где сгрудились закованные в кандалы негры и индусы. Это были сильные люди. Их предназначали для самой тяжелой, самой изнурительной работы – копать каналы и бассейны, носить тяжести, качать воду в арыки, грести на галерах. Между стойлами ходили покупатели. Они были придирчивы – осматривали рабам глаза и руки, считали зубы, щупали мускулы. Продавцы знали множество хитростей. Они кормили рабов всяческими снадобьями, чтобы больных и старых выдать за бодрых и молодых.

Дальше в низеньких загонах толпились дети. Здесь покупателей было меньше. Девочек покупали, чтобы,

вырастив, продать в «веселый дом» или в гарем, мальчики пополняли челядь богатых португальцев.

Еще дальше шли маленькие каморки, завешенные цветистыми материями. Здесь продавали девушек и женщин – пленниц из Аравии, Индии и Явы. Там со смехом толпились молодые фидальго.

Изредка слышался звон лютни и удары бубна. Это хозяин демонстрировал покупателям искусство своей рабыни.

Картина эта была знакома Камозэнсу. Повсюду в португальских владениях были рынки рабов. Повсюду рабы и рабыни работали на полях и каменоломнях, строили дома, гребли на судах, носили тяжести, услаждали досуг своих португальских господ.

Шумная толпа индусов, португальцев, арабов и иранцев наполняла базар. Винные лавки бойко торговали пальмовым вином, рисовой водкой и даже привозным вином из Португалии и Мадейры. Многие жевали бетель.

Фокусник с Андаманских островов, окруженный затаившей дыхание толпой, играл на маленькой дудочке. Послушная унылому напеву, огромная кобра выползала из корзины на глазах у замороженных зрителей.

Разостлав платок, плясала тоненькая смуглая танцовщица. Индус в зеленой чалме жонглировал фруктами: гранаты и апельсины вертелись в воздухе.

Из монастыря Сао Жоао Эванжелиста еще доносились голоса учеников, хором зубривших псалмы; в верфях еще шла работа, и сюда, на базарную площадь, долетали стоны пилы и окрики надсмотрщиков, подгонявших рабов.

Но вечер вступал в свои права. Прозвучал колокол, кончилась вечерня. Из монастырских ворот хлынули молившиеся. Было много мусульман и индусов. Они бережно держали двумя пальцами маленькие синие

билеты. В Гоа каждый нехристианин был обязан раз в неделю прослушать проповедь в доминиканском монастыре. При выходе из церкви он получал от монаха билетик и потом предъявлял его начальнику квартала. На базаре стало тише...

Камознс задумался. Да, прав был старый друг. Гаспар Корреа, посвятивший много лет изучению истории Португальской Индии. Начало блистало золотом – кто знал, что внутри все сгниет? За последнее время он не мог отделаться от мысли о судьбе родной страны. Все чаще и чаще Камознс вспоминал героическое прошлое Португалии – тех людей, что за какие-нибудь тридцать лет создали португальскую колониальную державу от Бразилии до Китая.

Он видел распад и гниение, царившие в Португальской Индии, и старался уйти от мелких и обыденных дел «Золотой Гоа» в великолепное прошлое Португалии. Больше всего его привлекал образ человека, приведшего португальцев в Индию, – образ великого адмирала, славного Васко да Гамы.

Камознс хорошо знал прошлое Португалии и историю открытия Индии. Он помнил, что Васко да Гама и д'Альбукерк создали великую колониальную державу кровью и железом, насилием и обманом.

Но поэт не любил вспоминать о темных сторонах своего любимого героя. В его воображении великий Васко да Гама становился сказочным титаном. Он спорил со стихиями и дружил с нимфами. В нем воплощалась вся доблесть славного португальского народа – народа воинов и моряков. Камознс думал назвать свою поэму о Васко да Гаме «Лусиады» – по имени лузитанцев, древних предков португальцев. Черты живого Васко да Гамы в воображении Камознса переплетались с чертами героев рыцарских романов. Старческий голос вывел его из задумчивости.

Камоэнс.

– Позволит господин спеть песню о славных подвигах?

Камоэнс поднял голову. Слепой старик-португалец стоял перед ним. Видно, он был когда-то солдатом. Старик был одет в старую порыжевшую кожаную кирасу. Лютня с зеленым бантом болталась у него на перевязи. Его вел маленький мальчик-индус с большими черными глазами.

– Спой, старик, – промолвил Камоэнс.

Старик-солдат взял лютню, попробовал несколько аккордов и запел слабым, но приятным голосом. Он пел по всем правилам старинных романсеро – с повторениями и обращением к слушателю. Он пел о битвах с маврами и кастильцами, о славных героях Альжубарроты и Сеуты; вдруг он запел о первом плавании в Индию, о боях с Заморином, о смерти Васко да Гамы, о подвигах д'Альбукерка, Пашеко Перейры...

Камоэнс внимательно слушал. Как странно: этот старик поет о том, о чем пишет он, Луис Камоэнс, в заветной тетради. Герои прошлого в песне старика кажутся такими же титанами, наделенными сверхчеловеческими свойствами, что и в поэме Камоэнса.

Теперь старик пел о героической гибели сына Васко да Гамы, поспешившего в Абиссинию на помощь первосвященнику Иоанну против мусульман.

Внезапно старик умолк.

– А дальше? – спросил, очнувшись от своих дум, Камозэнс.

– Дальше, господин, не было ничего достойного песни, – ответил старый солдат.

И в самом деле, то, что происходило в Гоа сегодня, не стоило ни песен, ни поэм. Камозэнс протянул старику монету и встал. Теперь на вторую чарку не хватит...

Он пошел через начинавшую пустеть площадь и узкие улицы к себе домой на окраину города. Набежал теплый дождь. Камозэнс вышел на огромную площадь перед темным дворцом вице-королей. Под теплым дождем мокла триумфальная арка, воздвигнутая городом Гоа в честь вице-короля Дом Константино да Браганца.

Вице-король совершил триумфальный въезд в город, было шумное празднество, самые благородные фидальго публично выступали на шуточных турнирах, так называемых «играх с бамбуком», – где бамбуковые палки заменяли боевые копья. В маленьком театре у ворот шла пьеса Камозэнса. Триумф удался на славу. Только повод для триумфа был, пожалуй, недостойным.

Вице-король неожиданно напал на Цейлон и захватил города, принадлежавшие союзникам Португалии. Португальцы нашли на Цейлоне богатую добычу. Участники набега на Цейлон полгода наполняли улицы и площади Гоа, играли, пили и дрались на дуэлях. Дом Константино вывез из Цейлона главную святыню буддистов – Далада – «зуб Будды». Когда буддийские властители Индии и Индонезии узнали, что «священный зуб» попал к португальцам, в Гоа поспешили посольства. Они предлагали огромный выкуп, обещали вечный союз, если португальцы вернут

«священный зуб». Вице-король колебался, но архиепископ настоял на своем. Спорить с ним было трудно. Еще в 1560 году в Гоа была введена инквизиция. Зуб торжественно сожгли и пепел бросили в реку. В честь сожжения зуба и был устроен пышный триумф.

Камознс подумал о прежних триумфах, когда встречали героев, о триумфе Дуарте Пашеко Перейры, д'Альбукерка и де Кастро. Он пересек площадь и углубился в лабиринт узких и кривых улочек. Здесь жили люди попроще – мелкие чиновники и отставные солдаты-португальцы с их индусскими женами, индусские и мавританские купцы.

Иногда он слышал смех и женские голоса сквозь занавесы окна. Многие португальцы завели в Индии целые гаремы из рабынь и держали своих жен и наложниц взаперти. Часто слышались стоны. Это наказывали невольника или рабыню. В Гоа умели наказывать рабов продуманно и жестоко.

Совсем стемнело. Луис Камознс задумался о своей судьбе.

В прошлом был дом в стране морских туманов, соленых брызг и северного ветра; Коимбра с древними соборами и узкими улочками, с белыми и розовыми домами, с ее садами маслин, апельсинов, алоэ, роз и дрока, с белыми августинцами, черными студентами и педелями в масках; Коимбра с ее грамматикой и риторикой, студенческими спектаклями, состязаниями поэтов, ночными серенадами, пирушками и мечтами о заморских странах.

Потом Лиссабон, шумная гавань, веселые таверны, пышный и жеманный двор Жоао III, встреча с возлюбленной – прекрасной Натерсией.

В 1547 году Камознс уехал в Марокко. Даже теперь, через двадцать лет, вспоминал он с тяжелым чувством те два марокканских года, тоску заброшенных в горах

гарнизонов, африканскую жару, нудную лямку военной службы, бесцельные экспедиции в горы, изнуряющую войну с хитрым, смелым и жестоким врагом.

Там, в Марокко, в случайной стычке с маврами он потерял правый глаз.

В 1549 году он вернулся в Португалию; но для незадачливого воина доступ ко двору был закрыт. Через два года в уличной драке он ранил королевского чиновника. Восемь месяцев просидел Камозэнс в лиссабонской тюрьме, и его выпустили только после того, как он дал обязательство поехать в Индию.

«Неблагодарная отчизна, не обретешь костей моих», промолвил он с грустной усмешкой слова Сципиона Африканского.^[29] Эти слова он повторял четырнадцать лет тому назад, когда в вечерней дымке скрывались очертания родной земли.

На Востоке он тоже не нашел себе места – воевал с маврами и индусами на Малабарском побережье, записался в «Армаду Севера» и плавал на королевских кораблях в Персидском заливе и Красном море, принимал участие в карательных экспедициях против пиратов, попал в «Армаду Юга» и побывал далеко на Востоке, в Малакке, на «Островах пряностей», воевал с китайскими пиратами, усмирял мятеж португальского гарнизона в Тернате и очутился в Макао – шумном китайском городе, арендованном португальцами.

Он был неудачником; другие давно пожинали плоды своих подвигов, наслаждались покойной жизнью в Гоа или в Португалии, а он все еще бродил в поисках счастья по дальним морям и неведомым землям.

Камозэнс видел всю роскошь и нищету, всю многокрасочную жизнь португальских владений, величие прошлых дел Португалии и царивший теперь упадок. Все чаще и чаще мысль его возвращалась к

славным делам прошлого, и уже несколько лет он возил с собой заветную рукопись.

Но неудачи его преследовали. Из Макао его выслали по нелепому обвинению в измене, а у берегов Камбоджи тайфун потопил судно, на котором плыл поэт. Камоэнс спасся, но вода намочила рукопись, многие места приходилось восстанавливать по памяти. С трудом он добрался тогда до Гоа.

...Камоэнс прибавил шаг. Он шел теперь мимо глухой каменной стены. Из-за высокой ограды доносился тихий звон оков. Этого места Камоэнс не любил. Он сидел в этой тюрьме вместе с беглыми рабами, дезертирами, убийцами и грабителями. Он попал туда во время дождливого сезона, и глинобитные стены камер были покрыты зеленой плесенью. Это было самое страшное время в его жизни. В тюрьме он узнал о смерти любимой Натерсии.

Потом пошли годы жизни в Гоа. Вице-король наградил Камоэнса за его индийскую службу «правом на вакансию» начальника фактории в Чауле. В Португальской Индии на одну должность назначали множество кандидатов, ждавших своей очереди. Новый начальник фактории был назначен совсем недавно. Он мог занимать эту должность три года, а потом она передавалась на три следующих года очередному кандидату.

До Камоэнса ждали своей очереди четырнадцать человек, так что рассчитывать на эту должность не приходилось. Уже четырнадцать лет прожил он на Востоке. Старые друзья давно были в Португалии или в могиле...

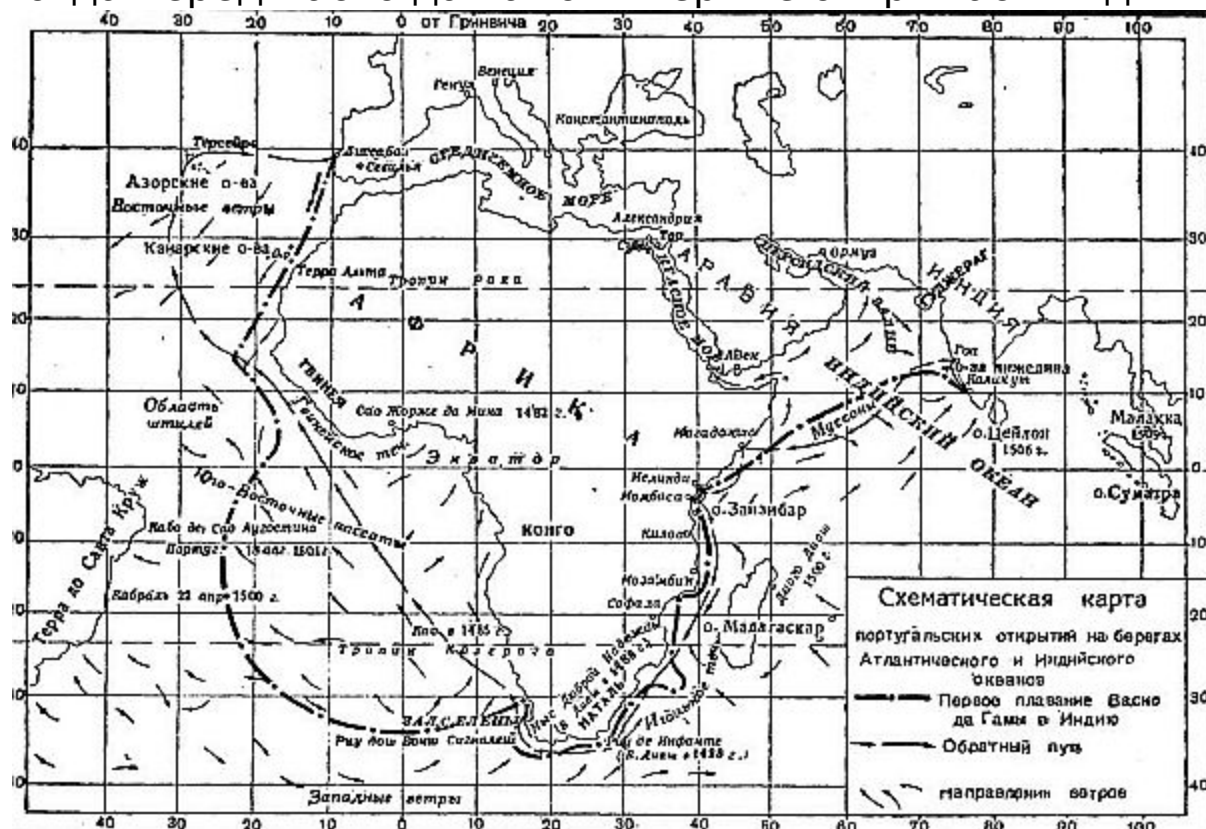
Пора было возвращаться на родину.

Он вышел на набережную морского пролива. От воды пахло свежестью. Вдали медленно ползли разноцветные огни и звенел колокол. В гавань осторожно входила какое-то большое судно.

Да, пора было возвращаться на родину!

По скрипящему горбтому мостику Камознс перебрался через канал. Он был почти дома. Знакомые запахи обступили его. Пахло человеческим жильем, рыбою и морем. Здесь, на рыбацкой окраине «Золотой Гоа», жил Камознс. Еще два поворота по кривому темному переулку. Он постучал. Дверь открыл старый яванский раб со светильником в руках. Камознс поднялся к себе на второй этаж и открыл окно. В комнату ворвался свежий ветер с моря и чуть не задул светильник.

Камоэнс достал из шкатулки покоробившуюся тетрадь, сел у окна и стал писать о том золотом утре, когда перед Васко да Гамой впервые открылась Индия.

notes

Примечания

Философическая в политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, сочиненная аббатом Рейналем. Перевод с французского. Часть первая. В Санкт-Петербурге, в типографии Шнора, 1805, стр. 2.

В 1383 году португальский престол захватил Дом Жоао да Авиш, незаконный сын Фернао, последнего короля из Бургундской династии. Он царствовал под именем Жоао I и был отцом Инфанте Энрике – Генриха Мореплавателя.

Ныне на берегу этого залива расположен один из важнейших портов Южной Африки – порт Элизабет.

4

Ныне Большая Рыбья река (Грейт Фиш Ривер).

Gaspar Correa. Lendas da India. Гаспар Корреа – автор летописной истории Индии, написанной в 60-х годах XVI века.

Карл Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, 1940, стр. 98, (Курсив Маркса).

Крусато – португальская монета, содержащая 229,5 грамма золота. Один крусато равен 380 реисам.

«Roteiro» – дневник неизвестного участника первого плавания Васко да Гамы в Индию.

Квадрант – старинный астрономический прибор, служивший для определения высоты небесных светил.

Бетель – листья кустарника из семейства перечных. На Востоке с незапамятных времен жуют листья бетеля вместе с кусочками семян арековой пальмы и известью. При жевании бетеля выделяется красная слюна, а зубы чернеют

По «Roteiro»

12

То же.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, М., 1933, стр. 362.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, М., 1933, стр. 347.

Из письма флорентинца Джироламо Серинги из Лиссабона во Флоренцию (летом 1499 года), посвященного итогам первого плавания Васко да Гамы в Индию.

16

Ксерафин – серебряная монета. 1 ксерафин равен 300 рейс.

Чибча – группа индейских народностей на территории Колумбии и Центральной Америки. Древняя культура и государственность Чибча разрушены испанскими завоевателями в XVI веке.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, М., 1937, стр. 823.

Каса да Мина – учреждение, ведавшее золотыми рудниками Сао Жорже да Мина на Гвинейском побережье Африки.

Мойос – старая португальская мера сыпучих тел. 1 мойос равен 8,1395 гектолитра.

Португальская лига равнялась 6,1996 километра.

Португальский квинтал – мера веса, равная 58,75 килограмма.

Gaspar Correa, Lendas da India.

Navigatione verso l'India Orientali scritta per Thomé Lopez Portoghese, edite per G. B. Ramusio.

Перед прибытием жреца на корабль Васко да Гама гарантировал ему неприкосновенность как послу Заморина.

Карри – индусское кушанье, приправа к рису в виде кашицы из овощей, фруктов, мяса или рыбы, раздробленных мелкими кусочками и сваренных вместе с пряностями.

Caspar Correa. Lendas da Índia.

В это время в Коилуне правили царицы- рани; но их мужья не носили титула раджи—царя.

Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235–183 до н. э.) – знаменитый римский полководец, победитель Ганнибала. Был обвинен в присвоении военной добычи и умер в изгнании, приказав написать на своей могиле слова, которые произносит Камознс.